

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 2 (103)

Academic Journal

Series:
Sociological Studies

Moscow 2013

ВЕСТНИК РГГУ
№ 2 (103)

Научный журнал

Серия «Социологические науки»

Москва 2013

УДК 316(05)
ББК 60.5я

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Серия «Социологические науки»

Редакционная коллегия:
Ж.Т. Тощенко – отв. редактор
Н.М. Великая
Е.А. Гришина
А.В. Захаров
Е.В. Колосова
Д.Ж. Кондов
А.В. Стрельникова
И.О. Шевченко

Номер подготовили:
Н.М. Великая
Е.В. Колосова
И.О. Шевченко

СОДЕРЖАНИЕ

Социология культуры и образования

<i>Н.В. Романовский</i> «Новая» и «старая» интеллигенция: продолжение темы	11
<i>Н.М. Великая, А.А. Голосеева</i> Актуальное искусство в культурном пространстве современной России: социологическое измерение	29
<i>Ф. Сакка</i> Глокализм политической культуры (<i>Перевод Л.А. Хафизовой</i>)	45
<i>И.Н. Бабич</i> Чтение как средство социализации личности в трансформирующемся обществе	54
<i>С.С. Касаткин</i> Особенности работы СМИ в советский и постсоветский периоды	67
<i>И.В. Воробьева</i> Парадоксы реализации принципов Болонского процесса в российском образовательном пространстве	74
<i>Н.И. Белова</i> Формирование здорового образа жизни населения в рамках института здравоохранения: состояние, противоречия, проблемы	80
<i>С.М. Тищенко</i> Ценностные ориентации населения ЮАР в глобальном и региональном контекстах	87

Социология семьи

И.О. Шевченко

Социальные сети и практики взаимопомощи в семьях с маленькими детьми	101
--	-----

Ю.В. Кравченко

Устойчивость молодой сельской семьи в социально-экономическом пространстве региона (по материалам исследования в Ростовской области)	119
--	-----

Социология молодежи

А.С. Кормилец

Положение молодых инвалидов в городе Москве: социологический анализ	125
---	-----

М.О. Власов

Профессиональный футбол как фактор гражданского и патриотического воспитания молодежи	141
---	-----

Социология детства

О.А. Гуркина, Е.А. Колосова

К вопросу об актуальности изучения детства в социологии	149
---	-----

С.Н. Майорова-Щеглова

Тенденции изменения воспитательных практик в России: опыт использования метода Дельфи в среднесрочном прогнозе	158
--	-----

С.В. Павлов

Телесмотрение в структуре досуга подростков и юношества современной России: социологический анализ	175
--	-----

А.Ю. Губанова

Подростки в интернет-среде: общение, чтение, поведение	184
--	-----

А.А. Жирикова, А.В. Сычев

Детские общественные организации как элемент института гражданского общества современной России: социологический анализ	191
---	-----

В.П. Ткач

Социальные аспекты медиапотребления детей младше трех лет	202
---	-----

Методы и опыт социологического измерения

<i>А.В. Стрельникова</i>	
Социальное картографирование: эволюция метода	210
<i>А.В. Кученкова</i>	
Отношение к праву на протест в разных странах: опыт вторичного анализа	218
<i>Г.В. Баранова, А.А. Баранов</i>	
Социальная активность (опыт методологического анализа)	233
<i>М.А. Новиков</i>	
Типизация – инструмент феноменологической социологии А. Шюца	243
<i>С.В. Докука</i>	
Социальный индивидуализм в информационном обществе	250
Abstracts	259
Сведения об авторах	267

CONTENTS

Sociology of Culture and Education

<i>N.V. Romanovskiy</i> The “new” and “old” intelligentsia: continuing the theme	11
<i>N.M. Velikaya, A.A. Goloseyeva</i> Actual arts in the cultural space of modern Russia: sociological approach	29
<i>F. Sacca</i> Glocalizm of political culture (<i>Translated by L. Kchafizova</i>)	45
<i>I.N. Babich</i> Reading as a mean of socialization in a transforming society	57
<i>S.S. Kasatkin</i> Features of mass media options in the soviet and post-soviet periods	67
<i>I.V. Vorobyeva</i> Paradoxes of the principles of the Bologna process in Russian educational space	74
<i>N.I. Belova</i> The formation of healthy lifestyle of the population in the framework of the institute of public health: condition, controversies, problems	80
<i>S.M. Tishchenko</i> Value focus of the republic of South Africa in global and regional contexts	87

Sociology of Family

I.O. Shevchenko

- Social networks and the practice of mutual help
in families with young children 101

J.V. Kravchenko

- Stability of a young rural family in social and economic space
of the region (on research materials in the Rostov region) 119

Sociology of Youth

A.S. Kormilets

- Status of young people with disabilities in the city of Moscow:
sociological analysis 125

M.O. Vlasov

- Professional football as a factor in the civil
and patriotic education of youth 141

Sociology of Childhood

O.A. Gurkina, E.A. Kolosova

- On the relevance of the study of childhood in sociology 149

S.N. Maiorova-Scheglova

- Trends of change of educational practices in Russia: attempts
of Delphi-method's usage in medium-dated forecast 158

S.V. Pavlov

- TV-viewing in the structure of leisure of teenagers and young
in modern Russia: sociological analysis 175

A.Yu. Gubanova

- Adolescents in the internet-environment: communication,
reading, behavior 184

A.A. Zhirikova, A.V. Sychev

- Children's public organizations as an element of the institute
of civil society in modern Russia: sociological analysis 191

V.P. Tkach

- Social aspects of media consumption of children under three years 202

The methods and experience of the sociological dimension

<i>A.V. Strelnikova</i>	
Social mapping: the evolution of the method	210
<i>A.V. Kuchenkova</i>	
Attitudes toward the right to protest actions in different countries: an experience of secondary analysis	218
<i>G.V. Baranova, A.A. Baranov</i>	
Social activity (methodological analysis)	233
<i>M.V. Novikov</i>	
Typification as a means of A. Schutz's phenomenological sociology	243
<i>S.V. Dokuka</i>	
Social individualism in the information society	250
Abstracts	259
General data about the authors	267

Социология культуры и образования

Н.В. Романовский

«НОВАЯ» И «СТАРАЯ» ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ¹

Анализируется роль отечественной интеллигенции (за весь период существования этой социальной страты) в цепи событий истории России. Делается вывод о том, что ключевые группы интеллигенции не сумели отвести от страны серию трагедий и катастроф, характерных для истории России XIX–XXI в. Выявлены и обсуждены некоторые существенные черты «старой» и «новой» интеллигенции, способствовавшие такому ходу исторического процесса.

Ключевые слова: интеллигенция «старая», интеллигенция «новая», новейшая история России, характеристики интеллигенции, формирование интеллигенции.

Предварительные замечания. Эта статья готовилась к традиционной XIII международной теоретико-методологической конференции социологического факультета РГУ «“Новая” и “старая” интеллигенция: общее и особенное» (апрель 2012 г.). Ко времени текст завершить не получилось, но проблема сравнения двух срезов в истории интеллигенции не отпускала. Заложенный в теме потенциал подхода в рамках исторической социологии уже в первом приближении обещал значимые результаты. Конференция прошла, а желание довести до конца работу над несостоявшимся на ней выступлением – нет. При первом взгляде тема «приглашала» сравнивать с «новой», современной, интеллигенцией некую, скорее всего, идеально-типическую интеллигенцию минувших времен российской истории («старая»). Например, ту, которая породила и сам феномен, и понятие русской, российской интеллигенции

(времена Боборыкина и «хождения в народ» и т. д.). Однако в ходе поиска плодотворного подхода к решению темы обрисовалась возможность и иного выбора пути – по-своему оправданного и значимого, ценного. Например, совершенно определенно не хотелось уходить от сравнения современности с советским временем: там тоже обнаруживалось много поучительного «общего и особенного» для науки. Решающим при выборе пути стал теоретический опыт исторической социологии с ее стремлением исследовать процессы² и анализировать структурирующий потенциал событий прошлого³. Эти методологические стратегии (историзация проблемы) легли в основу предлагаемого ниже видения проблематики, обсуждавшейся на конференции.

«Новую» интеллигенцию со «старой» связывают определенные процессы и события отечественной истории, сформировавшие эту историю и конкретно-исторический облик российской интеллигенции. Временной диапазон исследуемого периода, как представляется, может иметь своим исходным пунктом несколько вариантов: строгость периодизации тут не важна, важнее конкретные, максимально значимые события истории. Анализ реальных событийных рядов между исходной точкой и нашим временем под углом зрения характерных для современной интеллигенции страны качеств представлялся потенциально многообещающим. Что и подтвердилось в ходе проработки темы, позволив сделать некоторые выводы относительно актуальных общественных характеристик тех групп, которые сейчас описываются понятием «интеллигенция». К этому понятию в наши дни относятся по-разному, что подразумевает и допущение отсутствия в современной России «интеллигенции» как таковой⁴; возможно, сам этот термин явился на свет без достаточных оснований, будучи изначально ошибочным. Однако а) научная традиция и б) этика научного дискурса не позволяют – пока – отказываться от его употребления.

Поэтому нельзя обойтись без кратких замечаний по поводу того, как в данной статье рассматривается сложная, несомненно нуждающаяся в специальном разговоре проблематика понятия *интеллигенция*. В более чем полуторастолетнем дискурсе российской интеллигенции значимыми в данном контексте оказались три – инструментальные и исторически реально значимые, публично заявлявшиеся в свое время – социальные характеристики. Обозначу их предельно широко, полностью отдавая себе отчет в том, что каждая из формулируемых ниже характеристик нуждается в уточнениях и конкретизациях: 1) уровень образованности;

2) отношение к народу; 3) общественный активизм, оппозиционность к правительству.

Правда, этим ограничиться нельзя. В советское время понятие «интеллигенция» претерпело фундаментальные изменения, наложившие глубокий отпечаток на современное его употребление. Сталин, провозгласив победу социализма в СССР, постарался подкрепить этот вывод данными, которые подтвердили бы факт коренного обновления социальной структуры общества. В рамках жестко классового подхода им был сделан вывод⁵, что в СССР возникла новая, народная интеллигенция, дружественная по отношению к классам рабочих и крестьян, в основном охватывающая работников умственного труда⁶ и всецело поддерживающая идеалы и цели рабочего класса, читай – курс и власть коммунистической партии. Фактически в интеллигенцию («прослойку» – еще один сталинский термин) стали включать всех, кто был не занят на производстве физическим трудом. На бытовом уровне подобное понимание интеллигенции преобладает до сих пор.

По содержанию статья состоит из двух вопросов, прямо относящихся к сопоставлению «новой» и «старой» интеллигенции; правда, я ограничиваюсь в основном выявлением общего у разных поколений и групп, ее образующих. В одном разделе статьи на фоне российской истории XX и начала XXI в. показаны и обобщены данные о вкладе российской интеллигенции в конкретные события истории страны, ее влиянии на их ход и исход. Из данного исторического материала во втором разделе сделаны обобщающие выводы относительно качественных характеристик российской интеллигенции («старой» и «новой»). Таким образом, на исторически протяженном отрезке времени определены некоторые наиболее значимые черты облика данной социальной группы, которые и сформировали показанную в первом разделе статьи специфическую роль в судьбах страны. В заключение не будут обойдены молчанием в тексте и варианты ответов на традиционный вопрос российских интеллигентов «Что делать?» Повторенное в этом абзаце слово «обобщение» отражает бесспорную, как кажется, невозможность развернутой аргументации и доказательств достоверности приводимых фактов. Но, думается, мне удалось держаться принципа обобщения только таких реальных фактов и данных прошлого, которые являются исторически бесспорными.

История России в XX в. – больше, чем история: это история, по выражению английского историка Э. Хобсбаума⁷, «крайностей», экстремизма, «экстремальностей» (extremes). Данным словом эле-

гантно описаны невиданные ранее катастрофы и жертвы, успехи и прорывы в будущее, колоссальные потрясения и трансформации устоев человеческой жизни. Россия, Советский Союз неизменно находились в центре этих перипетий. Если пытаться порассуждать на этом фоне о выпавших за это время на долю России разного рода «экстремальностей», страна наша вполне может претендовать среди других ведущих акторов истории на печальное лидерство. Суммарные демографические потери России в первой половине XX в. не просто велики; они ставят под вопрос существование страны, во всяком случае – в ее традиционном демографическом и культурном облике.

Переводя это лидерство в плоскость разговора о «новой» и «старой» интеллигенции, следует заключить: и «старая», и «новая» интеллигенция не сумели отвести от страны целый ряд катастроф. От этого неприятного вывода нецелесообразно уходить; я, во всяком случае, его делаю центральным. Упреждая критику, сразу же подчеркну: были в рассматриваемый период и великие всемирно-исторические достижения российской интеллигенции в политической, социальной, культурной, экономической сферах. Этот вклад российской интеллигенции в развитие страны и мира нельзя недооценивать. Были прорывы, искания, достижения. Однако решающим для приведенной выше оценки итогов предшествующего исторического периода является то, что по состоянию на начало XXI в. большинство достижений предшествующих поколений народов страны ушли на ветер. Переберите общеизвестные данные о текущем состоянии каждой из четырех социетальных сфер⁸ нашей страны (не забыв при этом этнонациональной ситуации), и вы увидите, что в этой оценке нет преувеличений. (Н.И. Лапин вносит оригинальные дополнения в классическую схему социетальных сфер Т. Парсонса.)

В этом месте следует сосредоточиться на облике интеллигенции России, обобщая данные о ее роли в исторически экстремальных событиях, постигших страну, и складывавшихся из них процессах.

Первая принципиальная характеристика рассматриваемой нами социальной группы, на которую следует обратить самое пристальное внимание. Наступление того или иного (как оказывалось раз за разом, рокового, катастрофического для страны, народа) события оказывалось всякий раз для групп, по нынешним понятиям подпадающих под название интеллигенции, по большей части неожиданными. Их участники – прежде всего интеллигенты – раз за разом оказывались к событиям не готовы. В итоге нескончаемая

последовательность событий такого рода определенным образом структурировала практически всю отечественную историю последнего столетия.

Что ни возьми: начало Русско-японской войны, 9 января 1905 г., начало Первой мировой войны, обе революции 1917 г., отношение массы крестьянства к форсированному насаждению колхозов, 22 июня 1941-го, последствия ввода советских войск в Афганистан для режима и страны, исход начатой Горбачевым перестройки, реакция населения на ввод Армавирской бригады в Грозный под новый 1995 год и т. п. – всякий раз подобные катастрофические для страны, для народа шаги (их приведенный перечень далеко не полон) оказывались «неожиданными». И для властей, и для значительных и значимых групп интеллигенции. Всякий раз заранее сформулированные прогнозы и планы оказывались нереализуемыми, события развивались далеко не так, как это представлялось «накануне», их результаты по большей части оказывались совсем не такими, как представлялось инициаторам. Во что обошлись стране и ее народу подобные просчеты в историческом масштабе, подсчитать невозможно даже приблизительно (немалые миллиарды!). Нет, безусловно, были отдельные голоса, раздавались предупреждения, предостережения. Но раз за разом в истории страны мы видим принятие решений, которые – здесь я позволю себе использовать термин битых гитлеровских генералов, пытавшихся понять причины своих поражений, – нельзя не назвать «роковыми».

По поводу предпосылок этой своеобразной «закономерности» я изложу свои соображения ниже. Сейчас же прокомментирую еще одну, *вторую* принципиальную характеристику групп, образовавших интеллигенцию России и СССР в XX в., и тоже связанную с рядом трагических для страны и народа событий и процессов на рассматриваемом отрезке ее истории. Отмеченная выше черта – неготовность к надвигавшимся с определенной долей вероятности испытаниям – характеризует принимавшиеся решения и поведение затронутых «акторов» в критических ситуациях того типа, который обозначен выше; *она относится практически ко всем группам общества, образующим анализируемую социологами РГУ уже свыше 10 лет интеллигенцию России и СССР.* Такова вторая принципиальная характеристика интеллигенции нашей страны, содействовавшая катастрофическим событиям в ее истории. Практически все группы интеллигенции причастны к формированию катастрофического тренда истории страны рассматриваемого периода. Повторяю свой вывод: ряды конкретных событий, придав-

ших столь специфический характер процессам развития страны, связаны практически со всеми группами (по отдельности или вместе с другими) населения, которые и составляют ее интеллигенцию⁹. Истоки политических катаклизмов связаны с группой, формирующей аппараты государства, военных катастроф – с военной интеллигенцией. То же относится к провалам в промышленности, сельском хозяйстве, в научных проектах, в сферах правоохранения, культуры и т. д. Я, правда, готов подумать об изъятии из этого нерадужного перечня врачей и учителей, и то с оговоркой – низового уровня. Общий для всей практически интеллигенции («новой» и «старой») «дефект» – свидетельство некоего фундаментального пробела в формировании и в «качестве» данной важнейшей группы населения страны, побуждающее к основательному продумыванию причин такой ситуации. Но об этих причинах – в конце статьи.

Установив приведенную тенденцию, обращаю внимание читателей на *третью* фундаментальную, системную проблему характера отечественной интеллигенции – проблему отсутствующей, нереализованной ответственности. Речь не идет о том, что конкретные упущения, приводившие к катастрофическим для страны и ее народа последствиям, не влекли за собой установления конкретной ответственности причастных к ним лиц и должного наказания. Во многих случаях, особенно когда речь шла о специальной, профессиональной, компетентностной сторонах дела (Цусима, катастрофа конца июня 1941 г. в Белоруссии и Прибалтике, Чернобыль, Саяно-Шушенская ГЭС, наказания тех, кто исполнял преступные приказы Г. Ягоды, Н. Ежова, Л. Берии и др.), имели место расследования, суды и приговоры. Суды, следствия и приговоры были (правда, далеко не всегда) праведными или неправедными в такой мере, которая во многих случаях (если не в их большинстве) до настоящего времени не позволяет считать, что истина была установлена и справедливость восторжествовала. Фактическая безответственность, можно утверждать, негативным образом сказалась и еще долго будет сказываться на «качественной» стороне облика российской интеллигенции. Об этом подробнее.

Реальная или формальная ответственность – одна, но, скорее всего (особенно если стремиться к постижению сути рассматриваемой проблемы), не самая важная сторона социально-исторической ответственности интеллигенции как специфической социальной страты общества. Для последующих поколений важнее оставленные потомкам недоговоренности, неоднозначности итоговых оценок, сущностных выводов по поводу причинно-следст-

венных связей происходивших катастроф. За результаты таких недоговоренностей приходится раз за разом расплачиваться стране и народу. Иначе и быть не может. Если не выделены, не уточнены конкретные, сотворенные деяниями определенных лиц составляющие подобных событий, потомство, целые поколения сограждан лишаются основополагающего исходного материала, из которого только и могут быть сформированы предпосылки неповторения подобных катастроф в дальнейшем. Попросту народам России раз за разом приходится наблюдать взаимодействие верхов с хорошо известным инструментом – граблями. Приведу иллюстрацию к этому положению. Развенчали Сталина – при Хрущеве. Установили – по мере возможностей и способностей – базовые причины «культы личности» «вождя и учителя»; разработали и затвердили самым высоким тогда авторитетом, авторитетом партии, меры недопущения повторения подобных явлений, в частности меры по демократизации общественного строя. Но не прошло и пяти лет, как эти меры были отменены и прочно забыты; власти и общество вернулись в накатанную колею, которая и привела – в частности – к развалу СССР. Этим не ограничилось. Ни по поводу развала СССР, ни по поводу провала всей перестройки Горбачева и реформ Ельцина никакого серьезного «разбора полетов» проведено не было.

При этом повторю и подчеркну ту сторону проблем ответственности, которая связана с содержательной спецификой сферы деятельности интеллигенции. Это сторона даже не столько юридическая, сколько историческая, свободная от желания кого-либо судить, наказывать. Я веду речь о точном установлении всего комплекса достоверных фактов, относящихся к действиям личностей и групп, причастных к конкретным катастрофическим событиям и процессам, в той или иной мере приведшим к ним, с целью сделать выводы для последующих поколений политиков. Если лицо, принимающее сегодня конкретное судьбоносное (или просто ответственное) решение, лишено возможности опереться на достоверно установленные аналогии из прошлого, на опыт предшественников, никто не может поручиться, что в схожей ситуации не будет допущена ошибка. Точнее: дефицит информации об аналогах прошлого неизбежно повышает возможность просчета в дальнейшем.

Вернусь к примеру 22 июня 1941 г. – но с другой стороны. Какие выводы делались уже после Великой Отечественной войны и до самого последнего времени из этой катастрофы руководителями страны? Не касаясь конкретики, отмечу, что выводы эти относи-

лись к вопросам военной безопасности, постоянной боеготовности войск и т. п. Факторы же внутренней напряженности (социальной, этнической, классовой), имевшиеся в СССР и проявившиеся с первых же дней войны, попросту игнорировались. О них кто-то из руководителей страны, наследников Сталина, знал, кто-то не знал, кто-то запамätовал увиденное, пережитое. В итоге в качестве урока для последующих политических расчетов вся сумма непростых к лету 1941 г. внутренних, социальных факторов из учета выпадала. Но именно внутренние факторы, не внешняя военная агрессия вечного врага – империализма, от которой под влиянием односторонне усвоенного опыта 22 июня власть имущие один за другим отгораживали СССР дивизиями, ракетами, танками, подводными лодками, этот СССР разрушили¹⁰. То есть российскому обществу пришлось столкнуться с последствиями вопиющей односторонности оценок причинно-следственных связей одного из поворотных событий отечественной и всемирной истории. Адекватные уроки из произошедшего летом 1941-го просто не были извлечены и, как говорят социологи, *интериоризированы*, усвоены. Я пишу эти строки под аккомпанемент информационных сообщений о последствиях катастрофического наводнения в городе Крымске Краснодарского края, о поиске виновных. Априори и на этом примере можно утверждать, что ответственность лежит практически исключительно на номинальных представителях социального слоя интеллигенции.

Повторю: проблема ответственности и вытекающие отсюда задачи в том смысле, в котором ведется речь, это дело не следователей, а исследователей. Это та самая рефлексия, которую западные теоретики возвели в ранг фундаментальной черты современности. Иными словами, здесь поле деятельности для интеллигентов определенных профессий: историков (установление достоверных и полных данных – «диалог с прошлым»), специалистов политической науки¹¹ (анализ выработки, принятия и исполнения соответственных решений, роли конкретных личностей), социологов (выявление социальных влияний на процессы выработки, принятия и исполнения решений), социальных психологов (учет личностных и групповых факторов) и т. д. Нужен анализ *post factum*. Возможно, точнее было бы говорить об анализе *post mortem* – не зря медики шутят: лучший диагноз ставят патологоанатомы. В медицине диагноз *post mortem* – залог неповторения ошибок, если они делались коллегами в прошлом. Не грех политикам у медиков поучиться. Но нет. Мы пока далеки от этого¹². Пока опыт прошлого не гарантирует от повторения ошибок, от эффекта встречи с граблями.

Повторю: если выявлять «общее» интеллигенции «новой» и «старой», то следует вести речь о тех присущих ей чертах, которые раз за разом генерируют негативные, часто катастрофические последствия для российского общества. Событийные ряды катастроф и трагедий формируют многие процессы истории отечества, и роль интеллигенции в ожидаемом – от специалистов – недопущении подобного хода событий не может не вызывать желания разобраться в сути вопроса. Такова *четвертая* характеристика роли современной российской интеллигенции в новейшей истории страны.

Встает вопрос: возможно ли на фоне обозначенного выше исторического опыта интеллигентских групп («старых» и «новых») хотя бы в общих чертах выявить некоторые значимые содержательные черты облика данной социальной группы, предопределяющие раз за разом, вплоть до сегодняшнего дня ее специфически негативную (повторю – позитив, а он реален, тема не моя) роль в судьбах страны?

На первое место ставлю – вероятно, в силу моей многолетней принадлежности к сословию преподавателей университетов – так сказать, *недообученность* по целому ряду разделов отраслей знаний и умений. Недообученность в нашем случае носит не столько профессиональный характер, сколько тот, что образует интеллигентность и соответствующие, компетентные действия конкретного лица. Не стану иллюстрировать это утверждение фактами из советской истории. Тогда на руководящих, первых ролях, бесспорно, оказывалась масса лиц без формальных университетских (в современных терминах) дипломов. «Мы академиев не кончали», – говорил В.И. Чапаев, герой Гражданской войны и советской эпохи. Я, правда, хотел бы акцентировать не профессиональную подготовку – волнующая меня проблема не в ней. Речь о другом.

Приведу пример коллеги по университетской кафедре, профессора П.Н. Милюкова, оказавшегося после свержения самодержавия в 1917 г. на посту министра иностранных дел Временного правительства России первого состава. Кстати, в таком же положении были и многие другие министры всех составов временных правительств этого периода. Милюков оказался неготовым учитывать в области своей ответственности – в частности, связи с союзниками в войне против Германии (и ее союзников) – такой решающий на тот момент в реальной обстановке в стране и в армии фактор, как острота восприятия массами населения Петрограда целей ведущейся войны. Как интеллигент, как ученый он не был ориентирован в своих практических шагах на – как сказали бы социологи наших

дней – общественное мнение, массовые социальные настроения. Такой же пробел в знаниях, в подготовке можно констатировать в отношении лиц, принимавших решение стрелять 9 января 1905 г. – события, ставшего спусковым крючком революции. Тогда, правда, этому в университетах не учили.

Но и десятилетия спустя ситуация не изменилась. Не привычны были советские генералы и маршалы (с академиями за плечами) вести боевые действия на таких специфических театрах военных действий, как Афганистан и Северный Кавказ (ведь даже на уровне здравого смысла «Восток – дело тонкое»!). Тем не менее, не задумываясь о, мягко говоря, специфике войны в таких условиях, об учете «социальных настроений» афганцев или чеченцев, маршалы Брежнев, Устинов, генерал армии Андропов делают – а через полтора десятка лет Ельцин, Коржаков и Грачев повторяют – ошибку с аналогичными, по сути, последствиями. Факторы военные так или иначе были учтены, но что-то, оказавшееся потом решающим в таких условиях, из вида упущено. В последние годы из истории советской науки становятся известными вереницы эпизодов, когда самое негативное влияние на судьбы «изделий» и отраслей оказывали неэтичные действия крупных ученых, генеральных конструкторов самолетов, ракет, артиллерийских систем и т. д. Налицо пробелы в знаниях о личностных человеческих отношениях: кто учил инженеров, конструкторов этике науки? Итоги не должны удивлять. В стране за 100 лет дважды коренным образом менялся общественный строй. Но люди, относимые к интеллигенции, сохранили оказывавшиеся ключевыми фундаментальные качества, включая недообученность, о которой я веду речь, сказывающуюся на практических действиях наших акторов.

Рядом с этой чертой я бы поставил *неполную информированность* отечественной интеллигенции по важному комплексу проблем общества и общественного блага. Особенно негативно данное обстоятельство сказывалось на сферах ответственности тех, кого принято (без разбора) причислять к элитам. Но не только. Привлеклу внимание к ряду связанных с информированностью интеллигенции обстоятельств – тесно друг с другом связанных, но аналитически самостоятельных.

Первое обстоятельство. Со времен Сталина в нашей стране сохранилась тенденция засекречивать многие важные данные, которые относятся к практически обнаружившимся слабостям и недостаткам общественно-политического строя и его составных частей (экономика, политика, социетальная сфера). Многие общественные катастрофы, важные для траектории развития страны, оста-

ются недорасследованными. Данные соответствующих комиссий (если они были) и, тем более, собранные доказательные материалы остаются недоступными десятилетиями. Практика независимых парламентских комиссий еще не устоялась. Тем самым сегодняшних и будущих политиков, аналитиков лишают возможности сделать общим достоянием адекватные для дальнейших шагов выводы и предложения. Ограничусь одной иллюстрацией к данному тезису. Когда в США разбились два «Шаттла», американский социолог Д. Вон, специалист по социологии организаций, имела возможность по материалам сенатского расследования установить, что причины катастроф коренятся в изначально существовавшем соперничестве в НАСА между учеными и политиками (после полета Гагарина власти США всеми средствами добивались первенства в проекте «Луна»)¹³. У нас же только сейчас – в форме слухов – начинает циркулировать версия о соперничестве генеральных конструкторов как главной причине неудачи советского лунного проекта. Вопрос, извлечены ли управленческие и политические уроки из подобных нестыковок, даже не поднимался. Конечно, секретность нужна; но нужно и меру знать, понимая пагубную силу инерции организационно укоренившихся в далеком прошлом привычек никому ни в чем не доверять.

Второе обстоятельство. Будучи более или менее адекватно задачам подготовленными в области своей профессиональной и предметной деятельности, наши интеллигенты (и чем ближе к слоям «элитарным», тем этот пробел заметнее) страдают недостатком информации о достижениях и процессах в смежных отраслях научного знания, о возможности их применения в практике. Хотелось бы привлечь внимание не только к ограниченности узкопрофессиональной подготовки или простому неведению¹⁴, мешающим предвидеть труднопредвидимое на уровне здравого смысла. Выше приводились примеры из прошлого, когда военные не знали, не думали, не имели информации о социальной или этнической стороне дела, полицейские – о социально-психологической, генеральные конструкторы – о социологии организаций. Кроме того, давно известно о нарастающем потоке информации в результате непрерывного прироста знания. Все сложнее поддерживать знания на уровне, необходимом для адекватной практики и решения перспективных задач. Образцовой иллюстрацией здесь будет пример экономических реформ в России в 1990-е годы. Тогда в стране была внедрена определенная социально-экономическая модель, которая уже на момент насаждения в России многими критиковалась – са-

мое малое как быстро устаревающая. В повестку дня мыслящей части социальных ученых врываются новые идеи «пост»: -капитализма, -американского (и -карбонного) мира, -монетаризма, -консюмеризма (потребительства) и др. Возможность использовать хотя бы часть этих идей в условиях нашей страны того времени не рассматривалась (даже оппонентами горе-реформаторов); оперировали моделями, которые, вероятно, потомки этих реформаторов квалифицируют как «залежалый товар». В самые последние годы в потоке научной информации обнаруживаются новые идеи и подходы¹⁵ сложившихся дисциплинарных и междисциплинарных профилей, которые в новой перспективе высвечивают проблематику коммуникаций, религии и верований, культуры и др. Важно не упустить из виду эти тенденции, применять развивающееся и ценное, не увлекаться шаблонами прошлого.

Третье обстоятельство затрагивает компетентность нашей интеллигенции в части вхождения в циркулирующие информационные потоки между отечественными и зарубежными общественными науками. Запретов на использование «заморских»¹⁶ концепций не стало; Интернет сделал любую информацию доступной каждому. Но нельзя сказать, что в России мы имеем аналог сообщающихся сосудов, – эта метафора применима к малой части отечественной интеллигенции. Дело усугублено тем, что большинство ученых и научных учреждений резко сократили закупку научной литературы (на русском языке тоже); использование интернет-ресурсов наталкивается на фактор запредельно высокой для рядового интеллигента цены доступа к научному знанию. К тому же, если в начале XX в. бóльшая часть отечественной интеллигенции владела иностранными языками, в советское время это ее качество было утрачено и не восстановлено до сих пор.

Четвертое обстоятельство связано с констатацией сложившейся в стране, в среде интеллигенции инерции ненормального отношения к значению информации, генерируемой общественными науками. Их достижения (в отличие от наук естественных, технических) зачастую игнорируют – по уже несознаваемой инерции. В лучшем случае на этой информации незримо стоит клеймо второсортности. Я имею в виду последствия влияния взаимосвязанных обстоятельств нашей новейшей истории. В СССР номинально властвовал марксизм (с добавлением через дефис -ленинизм), все остальные общественные науки считались ненаучным и в среде нашей интеллигенции серьезно, как подобает относиться к науке, не изучались. Властвовал настолько, что от марксизма до наших дней

не дожили ни дух, ни буква. Сталин в феврале 1946 г., потребовав за короткий срок создать в СССР самую передовую в мире науку, вовсе не имел в виду науки общественные, гуманитарные; подразумевались атомная энергия, ракетное оружие, радиолокация, все, что связано с войной. Науки об обществе и о человеке фактически оказались ненужными: все решила квазирелигиозная вера во всепобеждающую силу идей марксизма-ленинизма. Марксизм для постсоветской России статус научного знания, кажется, во многом утратил, а немарксистское обществоведческое знание оказалось крепким орешком и до настоящего времени усвоено нашими обществоведами фрагментарно, что как минимум частично девальвирует его авторитет при применении в качестве теоретического инструментария. Что и очевидно из практики действий в социальной сфере – практике несистемной, путаной, практике произвольно принимаемых решений, затрагивающих общество и человека.

Пятое обстоятельство: из отечественного информационного поля в последние годы исчезли футурологические, утопические и в целом ориентированные на будущее концепции. Такое положение делает все сферы общественной деятельности приземленными, лишает общество идеалов и целей, не говоря уже о прогнозировании опасностей, генерируемых динамикой становления и развития страны, ее соседей, глобального социума. Более того, недостаток ориентиров на будущее парализует критику настоящего, генерирует конформизм и приспособленчество. В том числе в среде интеллигенции. Сложившаяся здесь ситуация затрагивает не только профессиональных ученых и интеллигенцию, но, повторю, все общество, лишая его перспективы.

Информационная составляющая определенным образом характеризует общий уровень нашей современной интеллигенции. Интеллект, разум даны человеку как средство страховки от опасностей и угроз существования. Эпоха Просвещения, в частности, стала временем в истории человечества, когда судьбы смертных спустились с небес на землю, стали делом и каждого человека, и особой группы людей, которых общество взяло на содержание. Понятия «интеллигенция», «наука» и «общество» появились в одну историческую эпоху, когда развитие рода человеческого призвало их к тому, чтобы они, *люди интеллекта*, которых позже стали называть интеллигентами, взяли на себя эту защитную функцию. Именно они были призваны, в частности, предупреждать об угрожающих обществу опасностях. Когда эта функция не срабатывает или срабатывает в ограниченном диапазоне, что мы явно видим в России, ситуацию

надо продумывать. Если справедливы высказанные выше соображения, можно делать некоторые выводы.

Один из моих итоговых выводов касается расшифровки формулы «*новая*» и «*старая*» *интеллигенция*. Мы имеем в новой постсоветской стране интеллигенцию «старую» в том смысле, что ее облик определяют традиционные для истории и культуры народов России, русского народа характерные черты. Все изменилось, но некоторые сущностные черты сохранились. Они угадываются во всем том, о чем речь шла выше. Попытаюсь выделить главное.

1. Несмотря на то что для человека с интеллектом знание по определению должно быть выше веры (речь не о вере религиозной), «*новая*» интеллигенция лишь в ограниченной профессиональной подготовкой сфере опирается скорее на знания. Такая диспозиция, в частности, парализует гражданскую активность интеллигенции: мы видим в новейшей истории России лишь единичные примеры «*публичных интеллектуалов*», например А.Д. Сахарова. Определенным образом характеризует интеллигенцию в этом смысле факт, что в современной России подобные образцы гражданского поведения скорее замалчиваются, нежели пропагандируются. Герои времени – успешные представители политического класса и деловых кругов.

2. Интеллигенция («*новая*») в своей массе пассивна практически во всем, что выходит за рамки повседневности и профессиональных обязанностей. В этом плане она не является интеллигенцией, которую, как принято считать, якобы породила российская действительность второй половины XIX в. Не лишены почвы постоянные споры о том, существует ли вообще интеллигенция в современном обществе.

3. Здесь напрашивается вопрос об отношении «*новой*» интеллигенции к власти – оппозиция к ней считается каноном интеллигенции «*старой*». Катастрофы XX в. не обошли ту интеллигенцию стороной; представители этого слоя населения лучше всех понимали, что истоки трагедий напрямую связаны с действием и бездействием властей. Но власть советская оппозицию любого социального слоя не терпела. Численно небольшому – после 1917 г. – слою интеллигенции в пропорциональном отношении «на душу» досталось, вероятно, больше, чем другим. «Воспитанию» советской, народной интеллигенции партия и государство практически до конца уделяли повышенное внимание. «*Забота*» такого рода не прошла бесследно. Новая интеллигенция сделала для себя выводы: ее оппозиция, ее критические выступления отмечены осторожным нежеланием

переходить границы дозволенного. Ведь бодался теленок с дубом, а чем все кончилось?

«Что делать?» – вопрос, неоднозначно формулирующий проблему нашей интеллигенции. В формулировке вопроса отсутствуют важные для сути современного дискурса уточняющие служебные слова: не просто «что делать», а что «можно», «нужно», «следует» или «должно» делать. Русский язык, как и носители русского национального характера, склонен уклоняться от однозначности определений – решаю сам, что нужно, можно или должно делать. Идеально-типическому интеллигенту середины позапрошлого века современность ясно диктовала долженствование как императив действия. В вопросе «Что делать?» у Чернышевского, Л. Толстого («Так что же нам делать?», 1901 г.), Ленина присутствует осознание долга, от которого нельзя уклониться. Сейчас интеллигенция, наученная опытом ушедших поколений, рассуждает примерно так: «нужно-то нужно; но лучше сделаю то, что можно» (что дозволено). Но не надо тогда обижаться, слыша утверждение, что сейчас интеллигенции нет. Интеллигенты есть, если хорошо искать, но интеллигенции нет; похоже, именно так обстоят дела. Может быть, и нужно жить с этим, отдав дань славному прошлому российской интеллигенции. От хорошего профессионала, специалиста польза тоже есть. Но тогда – для блага страны – нужно чем-то заполнять образовавшуюся пустоту. Сделать это, попытаюсь утверждать, можно, *меняя характер структур и процессов*, формирующих нынешних специалистов и профессионалов, из среды которых рекрутируется власть, породившая в минувшей истории России свой спасительный антипод в лице интеллигенции. Власти следует менять свои подходы. Она, в частности, сама должна меняться в смысле учета встроенной в наши старые и новые режимы потребности страны в слое активных критиков и оппозиционеров. Кое-что в этом отношении делается в последние годы, но крайне непоследовательно, выдавая отсутствие осознания необходимости в последовательных шагах в таком направлении.

Не стану пытаться расшифровывать формулу «меняя характер структур и процессов» – это увело бы далеко в сторону от темы данной статьи. Ограничусь минимумом, относящимся к формированию будущих профессионалов и специалистов, которые одни только и изменяют «характер структур и процессов». Здесь очевидна потребность мер двоякого свойства. Первое замечание относится к сфере образования. Связанные с катастрофизмом нашей новейшей истории черты интеллигенции подсказывают важность соци-

альной, гуманитарной, культурной составляющей подготовки специалистов (профессионалов). Эта подготовка должна учитывать негативный опыт, который связан с тем, что выше обозначено как недообученность и отсутствие компетентностей за пределами базовой университетской специальности. Некоторые приведенные выше данные свидетельствуют, что в последние годы (и в недалеком прошлом) здесь по-прежнему наблюдалось большое белое пятно. Компенсация на этом направлении требует специальных усилий; они могли бы стать составной частью общего подъема отечественного университетского образования, утрачивающего свои некогда достойные позиции в мире. Можно сказать, что работу здесь следует вести ради того, чтобы вся интеллигенция стала интеллигентной по сути, а не по документам об образовании.

Второе соображение относится к системе повышения квалификации ответственных работников всех видов государственных служб и аппаратов. Ныне действующая система создавалась для страны, которая (сначала после Гражданской, а потом Великой Отечественной войн) нуждалась в хорошо, по возможности, подготовленных специалистах. Задачи выхода за пределы профессиональной сферы деятельности если и ставились, то в крайне урезанном объеме. Место формирования интеллигенции заняла подготовка специалистов. Фактически с нормализацией ситуации с высшим, университетским образованием и с поствузовским повышением профессиональной квалификации нужда в подобного рода заведениях специально для системы государственного управления отпала. Комплекс же академий, институтов государственной службы остался, продолжая готовить силами приспособившихся к потребностям отечественной бюрократии чиновников все более высокой, но узкой в плане интеллигентности квалификации. Потребности государственного аппарата, государственного управления сместились от простой функциональной готовности в сторону научно-консультационных, информационно-аналитических, исследовательско-прогностических работ, для выполнения которых нынешние учебные заведения подготовки и переподготовки чиновников приспособлены не лучшим образом. Культурная, моральная, нравственная, этическая составляющие российской интеллигенции упущены из виду. Отмеченные выше прегрешения нашей интеллигенции перед страной и ее народом стали следствием, мягко говоря, «перекосов» в формировании этой социальной группы. Если университеты страны всех профилей подготовки, включая военные, интегрируют в планы и программы курсы, способствующие

щие подготовке интеллигентов на деле, а не по диплому, функции специализированного повышения квалификации работающих в аппаратах государства станут излишними. А если эти факторы будут учитываться в работе с персоналом, в подборе и выдвижении руководящих работников, станут нормой для лиц, служащих народу и государству, тогда обозначенные шаги, по-видимому, многократно себя оправдают. Для этого, среди прочего, следовало бы в корне изменить подходы к тому, что известно сейчас как социальная политика. По давнишней инерции в этой политике доминирует экономическая патерналистская составляющая. И полностью отсутствуют усилия по формированию определенных, сущностно необходимых качеств ключевых групп, слоев общества. На примере «пробелов» в облике отечественной интеллигенции последних столетий мы видим, сколь пагубным стал такой недалёковидный подход.

Примечания

- 1 Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 110300550а.
- 2 *Тилли Ч.* Историческая социология // Социол. исслед. 2009. № 5. С. 95–101.
- 3 *Гриффин Л.* Историческая социология, нарратив и структурно-событийный анализ: пятнадцать лет спустя // Социол. исслед. 2010. № 2. С. 131–140.
- 4 Более чем десятилетняя история работы ежегодно проводимой теоретической конференции социологического факультета РГГУ о современной гуманитарной интеллигенции России прекрасно иллюстрирует множественность подходов к понятию «интеллигенция»: практически каждый год прояснение вопроса, что же такое интеллигенция и т. п., занимает заметную долю времени в выступлениях многих участников.
- 5 XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1939. С. 311.
- 6 Попутно отмечу, что эта формула Сталина подразумевала необходимость отказа от той черты интеллигенции прошлого, которая предполагала у интеллигентов если не революционность, то оппозицию, критическую установку по отношению к господствующему в стране строю.
- 7 *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая газета, 2004. 632 с.
- 8 *Латин Н.И.* Общая социология: Учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2006.
- 9 Например, ЦСУ СССР в подготовленных для доклада В.М. Молотова XVIII съезде ВКП(б) (см.: XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. С. 309, 310)

выделило 16 групп интеллигенции. Я их не привожу. Но каждая из этих групп в свою очередь (докладчик приводил данные о руководителях разного профиля) включала ряд подгрупп.

- ¹⁰ ЦРУ и З. Бжезинский (да и многие другие наблюдатели и аналитики – не обязательно антикоммунисты) действительно предсказывали крах СССР, конструировали его сценарии. Но решающим фактором того, что произошло в нашей стране, были сформировавшиеся в СССР предпосылки падения КПСС, которые Бжезинский и аналитики ЦРУ видели, а руководство КПСС (кстати, информированное и о сценариях американцев, и о лежавших в их основе реалиях) старалось не замечать: «Авось, пронесет». Не пронесло.
- ¹¹ Но ни в коем случае не «политологов» – нынешние, те, что постоянно на виду, заболтают все.
- ¹² И, скорее всего, от «рефлексивного модерна» (Э. Гидденс, У. Бек и другие).
- ¹³ *Vaughan D.* The Challenger Launch Decision: Risky Technology, Culture, and Deviance at NASA. Chicago: University of Chicago Press, 1997; *Idem.* NASA revisited: theory, analogy, and public sociology // *American Journal of sociology.* 2006 (September). Vol. 112. No. 2.
- ¹⁴ *Гросс М.* Неизвестное. Динамика связей неведения, незнания и сходных понятий жизни // *Социол. исслед.* 2008. № 3. С. 13–22.
- ¹⁵ Они находятся в центре внимания, в частности, Научного совета РАН «Новые явления в общественном сознании и социальной практике», которым руководит Ж.Т. Тощенко.
- ¹⁶ Некогда «буржуазных», «империалистических».

Н.М. Великая, А.А. Голосеева

АКТУАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье рассматриваются особенности институционализации и самопрезентации различных видов и форм актуального искусства в современной России. На основе проведенного экспертного интервью выделены основные критерии, позволяющие отнести то или иное явление к области актуального искусства. Выявляются особенности восприятия современного искусства, особое внимание обращается на социальный контекст актуального искусства, основания его радикализации и возникающие в связи с этим зоны конфликтности в процессе восприятия. Показано, что интерактивность и провокативность создают специфическую коммуникационную среду, позволяющую включать зрителя в творческий процесс.

Ключевые слова: социология искусства, актуальное искусство, культурные проекты, арт-объекты.

В современном информационном обществе, где основным ресурсом становится интеллектуальный продукт, особую актуальность приобретает поиск новых форм поддержки и развития культуры и искусства. Сфера культуры, несомненно, содержит в себе мощный экономический потенциал и является сектором экономических и социальных инноваций.

За последние 10 лет, благодаря стремительному развитию цифровых технологий и Интернета и их значительному удешевлению, произошли революционные изменения в способах производства и дистрибьюции музыки, кино, анимации, медиа, а также других видов искусства. Это способствовало формированию особого типа современной молодежной культуры и актуального искусства.

Основными чертами этой новой культуры являются отсутствие какого-либо контроля за дистрибьюцией контента и продукции, возможность каждому донести свое творчество до аудитории, что, по сути, уравнивает всех – и профессионалов, и начинающих любителей – в правах и возможностях, а также легкая доступность инструментария для создания любого культурного продукта.

Таким образом, качественно изменились традиционные механизмы возникновения продукта творчества, его распространения и конечного потребления. Вновь возникшая арт-коммуникационная среда остается малоизученной, а широкие возможности, которые возникли в связи с развитием новых технологий, не используются российской молодежью в полном объеме, что особенно заметно с удалением от центров культурной активности, которые сосредоточены главным образом в столицах и областных центрах, к периферии.

В статье рассматриваются результаты проведенного в 2011 г. исследования, посвященного изучению механизмов институционализации и самопрезентации различных видов и форм актуального искусства в современной России.

В ходе реализации данного проекта было осуществлено наблюдение за потребительской аудиторией актуального искусства, а также был проведен опрос экспертов методом полужормализованного интервью (опрошено 24 эксперта в сентябре–октябре 2011 г.)¹.

Актуальное искусство

Особенностью большинства направлений искусства, которое принято называть актуальным, является его радикализм в замысле, в идеях, в формах донесения этих идей до адресата.

Принципиально важно отметить, что весь XX век актуальное искусство было левым и бросаемые им шокирующие вызовы были последовательно негативистского толка, поскольку предназначались раздражать и дразнить благополучного, положительного «правого» обывателя. Так постепенно складывалась ситуация, когда «актуальное», «современное» стало ассоциироваться исключительно с нигилистическими, отрицательными заявками.

Одним из источников такого радикализма являются действия политических активистов, арт-хулиганов и различных протагонистов так называемого «общества спектакля» (термин Ги Дебора). Отсюда гипертрофированная зрелищность современного искусства, заигрывание с улицей, интерес к низким жанрам и обшентной лексике. Тем не менее идеи современного искусства несводимы к

заурядному эпатажу и стремлению дразнить новобуржуазную публику.

Нынешние актуальные художники ставят более амбициозные цели. Преобразование традиционного культурного и социального ландшафта – одна из них. Именно поэтому объектом воздействия этого искусства становится сознание и тело человека.

В отличие от классических форм искусства при восприятии современных арт-объектов упор делается на динамику субъективных переживаний человека, воспринимающего объект. Иначе говоря, зритель, будучи вовлеченным в процесс сотворчества, должен угадать не замысел художника, а нарушить в себе нормативный порядок событий. Этот момент сближает современное искусство к «кризисными экспериментами» Гарфинкеля и его учеников.

Как выяснилось из опросов экспертов, современное искусство не имеет четкого и структурированного определения, позволяющего идентифицировать тот или иной арт-объект как произведение современного искусства.

Ряд экспертов (пятая часть) предпочитают формальный критерий – время: то, что делается сейчас и создавалось в последние 5–10 лет.

Отмечая сложность дефиниции «современное искусство», большинство опрошенных основной акцент делали на содержательной стороне этого явления, что позволяет выделить следующие критерии.

Социальность. Современное искусство социально в силу своей направленности на социум, на общество, на освещение социальных проблем. «Это связано с тем, что за это стали платить деньги и... стараются влиять... не влиять, а освещать и реагировать на какие-то общественные события. В этом ключе видится важным наличие понятия “современный комментарий”». «Современное искусство освещает многое: от бедности до проблемы семейного непонимания. ...Но делается это очень поверхностно, на уровне внешних признаков, не опускается до уровня глубокой критики, которая могла бы помочь зрителям переосмыслить ситуацию и найти ответы на проблемы. Они на самом деле говорят с политическими элитами, хулиганят» [1. Эксперт 8].

Концептуальность. Современное искусство предполагает создание концепта, имеющего критический и аналитический смысл по отношению к политическим, социальным реалиям жизни общества. «Современное искусство – в этом смысле дубликат, оно является неким миксом между гуманитарными науками и жур-

налистикой, но с помощью каких-то художественных средств» [1. Эксперт 11].

Творческая и «жанровая» свобода. Неограниченный простор в выборе как средств для выражения своих художественных идей, так и образов, проблематики. Свобода и отсутствие непосредственной связи с искусством прошлого «дает возможность поиска новых жанров, новых изобразительных возможностей и, кроме того... в современном искусстве крайне подвижны формы – это может быть что угодно».

Включенность зрителя в творческий процесс. Современное искусство активно идет на контакт с человеком, взаимодействует со своим зрителем, пытаясь получить обратную связь, вовлекает его в процесс творчества; «не ставит каких-то рамок и границ, именно пытаясь привлечь людей в свои залы театральные или в концертные залы, в выставочные залы». «Современное как-то отличается от того, что привычно понимать под словом «искусство». Вообще это уже какие-то акции, да и живопись ли это? Например, какая-то группа “Война” – почему это искусство? А вот потому что такова специфика искусства сегодняшнего» [1. Эксперт 6].

Провокация. Современное искусство провоцирует в гораздо большей степени чем искусство традиционное. «В актуальном искусстве есть несколько принципов, которые очень важны – абсолютный цинизм, ни в коем случае там не должно быть ничего человеческого, не должно быть философского. Это должно быть нейтрально-циничным и “стебовым”. Если какого-то из этих моментов там нет – это произведение не входит в эту нишу, которая курируется бизнесом. Так как актуальное искусство требует больших очень вложений» [1. Эксперт 10].

«Оно провоцирует, оно вызывает на какие-то скандалы, оно часто вызывает какие-то низменные чувства. Я не видела актуального искусства, которое говорит: “Ах! Как все это красиво! Как все это замечательно!” А на самом деле это часто вот напоминает такой вот натурализм, за который в свое время ругали передвижников» [1. Эксперт 24].

Перенос внимания от объекта к субъекту. Перформанс, хэппенинг, акция переносят акцент, все внимание на самого художника.

Коммерциализация. Высокая степень зависимости от несовершенного арт-рынка и от политики конкретных галерей и кураторов. «Вот посмотрите выставки современного искусства. Они все базируются... это бизнес. Это в чистом виде бизнес. Или отмывание денег, или обслуживание какого-то элитарного эстетского общества» [1. Эксперт 10].

Допущение непрофессионалов к творчеству. «Есть такая вещь, как ультрасовременное искусство, которое не признает ничего, что было сделано профессионалами, сделано качественно, сделано рукотворно, то есть то искусство, которое в лице его нынешних идеологов Кати или Лены Дёготь, которые говорят, что любой может быть художником, любой может делать арт-объекты, перформенсы, акции, и для этого не нужно какого-либо образования и никаких эстетических критериев, никаких идеалов, никакого уровня образования и т. д.» [Эксперт 12, эксперт автора].

Более половины опрошенных экспертов полагают, что современное искусство скорее не сопряжено или не обязательно связано с новыми технологиями.

Одна треть считает, что в современном искусстве современные технологии играют значительную роль, хотя это и не определяет идентификацию того или иного объекта как произведения искусства.

Между тем 16 человек признали, что новые технологии повышают *доступность культуры*, особенно для современной молодежи, делают его более зрелищным, превращая в аттракцион. Все это, таким образом, популяризирует современное искусство, привлекает к нему нового зрителя.

В целом для России проблема доступности искусства стоит скорее в географическом (территориальном) аспекте. «Я не считаю, что культура и искусство должны становиться доступнее. Они и так предельно доступны. При таком количестве открытых информационных каналов наше восприятие просто уже не считывает информацию, она становится поверхностной и не доходит ни до кого» [1. Эксперт 17].

Экспертам также было предложено выделить наиболее перспективные, с их точки зрения, направления современного искусства. Таковыми видятся:

- Новые медиа, интернет-проекты, то есть те, которые отличаются особой «социальностью», где людей привлекает то, что можно как-то быть вовлеченным в процесс, то есть, всем всегда очень нравится нажать кнопку или встать под какой-нибудь луч там или что-нибудь потрогать [1. Эксперт 4].
- Видео-арт, кино, анимация (5 человек).
- Синтетические виды искусства. «Даже совершенно авангардные современные художники не относят себя ни к какой конкретной деятельности. Вот, например, группа «Война». Это конкретные люди» [1. Эксперт 17].

Эксперты также выделили нетрадиционные формы культуры и искусства, которые кажутся им наиболее перспективными.

Ряд экспертов (7 человек) отметили все, что связано с новыми технологиями:

- мультимедийные инсталляции;
- оцифровка произведений искусства мировых музеев, 3D-музеи, 3D-галереи;
- дальнейшее развитие индустрии электронных книг.

Также были отмечены неклассические фестивали, уличные, музыкальные (4 эксперта) (пример – фестиваль фольклорной музыки в Царицыно, фестивали бардов в Коломенском) [1. Эксперт 21]; развитие проектов, связанных с объединением людей по интересам, клубы по интересам (4 эксперта); «проекты, основанные на каких-то сообществах: Архитектурная Москва, велоэкскурсии» [1. Эксперт 5].

Творцы и потребители – проблемы взаимодействия

В рамках экспертного опроса была рассмотрена проблема взаимоотношений творца (художника) и потребителя (зрителя).

И хотя $\frac{2}{3}$ экспертов рассматривают художников-создателей как малочисленную (элитарную) группу, преобладающее количество экспертов обращают внимание на то, что число потребителей культурного продукта за последние десятилетия выросло, в том числе и в связи с доступностью многих технологий, которые позволяют взаимодействовать с арт-объектами не только в рамках традиционных выставочных площадок.

Другая точка зрения представлена ироничным замечанием, что «художник – это же теперь массовая профессия, все же теперь художники» и надеждой на то, что «близок тот день когда мы дождемся «идеального варианта практически по Марксу – каждый должен стать творцом культуры... что рано или поздно, в принципе, современные возможности это дают, каждый человек имеет право для творчества».

Лишь один эксперт полагает, что публика не всегда успевает за развитием искусства: «Культурных ценностей производится больше, здесь пропорция в сторону производителей» [1. Эксперт 22].

Парадоксальная, точнее крайняя, точка зрения выражена максимой о том, что в стране «нет аудитории, потребителей живописи. Русский богатый не привык покупать живопись, то есть готов покупать XVIII-й век, добротный. Он с удовольствием возьмет Рокотова. Он, на худой конец, возьмет Шишкина или Левитана. Это

надежно, проверено, выгодно и удобно. А как продавать сегодняшнюю живопись? Я иногда с галерейщиками общаюсь, в общем, это достаточно сложное занятие. Хотя людей богатых в России много и хватает, но тем не менее я не вижу в России традиции такого потребления».

Ряд экспертов сетовал на «закрытость» профессиональной группы творцов, в связи с чем «не все производители культурных ценностей находят себе потребителей, мелькают одни и те же фамилии, ну на протяжении лет 15. Когда это стало выходить на арену вот такую вот публичную, то одни и те же в основном фамилии».

При этом московская арт-среда, как правило, вполне успевает вписаться в общемировые тренды, а где-то и опередить их: «На московской арт-сцене довольно много художников, и та же московская публика достаточно регулярно знакомится и с общемировыми какими-то явлениями в виде там международных выставочных проектов».

19 экспертов из 24 полагают, что в современных условиях возможно и необходимо формировать потребительское поведение в сфере культуры, другими словами, воспитывать потребителя качественного художественного продукта. Опыт культурного развития в мире демонстрирует, что можно формировать или влиять на вкус зрителя, что не стоит подстраиваться под то, что, как мы считаем, требует зритель. При этом нельзя забывать о роли образования, раннего воспитания в этой области, о формировании специальных образовательных институтов для детей и юношества: «Повышать уровень культурный человека 50-ти лет бесполезно».

Сетуя на то, что ТВ активно пропагандирует безвкусицу, пошлость и вульгарность с первых и вторых каналов, засоряя мозг потребителя и уничтожая попытки хоть какого-то воспитания, почти треть экспертов считает необходимым менять культурную политику в СМИ, поскольку ТВ действительно в современных условиях является возможным пропагандистским каналом коммуникации, но сегодня она скорее формирует *«дегенератов с низким уровнем запросов»*. Вместе с тем, как справедливо замечают опрошенные, СМИ в этом случае – не панацея, «должна быть продуманная политика в области культуры, если власть будет заинтересована в том, чтобы общаться не с деградирующим обществом, которое не способно на какую-то сложную рефлексию... то, она и будет формировать именно такого потребителя, но пока... Основной меха-

низм – это телевидение, и это мощный пропагандистский канал, и мы видим, как используется этот канал. Используется прямо противоположным образом: формирует, прямо скажем, дегенератов с низким уровнем запросов» [1. Эксперт 12].

Россия в контексте общемирового культурного развития

Подавляющее большинство экспертов полагают, что Россия включена в общемировой культурный контекст, в качестве причин называются и глобализация, и расширение доступа к разного рода информации, и просто возможность для художников чаще выезжать по сравнению с советской эпохой. Однако включенность отечественного актуального искусства в общемировое пространство не однозначна как для потребителей, так и для экспертов. В этом глобальном пространстве «Америка задает массовую линию, Европа задает арт-хаусную линию, линию сложного искусства, рефлексии, то есть то, собственно, что Европа всегда и делала хорошо. Мы ни в одну из этих линий серьезно не входим. Америку мы в основном копируем. Все телевидение полно программ, сериалов, которые сделаны по тем технологиям, купленные они, по тем лекалам, попытка симулировать американские массовые черты. К сожалению, все это, как правило, гораздо беднее, чем в Америке».

Вспоминается в связи с этим тот факт (на него указывает, в частности, Г. Кацов), что и поп-арт, и перформанс, и хэппенинг, и лэнд-арт были частично известны еще во второй половине XX в. в России, хотя общая западная ситуация по самым разным причинам, техническим и цензурно-идеологическим, была на Востоке неизвестной. Тем удивительней, насколько артпоиски в Москве и Нью-Йорке в 1960–1970-е совпадали.

Так, в рамках концептуализма уорхолловские иконы, будь то банка супа Campbell's или портрет Мерилин Монро, фиксировали образы коллективного западного сознания. Эмблематика указывала на проблематику, а комиксовое мышление и концепт журнальной графики были срисованы Роем Лихтенштейном в выставочном масштабе с той же точностью, с какой клиповое мышление будет воспроизведено позже, в видеоинсталляциях конца XX – начала XXI века.

Маскульт Запада штамповал и тиражировал Микки-Мауса и марку зубной пасты Colgate с одинаковым успехом. Так же советский образ жизни в виде призывов у заводских проходных

и рабочего-колхозницы с В.И. Лениным в полный рост на площадях заполнял собой $\frac{1}{6}$ часть мировой суши. Это удивительным образом совпадало, хотя вряд ли кто-нибудь по обе стороны Атлантического океана осознавал, что брендовая реклама в обществе потребления входит в подкорку потребителя по той же элементарной схеме, что и навязчивая идеология лозунга, монументального плаката, скульптуры в мозг «строителя коммунизма».

Сегодняшнее политическое поле демонстрирует больше сходства, чем различий, что обуславливает успех таких работ на рубеже «конца идеологии», как «Братский поцелуй» Д. Врубеля, изображающий поцелуй Л. Брежнева и Э. Хонеккера.

Восемь экспертов полагают, что во многом отечественное актуальное искусство вторично, копирует западные образцы, несмотря на общую включенность в общемировые тренды, отечественное актуальное искусство скорее периферийно: «У нас довольно много специфического на уровне каких-то явлений, феноменов, но если говорить именно о большом процессе, который включает в себя и обмен выставками, и какие-то там учебные программы, и ну какой-то общий словарь идей, понятий и концепций, мы ну не то чтобы как-то сильно отстаем».

Особенности восприятия произведений актуального искусства

В рамках исследования ставилась задача наблюдения за потребительской аудиторией актуального искусства. Нами было проведено невключенное наблюдение на Фестивале новой культуры, который проходил в течение 5 дней, с 21 по 25 сентября 2011 г., в Центральном доме художника (ЦДХ, Москва).

В социологической теории, характеризующей современное состояние искусства, принято ссылаться на четыре тезиса, описывающих способы и возможности существования и возникновения новых художественных стилей, направлений, произведений и «образцов».

Рабочие гипотезы исследования проверялись в рамках четырех предположений, изложенных ниже.

1. Эпоха технического воспроизводства произведения искусства более не актуальна – это обуславливается степенью развития средств производства, простотой технической воспроизводимости копий (сама копия уже не является «копией» оригинала, и мы лишь условно можем позволить себе употребление слова «копия»; корректнее его заменить словом «образец»). Например, постмодер-

нистская и концептуальная серия работ Евгения Дыбского, посвященная гению проторенессанса Джотто.

2. Гетерогенность (разнородность, множественность) одновременно сосуществующих процессов художественного творчества – характерная черта культур в XX столетии. Так, принимая данный тезис, мы можем утверждать, что исследуемый нами интерес к произведениям и «образцам» формируется под действием гетерогенного характера современного искусства по отношению к художественному наследию.

3. Новое искусство, как правило, всегда выступает источником беспокойства, нарушающим гармонию существования, разбивающим социальный гомеостаз (установившееся равновесие между элементами социального целого).

4. Социальная природа искусства целиком и полностью связана с его классовой, сословной и социально-групповой природой.

Результаты проведенного наблюдения изложены в непосредственной привязке к данным тезисам.

1. В целом в рамках представленных работ были произведения, которые можно маркировать как новые, и произведения, основанные на интерпретациях уже известных, часто классических работ). Представленные на Фестивале новой культуры произведения и «образцы» являются попыткой избежать линейной технической (или механической) воспроизводимости символической или статусной компоненты. В первом случае речь идет о работах, представленных в рамках видео-арта и выставленных в рамках художественной среды (см. отчет о включенном наблюдении). В качестве примера, основанного на интерпретациях, можно упомянуть театральную постановку «Планета Лем», по классическим произведениям фантаста Станислава Лема.

Наряду с авангардным творчеством, описываемым в терминах модернизма и постмодернизма, в любом типе общества функционирует художественное наследие прошлых веков. При этом, как свидетельствуют прикладные социологические исследования, удельный вес произведений, являющих стилистику минувших эпох (высокая классика, популярные произведения жанра мелодрамы и детектива), многократно превышает интерес к творческой продукции, создаваемой современниками.

2. Подобная мозаичность, гетерогенность порождают мультипликационное восприятие объектов, как временных, так и часто не имеющих связи с реальностью. Именно поэтому многие объекты выставки не были оценены посетителями по достоинству. Созда-

лось такое впечатление, что современного человека очень сложно удивить, что авторы хотели эпатировать посетителей некоторыми своими работами, только вот либо недостаточно старались, либо вообще «ушли» в другое русло. Современный зритель думает, что он видел уже все, что можно было увидеть, и не уделяет достаточно внимания арт-объектам. Например, многие видеоинсталляции не привлекли того внимания, которое подразумевалось по замыслу художников. Многие посетители читали примечания к экспонатам после того как закончили их осмотр. Создается впечатление, словно люди посещают выставку «для галочки», чтобы была возможность сказать, что ты там был. Их не впечатляют работы авторов, им скучно.

Современного человека очень сложно удивить искусством, если он не хочет, чтобы искусство его удивляло.

Однако, по мнению наблюдателей, большинство посетителей предпочитают пассивный тип восприятия, рассматривая любую демонстрацию арт-объекта как предоставленное развлечение. (Исключение составлял Fusion Emotion, где минимум усилий позволял получить яркий результат, и это вызывало определенный интерес со стороны зрителей.)

3. В рамках наблюдения была выявлена также *значительная зона конфликтности*, связанная с тем, что в каждом обществе функционируют социально адаптированные и неадаптированные формы художественного творчества, выступающие как «чужое», не принимаемое коллективом. Между освоенным и неадаптированным возникает напряжение, что, по сути, является следствием сосуществования в обществе разных социально-психологических и мировоззренческих ориентаций.

Эта конфликтность со всей полнотой проявилась в реакциях публики на некоторые произведения, в частности, представленные в рамках киносреды («И это кино?» – возмущенно говорили посетители) и художественной среды (где было зафиксировано в целом неприятие идеи проекта «Викиантипедия», который представлял галерею портретов классиков мировой литературы с имитацией подрисованных шариковой ручкой усов, рогов, зубов, причесок и т. п.). Нетерпимость, даже агрессию демонстрировали главным образом люди старшего поколения (см. отчет о наблюдении).

Для более адекватного описания реакции части аудитории мы опирались на этнометодологический подход Гарфинкеля.

Наблюдатели фиксировали возмущение, раздражение и агрессию, в большей степени свойственную более старшим возрастным

группам. Люди не стеснялись активно высказывать недовольство, ругаться, вступать в полемику с организаторами (одного мужчину пришлось выводить охранникам).

Здесь уместно процитировать Гарфинкеля: «Чем более жестким является представление члена сообщества о том, что всякий-нормальный-человек-обязательно-знает, тем сильнее будет его замешательство, если при описании им своих реальных жизненных обстоятельств “естественные факты жизни” окажутся поставленными под сомнение»².

На выставке («приличной» выставке), надругательство над классическими «незыблемыми» ценностями пошло в разрез с фоновыми ожиданиями ряда посетителей и вызвало столь негативную реакцию.

Выход из подобного замешательства может быть разным: одни возмущенно покидают выставку, а другие, даже при негативной вербальной реакции, продолжают наблюдать и участвовать. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что художественный эксперимент прошел успешно – сознание зрителя уже изменилось.

Сознательное нарушение релевантных ролей помогает зрителю – участнику художественного действия отказаться от многих рутинных социальных перцепций и стереотипов. После подобных «экспериментов» зритель обретает более здравый смысл, чем до соприкосновения с арт-искусством.

Общества разных типов задают определенную норму отношения к новым художественным веяниям в искусстве. В одних случаях эта норма не имеет императивного значения, в других она связана с жесткой регламентацией художественных вкусов – об этом мы можем с уверенностью говорить на примере проведенного наблюдения. Так, демократический режим не предлагает жесткой структурной функциональной принадлежности исключительно к определенным стилям и направлениям в современном искусстве, и мы можем заключить из этого, что общество вынуждено вступать в контакт и реагировать на то, что, по мнению его социальных институтов, выступает в качестве художественно чуждого мира. Желание считаться с тем, что в данный момент общество не разделяет, есть признак зрелого общества, способного воспринимать предложенные «образцы» и произведения. Это, в свою очередь, объясняет интерес аудитории «потребителей», посетивших Фестиваль новой культуры.

Естественно, что оценка разными социально-демографическими группами определенных арт-объектов не могла быть близкой.

Манера поведения соответствует стилям в одежде: нарочитая экзальтированность «богема», громкая речь и вызывающая критичность высказываний «сердитой интеллигенции» – приверженцев реалистического искусства, подчеркнутая серьезность «умных студентов». Группы случайных посетителей выражали свое отношение к киноматериалам сдержанным смехом, ибо испытывали дискомфорт от непонимания, как следует себя вести на подобных мероприятиях.

Участники музыкальной среды ориентированы на развлечение, они меньше вовлечены в интенсивные контакты с артистами и выстраивают коммуникации исключительно внутри своих референтных групп. Соответственно и темы разговоров мало связаны с проблемами искусства: молодые люди предпочитают обсуждать вопросы досуга и различного рода обстоятельства личного характера.

Среди собравшихся преобладали юноши из социально благополучных семей, достаточно образованные и с высокой личностной самооценкой. Поведение и манеры общения между собой позволяют сделать вывод об их вовлеченности в клубную культуру. Отсюда – потребительский подход к арт-продуктам и очевидная эмоциональная индифферентность в отношении художественных «идеологических» мессиджей.

Примечательно, что резких субкультурных различий между участниками не было отмечено: практически все наблюдаемые придерживались свободного стиля в одежде, характерного для среднего класса.

Заключение

Культурные проекты в области актуального искусства выступают в роли универсальных медиумов между разноотраслевыми, междисциплинарными, разноуровневыми векторами развития современного общества, где культура рассматривается как источник инновационной и креативной активности.

Современное актуальное искусство по своей природе интерактивно. Оно требует максимально эмоциональных откликов на свои месседжи от максимально большего числа участников. При этом характер таких откликов – негативный или позитивный – особого значения не имеет. Здесь как раз проявляется еще одна ипостась актуального искусства – его медийность. В отличие от классических форм искусства, актуальное искусство неотделимо от СМИ.

Несколько экстравагантное поведение авторов, их вовлеченность в скандалы, как, например, было с группой «Война», – следствие исключительно медийного поведения.

Совершенно очевидно, что многие поступки и публичные жесты художников актуального направления схожи с особенностями поведения представителей многочисленных молодежных субкультур. Подобные аналогии позволяют заключить, что каналы мобилизации интереса к мероприятиям актуальных художников и способы распространения протестной активности в молодежной среде идентичны. Действительно, сегодня в крупных городах РФ протестная деятельность саморегулируется с помощью медийных ресурсов и через социальные сети в Интернете. Собственно и состав участников протестных акций совпадает во многом с теми социальными категориями, представители которых являются посетителями арт-фестивалей современных художников. В большинстве это те же молодые представители образованных слоев городского среднего класса. Именно молодые, активные и грамотные люди стали сегодня движущей силой «революции фейсбука», прокатившейся по миру – от «арабской улицы» до Уолл-стрит.

Протестная активность требует креативных решений. Различные массовые акции строятся по законам театральной драматургии. Общество спектакля реализует запрос на зрелищность. К тому же многие акции гражданских активистов не обходятся без участия актуальных дизайнеров и художников. Концептуализация общественно значимого мероприятия стала обычным делом; граждане понемногу привыкают к «необычности» и внешней радикальности организуемых массовых мероприятий.

Поскольку энергия социально-политического протеста распространяется по каналам и в формах, идентичных художественным акциям, представляется возможным перенаправить эту энергию в русло креативно-художественных действий и переживаний с помощью популяризации в массах городского среднего класса фестивалей, хэппенингов и арт-форумов актуального искусства.

Кроме того, актуальное искусство в силу своей демократичности и приближенности к «уличной культуре» позволяет переформатировать городской культурный ландшафт. Выставки-акции художников в «спальных районах» мегаполисов помогут связать пространство энергией сотворчества и активизировать социальную инициативу городских соседств. Сотрудничество местных властей, архитекторов, социальных дизайнеров, актуальных художников

и жителей районов сформирует поле общего интереса и помогает восстановить разрушенные общественные коммуникации. Протестная активность развивается в условиях социальной аномии, оторванности территории от культурных центров и внутриобщинной разобщенности. Деятельность актуальных художников абсорбирует негативные энергии протеста и оживит повседневность городских окраин.

Еще одним перспективным начинанием может стать возрождение краеведческого интереса жителей территории к истории своего района, области, округа. Актуальное искусство, несмотря на внешнюю эпатажность и провокационность, органично вписывается в исторически сложившийся социально-культурный ландшафт и дополняет классические формы новейшими экспериментальными объектами творческой мысли.

Значимыми социально-экономическими результатами включения актуального искусства в культурную политику города и региона являются новые возможности в плане регенерации и городского развития в целом, повышение объемов туристических потоков (от 3% ежегодно), создание новых рабочих мест и стимул к развитию и других отраслей, улучшение облика города и актуализация проблемы места в публичном дискурсе.

Реализованные проекты продемонстрировали возможность эффективного использования готовой городской инфраструктуры и освоения всего городского пространства.

Что касается социальных преимуществ, которые обеспечиваются новой культурной политикой, то наиболее значимыми из них являются повышение социальной солидарности и снижение социальной напряженности на основе расширения межкультурного диалога; развитие отдельных целевых программ для детей, молодежи, пенсионеров, меньшинств, проблемных детей; распространение волонтерского движения. В целом проекты актуального искусства, расширяющие зону коммуникации, содействуют низкой культурной активности граждан

В традиционных рамках проведения фестивальных мероприятий актуальное искусство привлекает в основном подготовленную публику и теряет значительную часть своего потенциала. Необходимо организовывать арт-площадки под открытым небом, на окраинах городов, во дворах, скверах в так называемых «спальных районах», поскольку в этом случае художники вступают в живую дискуссию с разнородной аудиторией, избегая ложной элитарности и снобизма.

Таким образом, можно расширить сферы культуртрегерской активности в зависимости от особенностей и потребностей регионов и городов (ландшафтная архитектура, лэнд-арт, стрит-арт, историко-культурные проекты, art-crafts, актуальные театральные, музыкальные фестивали и т. д.), а также выработать новые подходы к стратегическому планированию городского и регионального развития на основе культуры с привлечением проектов актуального искусства. Это поможет трансформировать точечные успехи в отдельных регионах в стабильно растущий потенциал формирования новых отношений между государством, бизнесом, творческой интеллигенцией и гражданским обществом.

Примечания

- ¹ Исследование «Новая культура» (грант Института общественного проектирования в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 8 мая 2010 г. № 300-рп). Метод – полуструктурированное интервью, выборка – целевая, всего опрошено 24 эксперта.
- ² *Гарфинкель Г.* Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 1.

Ф. Сакка

ГЛОКАЛИЗМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Данный материал представляет собой перевод статьи итальянского социолога профессора Ф. Сакка по проблеме глокализма политической культуры.

Ключевые слова: коммуникация, политическая культура, глобализм и локализм.

*Можем ли мы по-прежнему говорить о том,
что национальная политическая культура обусловлена
глобализацией рынков, коммуникации и даже социализации?*

Как широко известно, национальная политическая культура определяется, согласно классическому подходу Альмонда и Вербы¹, социализацией и образованием. Сегодня мы можем сказать, что социализация в общем и в политическом смысле все масштабнее обеспечивается взрывом коммуникации (массовые коммуникации, электронные коммуникации, коммуникации происходят уже не только лицом к лицу). Мейровитц указала в 1985 г., а затем и 20 лет спустя (2005)², что каждый опыт носит исключительно местный характер. Однако новые информационные технологии изменили наше представление о времени и пространстве. Обычно формирование политических идентичности и культуры происходило через местные практики и обсуждения лицом к лицу. В более общем смысле восприятие мира, в котором мы живем, – смотрим ли мы на него на глобальном или местном уровне – в меньшей степени определяется отношениями лицом к лицу и личным опытом по сравнению с тем, как это было несколько веков назад, и даже по сравнению с приобретенным сознанием родителей.

Но с развитием массмедиа, ИКТ и опосредованной компьютерной коммуникации (ОКК) каждый местный опыт, являющийся в действительности политическим вопросом, может быть пережит на местном, национальном и транснациональном уровнях, как это эффективно показали недавние видео и блоги иранских, ливийских и египетских мятежников. Так как информационные технологии позволяют нам в режиме реального времени узнавать об убийствах в Сирии, наводнении в России или ядерной катастрофе в Японии, эти события становятся также частью нашей действительности. Мы знаем о них, переживаем за них, оцениваем их. Нередко мы осознаем, что эти факты, даже если они произошли в другой части мира, каким-то образом могут повлиять и на наши жизни. Например, политическая нестабильность на Среднем Востоке оказывает влияние на политическую ситуацию Запада, решения, бюджеты и экономику. Это не совсем новый феномен, но он вырос в течение десятилетий и сейчас стал более прозрачным.

Можем ли мы до сих пор говорить, что каждый опыт является исключительно частным? Или что политические культуры на самом деле являются исключительно национальными?

Я бы сказала: меньше день ото дня.

Так как «реальность» в меньшей степени основывается на личном и расширяет свои границы, она сразу же становится более сложной. Согласно решительным заявлениям Баумана, это приводит – как это ни парадоксально – к увеличению восприятия индивидуализации в глобальном неустойчивом обществе. Высоко специализированная информация «забомбила» граждан, вынуждает их иметь основание или хотя бы мнение по этому поводу. Но в течение одной жизни невозможно освоить все компетенции, необходимые для того, чтобы сталкиваться, понимать, интерпретировать, справляться со сложностью всего человеческого рода, достигнутой за века эволюции. Так как сложность общества повышается, в том числе и в связи с тем, что границы того, что мы называем «обществом», значительно расширились с первобытных племен до сегодняшнего глобализма (который привносит в наше восприятие больше информации не только о нашей собственной семье или более обширной семье или же наших соседях, но о фактах, привычках, политических событиях из других культур и далеких наций), то и повышается организация доставленной до нас информации.

А наше восприятие может стать более фрагментарным. Мы можем быть в курсе только некоторых типов информации (об экономике, положении женщин, политической ситуации на Среднем

Востоке, человеческих правах, глобальном потеплении и т. д.), но фактически будет невозможным удержать всестороннюю информацию о «жизни в деревне», потому что «деревня» превратилась в целый мир. Неизбежно его часть становится помехой для нас. Мы не знаем его и не понимаем его. Хуже всего, мы осознаем, как мало мы можем сделать для управления этими процессами.

Стоит ли нам заключить, модернизируя подход Алмонда и Вербы к сегодняшней мировой реальности, что глобализация рынков, политики, идеологий и власти порождает глобализированную местечковость, если не субъект политических культур?

И да, и нет.

Глобализация, ослабление национальной государственной политики и риски общественной культуры

Если мы соглашаемся с тем, что политическая культура подлечит влиянию (и определяется) экономической структуры общества, мы также должны признать, что и глобализация рынков играет роль в формировании глобализированной политической культуры. Возможно, уже в зародышевых формах мы можем видеть следы этого, не только с неглобальными движениями в мире, но также и с возрастающим осознанием национальным правительством своей слабости в ориентации, ограничении и управлении международными финансами, которые становятся реальным действующим лицом власти. Определение национальной финансовой и трудовой политики³, эксплуатация финансового кризиса в стране, отказ от ряда социальных завоеваний – вот на что похожа государственная экономика (посмотрите, например, что происходит в Европе).

«Старое доброе» национальное государство все больше показывает свою неспособность быть связью между легитимными интересами и постепенно теряет способность принимать решения. Кажется, что его политическая сила и надежность истощены глобальными экономическими тенденциями. В Европе и странах, где экономический кризис особенно силен, люди ждут, нуждаются и требуют сильную трудовую политику и планы развития. Но национальное правительство переживает тяжелые времена, убеждая предприятия оставаться в стране и продолжать давать рабочие места, когда стоимость труда значительно ниже в других странах, поскольку в них нет профсоюзов, а правительства не могут обеспечить принятия благоприятного законодательства⁴.

Экономика стремительно теряет надежность политических институтов, вызывая неудовлетворенность, апатию и бессилие, по

крайней мере на латентном уровне. В этом отношении мы могли бы сказать, что вместо развития и экспансии политическая культура в большей степени основывается на узко-гражданских ценностях, и мы рискуем иметь дело с развитием местечкового гражданства даже в традиционно демократических странах. Кажется, что гражданское общество, сформированное из сведущих и информированных граждан, уверенных в своей способности действовать и менять социум к лучшему, страдает от ряда недостатков.

Одной из реакций на сложность структуры или собственную социальную беспомощность может быть обращение в частную сферу или локальное пространство. Местное (локальное) – оно меньше, проще, доступнее и является более вразумительной реальностью, чьи границы известны, понятны. Каждый может определить свое место в сообществе, предполагая, что он/она может изменить что-то и видит эффект своей собственной общественной, если не политической, деятельности.

Пока мы являемся свидетелями быстрого распространения местных сообществ и организаций для любых целей (начиная от уличной безопасности и заканчивая сохранением ферм), мы не можем недооценивать рост глобализированного общественного мнения. Как я отметила ранее, мы в большей степени осведомлены относительно того, что происходит в мире, чем понимаем, насколько это влияет на нашу жизнь. Мы начинаем вырабатывать мнение по поводу транснациональных фактов, феноменов и событий. Общественное мнение еще не организовано и по-прежнему имеет зачаточный характер, но вместе с тем вносит вклад в формирование политической повестки дня.

Как отмечал Мануэль Кастельс, прогресс в коммуникационных технологиях меняет саму коммуникацию. Средства массовой информации становятся более гибкими, позволяя быть взаимодействием одновременно на нескольких уровнях, их меньшая стоимость делает их более доступными для большей части населения. Они формируют Сеть. Эти сети, отмечает Кастельс, кажутся особенно приемлемыми для основных и типичных процессов капиталистической экономики, основанной на инновации, глобализации и децентрализации. К тому же, согласно этому подходу, такие тенденции становятся доминирующими и для отношений традиционной власти, производя трансформации и в самой политической системе⁵.

Как следствие, мы имеем дело с фактом, что пока Сеть поддерживает рынки и свободное денежное обращение (также усложняя процесс контроля и ограничения), расширение прав и возможностей ми-

ровых финансов ослабляет национальную политическую власть. Но в то же время эта же Сеть предоставляет больше возможностей всемирному общественному мнению. Мы можем сказать, что ход процесса коммуникаций – от власть предержащих к тем, кто делает ее многообразной (финансовая власть, лидеры мнений по всему миру, организованные граждане, ассоциации и т. д.) – порождает разные эффекты: переход от монополитической коммуникации к более фрагментарной, где значительно увеличивается количество деятелей, играющих роль в принятии решений или, по крайней мере, пытающихся иметь голос в политической повестке дня.

Распространение виртуальной коммуникации и увеличение количества вещательных организаций (как профессиональных, так и нет) не только делает беспрецедентным информационное предложение, но и заключает в себе изменение модальностей и иерархии власти. Процесс коммуникации становится менее иерархичным, более горизонтальным и менее вертикальным. СМИ становятся все более интерактивными, позволяя любому выражать свое мнение в контексте равных отношений. К тому же, если знание – это сила, потенциал распространения информации и знаний возможен благодаря новым тенденциям медиа, которые перераспределяют квоты на власть среди более широких частей мирового населения. Хотя рынок мировой информации по-прежнему в большей степени контролируется институциональными аппаратами и логикой рынка, начинается конкуренция с информацией, новостями, предложениями, вопросами и мнениями, выраженными через свободный сетевой доступ.

Другими словами, рост сетевого общества и более продвинутых и дешевых технологий коммуникаций предоставляет пространство и место для развития новых групп интересов, лобби, активистов, развивая политические идеи и проекты, которые все вместе вносят вклад в формирование как политической сферы, так и растущего мирового общественного мнения. В ряде случаев это же явление формирует и политическую организацию.

Заключение

Кажется, что публичная сфера Хабермаса⁶ – по крайней мере потенциально – снова обретает смысл на фоне расширения границ. Но, конечно же, политическая культура не ограничивается общественным мнением, как это колко отметил Перси Аллум, критикуя работы Алмонда и Вербы⁷. Я (фактически как и Перси Аллум в

соответствии с теорией Грамши) верю, что политическая культура должна быть осмыслена также и через политические практики. В этой перспективе мы можем сказать, что новые технологии не только предлагают новые СМИ для более обширной политической коммуникации, но также и влияют на политическое и общественное мнение как на локальном, так и на международном уровнях. Они также предоставляют «средства» и «место» для политической и гражданской организации, для новых деятелей.

В ходе Арабской весны мы все могли следить за протестующими благодаря Youtube, блогам, Facebook. Многие осудили военных, полицию за жестокое и несправедливое обращение, вызванное чрезвычайно консервативной трактовкой религиозных заповедей. Этот феномен не только просачивается в мировое сознание, но и влияет на способ, которым мы воспринимаем мир, политические процессы или наше собственное чувство справедливости. *Они становятся частью того, что мы знаем, чувствуем и оцениваем в контексте политики в более широком измерении. Нередко они также включают в себе некоторые виды действия.* В случае с Сафией Хуссаини, женщиной из Нигерии, осужденной за внебрачную беременность, петиция, вывешенная в Интернете, была подписана гражданами и политиками по всему миру, что придавало ей дипломатический вес, который не мог быть проигнорирован. После юридической битвы под контролем международной прессы в 2002 г. обвинения с Сафии были сняты.

Убийство иранского подданного, протестующего против режима Ахмадинежада, Неды Салехи Агха-Солтан во время президентских выборов 2009 г. шокировало и взбудоражило общественность во многих странах, и количество подобных случаев растет с каждым годом. Но я нахожу недавний опыт Египта чрезвычайно знаменательным примером не только того, как политические культуры растут за пределами границ национальных государств, но и как новые коммуникационные технологии переворачивают с ног на голову традиционные политические процессы, где политические организации артикулируют свои задачи, а потом информируют о них через различные каналы (от коммуникации лицом к лицу до СМИ). Теперь мы являемся свидетелями обратного процесса: *от коммуникации к политической организации.* Этот феномен был хорошо описан у Ваиля Гонима в книге «*Revolution 2.0: The power of the People is Greater than the People in Power. A memoir*»⁸. Гоним, менеджер компании Google в Египте, сообщает о своих первоначальных осто-

рожных попытках поднять политические дебаты через Facebook после того, как он увидел поразительное и волнующее фото, как 28-летняя Александрина была забита до смерти полицией Египта. Это событие не было редкостью само по себе, но – так же как и в случае с покончившим с собой в результате плохого обращения полиции торговцем фруктами в Тунисе – всколыхнуло сознание многих молодых граждан в разных мусульманских странах, где население чувствовало, что у него нет прав и они не могут рассчитывать на справедливое обращение со стороны властей, в большей степени они чувствуют себя подданными, чем гражданами.

Подобные случаи не были характерны лишь для Туниса или Египта, но кажется, что управление коммуникациями в каждом случае привело к разногласиям. Книга Гонима представляет собой большой интерес, так как выглядит как дневник о том, как Египет прошел через деспотический военный режим с маленькой и ослабленной оппозицией к свержению бывшего президента Мубарака. Последнее произошло благодаря протесту, скромно возникшему в Интернете, а затем развернутому в массовое присутствие на площади Tahrir, которые мы видели по телевизионным каналам всего мира.

Как мы все знаем, режим потерпел крах. Молодые протестующие с площади Tahrir: студенты, интеллигенция, профессиональная элита, начавшие революцию, – основали политическую партию (Al-Adl), чтобы выставить свою кандидатуру на президентских выборах, но проиграли традиционному Мусульманскому братству. Структура, более организованная и умеренная, более известная, спонсируемая и подержанная большей и более могущественной мусульманской сетью, распространялась по стране. Широкая и традиционная коммуникация, с глубокими корнями, не могла быть побеждена элитарными движениями хорошо образованных, современных активистов Facebook.

Это яркий пример того, как новые технологии могут поддерживать рост новых идей, требований, информации, трибун и даже политических организаций и новых партий. Но также и подтверждение того факта, что эти тенденции не такие революционные, как они себя позиционируют. Очевидно, они по-прежнему конкурируют с традиционными каналами коммуникации, редакторами, источниками, не говоря уже о традиционно узнаваемых политических агентах. Соотношение власти между ними очевидно сильно несбалансировано.

Можем ли мы заключить, что это потенциальное увеличение в географии гражданского общества также отображает рост в условиях глобального сознания, мировой политической культуры и демографии?

Чтобы не удариться в идеализм, было бы более благоразумно отметить, что пока динамика экономической глобализации ослабляет правительства и политику национальных государств, влияя на принятие решений, сами информационные технологии, которые делают глобальные рынки реальностью, также благоволят росту мирового общественного мнения, которое медленно превращается в мировую политическую культуру. Периодически становящееся активным общественное мнение организует себя, чтобы влиять на национальную, а также международную политику.

Если мы думаем о самом смысле глобализации, то, согласно Ульриху Беку, глобализация – это не конец политики, но установление политики за пределами категорий национальных государств и даже за пределами традиционных схем, приписывающих политические и неполитические смыслы ролям и действиям⁹. Политическая культура будет все больше и больше соответствовать этому.

Перевод Л.А. Хафизовой

Примечания

-
- ¹ *Almond G., Verba S.* The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1963.
  - ² *Meyrowitz J.* No sense of place. The impact of electronic media on social behavior. N. Y.: Oxford University Press, 1985; The Rise of Glocality: New Senses of Place and Identity in the Global Village // Kristóf Nyíri (ed.). A Sense of Place: The Global and the Local in Mobile Communication, Vienna: Passagen Verlag, 2005. P. 21–30.
  - ³ *Sassen S.* Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages. Princeton: Princeton University Press, 2008. 2nd ed. (1st ed. 2006); *Idem.* A Sociology of Globalization (Contemporary Society Series). N. Y.: W.W. Norton, 2006.
  - ⁴ Emblematic the case of Pakistan, studied by Saskia Sassen in «Territory, Authority, Rights: From Medieval to Global Assemblages».
  - ⁵ *Castells M.* The Rise of the Network Society. Cambridge, MA: Blackwell Publishers, 1996.

- ⁶ *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. Neuwied: Hermann Luchterhand Verlag, 1962; *Idem.* Storia e critica dell'opinione pubblica. Bari: Laterza, 1995; *Idem.* Toward A Theory of Communicative Competence // *Recent Sociology*. № 2: Patterns of Communicative Behaviour / Dreitzell. H. (ed.). N. Y.: Macmillan Company, 1970.
- ⁷ *Allum P.* Cultura o opinioni. Su alcuni dubbi epistemologici // *Il Politico*. 1988. № 2. P. 221–268; *Idem.* Democrazia reale. Stato e società civile nell'Europa occidentale. Torino: UTET, 1997.
- ⁸ *Ghonim W.* Revolution 2.0: The power of the People is Greater than the People in Power. A memoir. N. Y.: Houghton Mifflin Harcourt, 2012.
- ⁹ *Beck U.* What is Globalization? Cambridge: Polity Press, 2000.

И.Н. Бабич

ЧТЕНИЕ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Для адаптации молодого поколения в изменяющемся мире необходимы навыки работы со сложной информацией и знания, приобретаемые через чтение. Согласованное формирование и реализация политики развития чтения, совместные действия государственных структур и общественных объединений реализуются в деятельности на основании синергетической парадигмы. Результатом социального эксперимента по введению теории самоорганизации в обучение и воспитание в школе, направленного на развитие творческих и интеллектуальных способностей, читательской и филологической культуры учеников и учителей, является формирование целостной картины мира и понимание социокультурной значимости чтения всеми участниками образовательного процесса.

Ключевые слова: социализация, адаптация, читательская компетентность, книжная культура, ответственность, взаимодействие, самоорганизация, рефлексия.

В своей нобелевской лекции И. Бродский наиболее тяжким преступлением против литературы назвал пренебрежение книгами: не цензурные ограничения, не предание книг костру, а именно их не-чтение. «За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью: если же преступление это совершает нация – она платит за это своей историей»¹. В исторически сложный период для успешной адаптации в обществе переходного типа чтение становится необходимым способом освоения базовой социально значимой информации, мощнейшим механизмом поддержания богатства родного языка. Непонимание значения слов родного языка

и смысла идей, сконцентрированных в письменных источниках, неумение грамотно выразить мысль приводят к непродуманным социально значимым решениям и действиям. Низкая степень освоенности письменной культуры, некомпетентность членов российского общества, не умеющих читать серьезную литературу, оборачивается негативными последствиями для всей страны, сопряжена с большим социальным риском².

Исходя из понимания важности роли чтения для развития любого государства, в модернизированных и активно модернизирующихся странах предпринимаются попытки противодействовать тенденциям снижения интереса к чтению. Однако на уровне российского государства и общества, по утверждению экспертов, значимость чтения как одного из важнейших средств развития страны не осознается во всей полноте и сложности. По объему государственной поддержки обучения навыкам чтения Россия уступает уровню развитых стран в 20–30 раз: в Великобритании на эти цели тратится ежегодно около 35 тыс. рублей на душу населения, в Финляндии – 23 тыс., в РФ – 1,2 тыс. рублей³. В результате снижается общий уровень грамотности населения. По данным ряда международных исследований, свыше 10% российских школьников функционально неграмотны, а в странах-лидерах – не более 1%.

На фоне грандиозных социальных изменений усиливаются факторы, снижающие читательскую активность граждан (охват и интенсивность) в массовом масштабе. По данным исследования, проведенного Левада-центром, за последние три года количество людей, которые ежедневно читают книги, сократилось до 8%, а число вообще не читающих книги составило 45%. Свыше 70% взрослых россиян не покупают книг. Издательская политика смещается в сторону выпуска литературы сниженной информационной ценности. Растущая невзыскательность вкусов, предпочтений в области чтения, усиливающаяся развлекательная составляющая чтения минимизируют затраты интеллектуальных усилий. Даже в интеллектуальной среде происходит упрощение с точки зрения сложности форм и содержания профессиональной, художественной литературы. Ухудшается владение родным языком, зачастую в профессиональной, деловой, молодежной средах устоявшиеся русскоязычные слова заменяются англоязычными аналогами⁴.

Серьезные потери понесла инфраструктура поддержки и развития чтения в масштабах страны: затруднен информационный обмен между регионами России, между мегаполисами, крупными и средними городами, селами, между представителями различных

профессий, между слоями населения. В результате разрушения целостности культурного пространства разные группы читателей становятся все более оторванными друг от друга. Проживая в условиях суженного выбора, поскольку издательствам невыгодно везти книги в малые города, села, деревни, более 63% населения России оказались отрезанными от современной литературной жизни. Важнейшей задачей становится наращивание интеллектуального капитала местных сообществ: в условиях смены типа экосоциальной организации возникает угроза потери культурного и биологического разнообразия. На смену человеку-хозяину, прикрепленному к земле «земледельцу-хранителю природы» приходит не связанный с природой и культурой данного места наемный работник-кочевник, добывающий вахтовым способом природные ресурсы⁵. От повышения массового интереса к книге и ее доступности для молодежи, связанной с природой и культурой родной земли, зависит сбережение населения и устойчивость всей страны.

Огромной и важной проблемой остается привлечение к чтению нечитающих групп населения.

Библиотека, единственный социальный институт, отслеживающий национальный репертуар печати, сегодня уже не является ни рекомендателем, ни источником книги. По данным опросов 79% населения не пользуются библиотеками. Д.С. Лихачев считал библиотеки наиболее важным в культуре: может не быть университетов, научных учреждений, но если есть библиотеки, возглавляемые профессионалами, а не случайными людьми, если библиотеки не горят, не заливаются водой, оснащены современной техникой, – тогда культура не погибнет.

Уходит статусная значимость домашней библиотеки для людей активных социальных возрастов. Ныне 35% московских семей не имеют в доме книг. В исследованиях Левада-центра прослеживается прямая корреляция наличия больших домашних библиотек со взаимнозаинтересованными отношениями членов семьи друг к другу, с более прочными установками молодежи на хорошую учебу в школе и на высшее образование высокого качества. Среди тех, кому не читали книг в детстве, кто не рассказывал о прочитанном своим детям, кому не рассказывали или перестали рассказывать о прочитанном сами дети, исследователи выделяют представителей старших возрастных групп, жителей села и малообеспеченных россиян⁶. Именно семья сохраняет культуру чтения. Отсутствие книг в доме ослабляет желание детей обсуждать прочитанное с родителя-

ми. Нечитающим родителям и учителям бесполезно убеждать детей в необходимости чтения.

Проблемы семейных базовых отношений, взаимодействия между поколениями в семье отражаются и в том, что вечная ценность – чтение в семье, – объединяющая членов семьи, становится уходящей традицией. Тридцать лет назад чтение детям вслух было для большинства семейной традицией, сегодня подобная практика сохранилась лишь у 7% семей. Рассуждая о добре, любви, самых прекрасных качествах человека, на собственных поступках и книгах воспитывали родители своих детей. Вспоминая родителей, читавших вечерами Лескова, Мамина-Сибиряка, исторические романы для себя, а некоторые понравившиеся места и для детей, Д.С. Лихачев рассказывал о том, что все, что нравилось им, «постепенно начинало нравиться и нам». Ученый писал об учителе литературы, читавшем всему классу былины о Соловье Будимировиче и о Добрыне Никитиче, повесть о Горе-Злосчасти, басни Крылова, оды Державина, «Капитанскую дочку», «Войну и мир»⁷. Став выдающейся личностью, филолог и историк признавался, что до сих пор любит то, что слушал в детстве.

Герои детских книжек формируют характер, определяют цели в жизни. Освоиться в «большой» литературе многим до сих пор помогают сказки К.И. Чуковского, строки из которых, превратившись в своеобразный фольклор, вошли в повседневную жизнь. Создатель «Доктора Айболита», «Мойдодыра», «Мухи-цокотухи» считал свои сказки лишь введением во «взрослую» литературу. Его книга о словотворчестве маленьких «От двух до пяти», предназначенная для педагогов, психологов, лингвистов, доступна и самим героям сочинения, о которых писатель говорит с добрым юмором. Мир детского сознания, по утверждению Ю.М. Лотмана, не исчезает в ментальной структуре взрослого человека. Он «продолжает функционировать как генератор ассоциаций и один из активных моделирующих механизмов, игнорируя который невозможно понять поведение взрослого человека»⁸.

В современной ситуации кризиса семьи, не обеспечивающей младшим поколениям базу для приобщения к книжной культуре, местом, где многие дети впервые знакомятся с книгой, становится школа. Но и она не выполняет стимулирующих функций приобщения учащихся к серьезному чтению. Школа и, шире, вся система образования как важные агенты литературной социализации не формируют социально необходимый уровень читательской компетентности. Согласно Э.А. Орловой, социально необходимый

уровень читательской компетентности предполагает умение понимать сложные тексты, критически оценивать содержащуюся в них информацию, формулировать гипотезы и выводы, относящиеся к событиям современной социокультурной жизни. Затруднения с продвижением и развитием чтения Э.А. Орлова видит в отсутствии интереса к чтению, письму, родному языку у учеников, в равнодушии преподавателей и библиотекарей к социализации и к низкому уровню читательской компетентности учащихся⁹.

Направленное на формирование духовного и интеллектуального облика новых поколений россиян приобщение учеников к искусству слова «подменено преподаванием примитивных основ литературоведения как науки об истории литературы»¹⁰. Препятствующий развитию интереса школьников к чтению упрощенный подход к анализу художественных произведений не формирует у учеников готовность к эффективному освоению все усложняющихся потоков информации. Из года в год теряя позиции в рейтинге международного исследования по качеству чтения PISA, хорошо владеющие техникой чтения школьники России уступают в качестве чтения: им не дается сложность задач, нестандартность решений, самостоятельная рефлексия. В 2009 г. средний балл по читательской грамотности (скорость, понимание текста, запоминание) российских подростков из 213 образовательных учреждений 45 регионов, участвовавших в тестировании, составил 459 по 1000-балльной шкале. Средний показатель по ОЭСР – 493. У лидирующего Шанхая – 556 баллов. Международные сравнительные исследования показывают, что российские ученики, особенно младших возрастов, более позитивно оценивая чтение как занятие, читают чаще и больше многих своих зарубежных сверстников. Частота обращения к печатному слову и интерес к чтению в России резко сокращаются при переходе от начальной школы к средней, а от средней школы – к профессиональной работе. В России нет механизмов и институтов поддержания и постоянного повышения качества чтения на высоком уровне. «Без установки на такое повышение, самостоятельность, выбор из многообразия у самого человека, в окружающей среде, в основных институтах социума, – заявляют авторы исследования Б.В. Дубин и Н.А. Зоркая, – невозможно никакое реальное качество чтения, образования, труда, досуга»¹¹. Формирующееся к 9 классу устойчивое отношение школьников к чтению как принудительному занятию исследователи Левада-центра связывают с дефицитом литературы о реальных проблемах и ценностях в жизни современных подростков.

Ученые и общественные деятели поднимают проблему постепенной утраты колоссального богатства, национального достоинства – русского языка и русской литературы. При сокращении часов на чтение в образовательных программах в школах и гуманитарных наук в высших учебных заведениях, при заявленной реформаторами утрате самостоятельности учебных предметов «Русский язык» и «Литература» в структуре обязательных дисциплин в школе молодое поколение будет читать все реже, и скоро некому будет оценить накопленное культурное наследие. Понятна тревога ученых, утверждающих, что в 1990-е годы им было «кого учить на университетском уровне, сейчас в стране практически нет соответствующего контингента». Преподаватели вузов, читающие лекции перед разными аудиториями, с грустью отмечают, что студенты не воспринимают цитаты из Ахматовой, Булгакова, Зощенко, Мандельштама, Пастернака: новое поколение читателей не знает этих имен, не знакомо с произведениями, созданными их творцами¹². Рассказывая о конкурсе, где отличницам и золотым медалисткам предлагались тексты Зощенко и Шекспира, но без имен героев, культуролог А.С. Запесоцкий замечает, что абитуриентки не в состоянии отличить один текст от другого, они не видят различий ни по тексту, ни по структуре, ни по эпохе. По мысли профессора, не прочитав и не изучив в школе 150–200 шедевров мировой литературы, не прочувствовав и не поняв их, не пережив «нравственного потрясения от соприкосновения с образами этих шедевров», человек не может получить нормальное университетское образование, поскольку у него не сформирована должная картина мира.

Трансформация молодежной художественной субкультуры отражает политические и социокультурные процессы переходного периода. Выявляя содержательные стороны в социализации в подростковом и юношеском возрасте, фиксируя динамику ценностных ориентаций в субкультуре старшеклассников, исследователи отмечают смену художественных предпочтений. Снижается интерес к углубленному и вдумчивому чтению, формирующему личность человека, ее нравственную основу. Молодое поколение выбирает легкое, развлекательное чтение. Подростковая читательская культура становится более закрытой «культурой своих». Отмежевание от внешних групп, уход подростка в «свою» среду, культивирующие читательскую неразвитость и инфантилизм, затрудняют переход на «взрослую» ступень и поддержание социальных и культурных традиций общества. В письмах, адресованных молодому поколению, академик Д.С. Лихачев подчеркивал, что каждый человек

обязан заботиться о своем интеллектуальном развитии: «Это его обязанность перед обществом, в котором он живет, и перед самим собой»¹³.

Проблема чтения носит общемировой характер. Тенденция снижения интереса к чтению обусловлена интенсивным развитием индустрии развлечений, вытесняющей чтение как престижный источник социально значимой информации, а также глобализацией средств массовых коммуникаций. Исследование более сотни английских, уэльских, шотландских и североирландских школ показало, что менее 50% английских детей в возрасте от 8 до 17 лет ежемесячно читают книги вне учебного класса. Вообще не любят читать 10% опрошенных; 7,3% не берут книгу в руки, если они не в школе. При этом 7% ни разу не посещали библиотеку, один из восьми опрошенных никогда не был в книжном магазине; 20% детей никогда не получали книгу в подарок. Не читая в традиционном смысле этого слова, большинство из 18000 школьников отдают предпочтение чтению в Интернете, выбирая журналы, SMS, электронные письма.

Среди тенденций в развитии современного чтения, которое сегодня происходит «на слух», с листа, с экрана, существует проблема цифрового текста – тенденция к фрагментации текста, характерная для электронных носителей и способов чтения, которые они предлагают. Изучая в течение пяти лет поисковую активность посетителей сайта библиотеки Британского музея и сайта консорциума образовательных учреждений, предоставляющих журнальные и газетные статьи, оцифрованные книги и другие печатные источники, исследователи Университетского колледжа в Лондоне пришли к выводу, что вырабатывается новая форма «чтения» в режиме онлайн: быстрый просмотр заголовков, оглавлений и содержания рефератов. Прочитав не более одной-двух страниц статьи или книги, пользователи сети перепрыгивают с одной ссылки на другую, редко возвращаясь к тому источнику, с которого начали поиск. Предостерегая от опасности развития в себе склонности к «диагональному» просмотру текстов и к скоростным методам чтения, допустимого лишь в некоторых видах профессий, Д.С. Лихачев призывает молодежь остерегаться выработать в себе привычку к скоростному чтению, создающему видимость знаний, ведущему «к заболеванию внимания».

Ведущая роль воспитательной, социализирующей функции чтения в отечественной педагогической традиции отводится урокам литературы. Однако эксперименты с обучением привели к

тому, что литература в школах стала предметом по выбору. В 2011 г., по данным Рособрнадзора, наиболее популярными экзаменационными предметами по выбору были «обществознание» (этот предмет сдавали 55,4% выпускников), физика – 27,2%, история – 23,2%. Наименьшим выбором у выпускников пользовались литература (7,2%), география (4,4%), иностранные языки (менее 1%), за исключением английского. Декан исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова С. Карпов убежден в том, что не будет ни образования, ни воспитания, если ущемлять предметы, на которых все зиждется: история Отечества, русский язык, русская литература, география – это «почва, на которой мы стоим». Преподавание истории, русского языка и литературы важно как для формирования творческого мышления, необходимого для инновационного развития России, так и для нравственного воспитания молодого поколения.

Национальное сознание формируется интересом к высокохудожественной литературе, богатой тематическим разнообразием и языком. На заседании Патриаршего совета по культуре под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла (Москва, февраль 2012 г.) русский язык и национальные традиции отнесены к числу первостепенных задач, требующих особого внимания. Общество, по словам патриарха, как живой организм, не может питаться псевдокультурой и глянцем: вместо литературы – бульварные детективы, вместо настоящей музыки – звездные шоу. Значительное влияние на понимание текстов современной медиакультуры оказывают средства массовых коммуникаций. Пагубное внедрение клипового сознания в массы привело к тому, что российский зритель привык смотреть примитив и отучился думать¹⁴. И уже ни школа, ни авторитетные литературные премии и критика не способны регулировать процесс чтения подростков и воспитание читательского вкуса россиян.

Не подлежит сомнению, считают эксперты, ответственность государства за состояние дел в области массового чтения, распространения книг, библиотечного обслуживания, поскольку библиотеки и почта находятся в государственной монополии. Но и образованные слои нескольких поколений россиян, при молчаливом согласии или усталом равнодушии которых страна превратилась в «общество пассивных телезрителей», также несут ответственность за сложившуюся ситуацию¹⁵. Страна подошла к критическому пределу пренебрежения чтением. Массовое закрытие сельских школ, библиотек, домов культуры – это серьезные симптомы общего не-

благополучия: наша культура, возвращается к уровню тридцатилетней давности. Аналитики предупреждают о начале необратимых процессов разрушения ядра национальной культуры¹⁶.

Осознавая пагубность угасания интереса населения к чтению, в Российской Федерации в последние годы предпринимаются шаги по формированию и реализации политики развития книжной, читательской культуры. Принята Национальная программа поддержки и развития чтения, активно обсуждается на Всероссийском съезде учителей русского языка и литературы (Москва, июль 2012 г.) президентская инициатива о формировании списка «100 книг, которые должен прочитать каждый школьник». Неся просветительскую ответственность, национальные ассоциации, объединяющие образовательное сообщество библиотекарей, книгоиздателей, книгораспространителей, журналистов, предпринимают усилия для преодоления системного кризиса чтения.

Разрабатывая и реализуя исследовательские проекты, межрегиональная общественная организация «Женщины в науке и образовании» (www.awse.ru) проводит с 1997 г. социальный эксперимент «Синергетический подход в обучении и воспитании», в котором чтение рассматривается как одно из основных средств обучения и развития личности. В рамках просветительской программы «Языки науки – языки искусства» создана экспериментальная исследовательская лаборатория «Синергетическая модель образования в словесности», где происходит взаимодействие и взаимообогащение образовательной, научной и информационно-технологической сфер. Деятельность лаборатории направлена на стимулирование учащихся к овладению родным языком и навыками чтения, отвечающими требованиям общества знания. В формировании читательской компетентности значительное внимание уделяется работе с цифровыми источниками информации, соединению обучения работе с письменными текстами с информационными и коммуникационными технологиями.

Самой важной задачей образовательных учреждений всех рангов, по убеждению Э.А. Орловой, становится обучение чтению и освоение информации, представленной в письменных текстах¹⁷. Опираясь на изучение литературы, включенной в программы 5–9 классов, анализ произведений в лаборатории осуществляется на широком историко-культурном фоне с использованием идей теории самоорганизации. Настаивая на необходимости развивать в себе интерес к чтению, Д.С. Лихачев полагал, что в значительной мере этот интерес может быть результатом самовоспитания и

саморазвития. Лаборатория готовит учащихся к непрерывному обучению, поэтому особый акцент ставится на единстве управления и самоорганизации. Обязательной составляющей обучения является читательская рефлексия, подразумевающая осознание ключевых этапов работы с текстом: прочтение, понимание, запоминание, воспроизведение в устной и письменной форме¹⁸. Освоение ее механизмов предполагает совместную деятельность всех участников образовательного процесса. Основным условием стимулирования читательской рефлексии является рефлексивно-диалогический стиль взаимодействия учащихся и преподавателей.

На организованной лабораторией школьной конференции «Миновавшее проходит предо мною...» обсуждение важнейших проблем и диалог читателя с книгой велись на материале классических древнерусских текстов и работ современных авторов (проект «Эволюция картины мира в естествознании и славянской мифологии», подготовленный под руководством учителя русского языка и литературы и учителя географии, выступили учащиеся 7 класса; возглавляемая учителем английского языка команда учащихся 6 и 8 классов представила исследование «Креативная коммуникация в сказках народов мира»; ученики 7 класса совместно с филологом и своей первой учительницей – учителем начальной школы – подготовили для нового поколения первоклассников работу «Русь былинная: единство и сила родной земли в древнерусском эпосе»; девятиклассники предложили свое исследование «Устойчивость и изменчивость в словесности на примере “Слова о полку Игореве”»). Связывая воедино все элементы информации в процессе подготовки и участия в междисциплинарной конференции, школьники отрабатывают умения ориентироваться в различных системах мировоззрений и ценностей, отраженных в письменных текстах и устной культуре.

Для возрождения традиции домашнего чтения в лаборатории девятиклассниками был проведен эксперимент по вовлечению семьи в атмосферу чтения: дети предложили родителям совместно почитать какую-либо книгу. Большинство родителей с удовольствием согласилось на чтение в кругу семьи, в некоторых семьях читал один из родителей «в связи с занятостью или усталостью другого», и только незначительная часть родителей отказалась читать. Юные исследователи отмечают: «В результате такого семейного сбора все родители и дети остались довольны и сошлись во мнении, что такие мероприятия нужно проводить как можно чаще, ибо совместное времяпрепровождение сплачивает семью, позволяет родителям и детям стать ближе, лучше понимать друг друга»¹⁹.

Развитие новых форм взаимодействия образовательных и культурно-просветительских учреждений реализовалось в конструируемой образовательной среде в экспериментальных методических занятиях музеев Московского Кремля по теме «Иван Грозный – первый русский царь». Разнообразие и эффективность форм стимулирования читательской активности наглядно раскрывались в ходе кремлевских занятий и исследований с автором книги «Регалии русских царей» М.Г. Ракитиной, изучении предметов, входивших в число царских регалий в разные периоды российской истории: барм, шапки Мономаха. Осознавая глубинную связь между чтением и нашей памятью, между писателем и читателем, О.Э. Мандельштам заметил: «Поучение – нерв литературы»²⁰.

Каждое кремлевское занятие иллюстрировалось образцами из классических произведений русских писателей и поэтов в совместных диалогах школьников и учителей-словесников. В лаборатории школьники изучали историзмы и архаизмы в «Песне о купце Калашникове» и балладе «Василий Шибанов», создавали оригинальные сочинения на тему «Кто из персонажей “Песни о купце Калашникове” является настоящим героем?». Выразительное чтение баллады «Василий Шибанов» сопровождалось анализом ритмического строения стиха. Размышляя над судьбоносными поворотами российской истории, семиклассники обратились к литературному памятнику грозненского времени, изменившему ход истории: анализировали тексты из переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским. Критическое осмысление текстов, соотнесение прочитанного со знаниями из других дисциплинарных областей и собственным опытом формируют умения восстановления контекста, навыки для обработки больших объемов сложной информации.

Рассчитывая на заинтересованный диалог с читателем, в момент которого писатель, велик он или нет, равен читателю, и наоборот, И. Бродский подчеркивал: «Равенство это – равенство сознания, и оно остается с человеком на всю жизнь в виде памяти, смутной или отчетливой, и рано или поздно, кстати или некстати, определяет поведение индивидуума»²¹. Способствуя четкой идентификации в структуре социокультурной коммуникации, читательская компетентность становится важнейшим фактором образовательной и профессиональной деятельности людей, обеспечивая их смысловыми ресурсами профессиональных знаний, новаторскими идеями, поведенческими образцов.

Активное читательское поведение, междисциплинарное образование, направленное на участие читателей в актуальных процессах книжной культуры, приблизят нас к тому желаемому состоянию общества, когда чтение станет основой жизненной стратегии молодежи. Лишь совместные действия государственных структур, бизнеса, общественных объединений создадут целостную среду, способствующую адаптации российских граждан к динамичным изменениям, успешному взаимодействию внутри российского общества и обмену знаниями с другими странами.

Примечания

- ¹ *Бродский И.* Нобелевская лекция / Чтение с листа, с экрана и «на слух»: опыт России и других стран: Сборник м-лов для руководителей программ по продвижению чтения / Сост.: Е.Ю. Гениева, Ю.П. Мелентьева. М.: РШБА, 2009. С. 19.
- ² Национальная программа поддержки и развития чтения и методические рекомендации по ее реализации: Сб. материалов / Сост. Е.И. Кузьмин, А.В. Паршакова. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2009. С. 28, 183.
- ³ Там же. С. 39.
- ⁴ Там же. С. 26–27.
- ⁵ *Яницкий О.Н.* Экологическое мышление эпохи «великого передела». М.: РОСПЭН, 2008. 224 с.
- ⁶ Национальная программа поддержки и развития чтения и методические рекомендации по ее реализации: Сб. м-лов. С. 464.
- ⁷ *Лихачев Д.С.* Письма о добром и прекрасном. М.: Детская литература, 1988. С. 95–99.
- ⁸ *Лотман Ю.М.* Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010. С. 42.
- ⁹ Национальная программа поддержки и развития чтения и методические рекомендации по ее реализации: Сб. м-лов. С. 188.
- ¹⁰ *Казан М.С.* Системно-синергетический подход к построению современной педагогической теории // Синергетическая парадигма: синергетика образования. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 239.
- ¹¹ Национальная программа поддержки и развития чтения и методические рекомендации по ее реализации: Сб. м-лов. С. 475.
- ¹² Куда идет российская культура? (материалы круглого стола) / Вопросы филологии. 2010. № 9. С. 3–59.

- ¹³ *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С. 95–99.
- ¹⁴ Куда идет российская культура? С. 3–59.
- ¹⁵ Национальная программа поддержки и развития чтения и методические рекомендации по ее реализации. С. 474.
- ¹⁶ Там же. С. 23.
- ¹⁷ Там же. С. 186.
- ¹⁸ Там же. С. 231.
- ¹⁹ *Сарханидзе Т.М.* Рефлексия глазами девятиклассника / Математика. Компьютер. Образование: Сб. научных тезисов / Под ред. Г.Ю. Ризниченко, А.Б. Рубина. М.; Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика. 2012. С. 442.
- ²⁰ *Мандельштам О.* О собеседнике / Собр. соч.: В 4 т. М.: ТЕРРА, 1991. Т. II. С. 238.
- ²¹ *Бродский И.* Указ. соч. С. 18.

С.С. Касаткин

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СМИ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Средства массовой информации – это мощнейшее орудие воздействия на умы граждан и средство формирования общественного сознания. В различные исторические эпохи массмедиа имели различные формы, отличался набор СМИ, их концепция, на что и обращает внимание автор статьи.

Ключевые слова: СМИ, советский и постсоветский периоды, средства массовой информации, Интернет.

Средства массовой информации, к каковым относят прессу, радио, телевидение, а ныне еще и Интернет, – это мощнейшее орудие воздействия на умы граждан и испытанное средство формирования общественного сознания. Рассматривая не столь далеко стоящие друг от друга по времени эпохи – советскую и российскую, мы можем наблюдать, насколько кардинально изменилась экономическая и политическая ситуация, а вместе с ней и СМИ.

Согласно Конституции, общественным строем СССР являлся социализм. Задачей средств массовой информации в советских условиях было доносить до масс позицию власти в виде единственно возможной и верной, интерпретировать любые факты в нужном ракурсе, порицать идеологических противников и вдохновлять соратников на борьбу с внешними и внутренними врагами. Поскольку СМИ финансировались исключительно из госбюджета и были полностью подчинены государству, довольно странно было бы ожидать от них свободомыслия. Советский человек мог быть

абсолютно уверен: точка зрения журналиста из газеты «Правда» до запятой совпадет с авторитетным мнением его коллеги из «Советской России» и «Московского комсомольца». И даже обозреватель из «Советского спорта», периодически отвлекаясь от легкоатлетических достижений страны победившего социализма, безошибочно донесет до вдумчивого читателя политику партии.

Та же ситуация наблюдалась на радио и телевидении. Центральных каналов, которые транслировались по всей стране, было два – первая и вторая программа Центрального телевидения (ЦТ) соответственно. В середине 1960-х годов появился третий канал, который около 20 лет выполнял функцию образовательного, а в 1982 г. был переименован в Московскую программу. В 1967 г. появляется четвертая программа. Пятым каналом была ленинградская программа. Все передачи и кинофильмы были идеологически выверены, дикторы информационных программ рапортовали о свершениях трудового народа.

Когда сменилось общественное устройство страны, финансирование подавляющего большинства изданий и телевизионных каналов из привычного источника прекратилось. Зато появились новые. Более того, в полном соответствии с законами рынка число организаций, зарегистрированных как СМИ, резко увеличилось: в 2008 г. число журналов и других периодических изданий в России составляло 6698 штук¹, что в два раза больше показателя 1999 г. Годовой тираж журналов и других периодических изданий в 2008 г. – 1,61 млрд экземпляров, что в 2,7 раза больше показателя 1999 г.² Телеканалов в СССР в 1980-е было 14, в 2009 – уже более 330, включая кабельные, спутниковые, региональные и местные каналы³. Откуда такое разнообразие?

Во-первых, появились различные политические партии. И каждая из них должна была иметь собственный печатный орган, благодаря которому можно озвучивать свою платформу и вести диалог с электоратом.

Во-вторых, появились товары и услуги, которые можно и нужно было продвигать. В условиях монополии государства в экономической сфере, то есть государственной собственности всех предприятий, реклама была совершенно не актуальна. Рыночная экономика благоприятствует ее расцвету. Рекламные ролики отечественного производства достаточно быстро приобретают вполне приличное качество и начинают успешно конкурировать с западными образцами.

Число телевизионных каналов резко возрастает. В конце 1980-х годов появляется первая коммерческая телекомпания.

Сейчас количество разнообразных каналов ТВ (включая интернет-телевидение) огромно. Это каналы информационные и криминальные, музыкальные и анимационные, мужские и женские, футбольные и теннисные, для детей или только для взрослых, для рыболовов и автомобилистов и проч., и проч. По статистике, на данный момент функционирует более 200 эфирных каналов ТВ, из которых порядка 60 являются общегосударственными, а также около 500 операторов кабельного телевидения.

В соответствии с имеющейся концепцией каждый канал стремится максимально расширить свою целевую аудиторию, привлекая все новых зрителей. Нельзя сказать, что качество при этом не страдает, а вкус, который прививается публике, можно охарактеризовать как безупречный. Зато по числу рекламных роликов можно примерно определить, насколько дорог стал канал сердцам target group⁴.

Средства массовой информации России изменились за последнее десятилетие достаточно основательно. В основе этого лежат два фактора: во-первых, непосредственно трансформация общества, которая уже зашла достаточно далеко, переход с советского на российский тип, во-вторых, развитие мира технологий, повлекшее за собой изменения не только в России, но и в остальном мире.

Ушла в прошлое КПСС, определявшая основные параметры советской печати, и вместе с ней исчезло подавляющее большинство партийных изданий, на базе которых возникли независимые газеты журналистских коллективов. В связи с новым государственным устройством изменилась система управления СМИ, которая также влияет на «типы» печатных изданий. Есть ряд устойчивых изданий, которые и раньше входили в структуру центральной прессы, такие как «Труд», «Комсомольская правда», «Известия». Теперь они независимы, но их тиражи по России стали меньше в разы, если сравнивать с советской эпохой и началом 1990-х. Изменилась конкурентная среда, изменился сам тип центральной газеты.

Следует отметить и владельцев издательских домов. Газеты и журналы, которые получили независимость от общей системы, недолго управлялись инициативными журналистскими коллективами и вскоре были куплены различными коммерческими организациями и бизнесменами. Зачастую с ними связаны имена и фамилии таких медиамагнатов, как Борис Березовский, Владимир Гусинский, Бадри Патаркацишвили, Владимир Потанин,

Алишер Усманов, Михаил Прохоров. Пришла эпоха коммерческих изданий.

Появились новые виды прессы – финансовая, деловая и бульварная. Таким образом, оформлялось новое деление прессы, которого не было в СССР или было обозначено пунктирно: пресса элитарная, прежде всего финансово-экономическая и деловая, и остальная, массовая, которая превратилась по существу в бульварную. В нынешнее время есть различная периодика изданий: ежедневная, еженедельная, два раза в месяц, ежемесячная и ежеквартальная, по сегментам – общественно-политическая, деловая, развлекательная, «независимая», религиозная и другие.

Все эти изменения не во всем совпадают с теми, которые произошли в остальном мире. В большинстве стран уменьшается влияние массовой, «бульварной», прессы, во всяком случае «бульварной» ежедневной газеты. Все больше и больше внимания уделяется газетам, которые рассчитаны на людей различных возрастных категорий и гендерной принадлежности с высшим образованием и доходом выше среднего. В связи с этим вперед выходят «Коммерсантъ», «РБК-daily», «Ведомости» и «Известия», которые относятся к сегменту деловой прессы. Данные трансформации в первую очередь связаны с несколькими факторами, и прежде всего с изменением социального статуса, образования, материального положения многих социальных групп, например, «белые воротнички» или западные white collars и в России, и на Западе предпочитают авторитетные источники. Их предпочтения также разделяют владельцы бизнеса, руководители и специалисты. Деловая пресса в свою очередь также меняется, изменяя круг освящаемых тем, рубрик: наряду с привычными разделами, посвященными искусству, печатаются материалы о новинках моды, последних культурных мероприятиях, о возможности приобретения произведений искусства, которые могли бы представлять интерес для обеспеченных слоев читателей, специально коротко преподносятся новости о спорте, музыке, телевидении и кино.

Эти же тенденции касаются и российских изданий. Сейчас Россия переживает бум деловой прессы. Это происходит не только с газетами, но и с журналами. Если раньше можно было насчитать 1–2 издания, то сейчас многие знают лидеров: «Власть», «Деньги», «Профиль», «Итоги», «Русский репортер», «Секрет фирмы», «РБК», «Forbes». Некоторые по своему уровню уже приближаются к журналам, выпускающимся на Западе. Первой попыталась занять нишу элитарной прессы газета «Коммерсантъ», но она не сумела

объединить вокруг себя читателей из кругов финансовой элиты и стала газетой более массовой, рассчитанной в том числе и на тех, кто просто интересуется финансовыми вопросами. Впоследствии в этот сегмент после определенных манипуляций с целевой аудиторией вошли «РБК-daily», «Ведомости», «Известия», чья аудитория одного номера (AIR), как правило, превышает 100 000 человек, лояльная аудитория (loyal) и полугодовая (half-year) также имеют высокие показатели⁵.

СМИ в Интернете. В Советском Союзе первыми начали пользоваться Интернетом сотрудники ГНЦ ИТЭФ (Государственного научного центра Института теоретической и экспериментальной физики) и отделения ядерной физики ФИАН РАН (Физический институт РАН) в 1988 г. В 1990 г. они получили доступ к электронной почте, обеспеченной первым в стране провайдером. Быстродействие системы было таково, что спустя пять минут после «отправки» можно было еще отредактировать или аннулировать сообщение в буфере машины.

В 1991 г. в связи с обращениями Б.Н. Ельцина рассылка текстов осуществлялась также при помощи e-mail. Первый www-сервер появился в 1992 г. А уже в 1994 г. российские коммерческие и научные сети имели широкий доступ к сети Европы и США. Первая конференция по поводу всемирной паутины среди стран СНГ состоялась в Подмоскowie, в Голицыно, в 1994 г.⁶.

В России с каждым годом становится все больше и больше подключений к Интернету, за счет чего страна, несмотря на свои масштабы, динамично входит в эпоху информатизации. Интернет-паутина уже позволила многим печатным изданиям завоевать аудиторию не только на бумажных страницах. В целом темпы развития Интернета в России очень высокие. Так, например, по объемам рекламы в Интернете в 2008 г. можно проследить прирост на 90%⁷. Такая тенденция сохранялась и в 2011 и 2012 гг., а по прогнозам, связанным с развитием рекламного рынка в Интернете, еще будет присутствовать и в ближайшее время. Ресурсы Интернета – открытое информационное пространство. Интернет заставляет взглянуть на размещение рекламы по-новому: новые виды размещения, новые типы рекламной продукции и другое.

Всемирная паутина дает возможность газетам и журналам выходить не только на бумаге, но и в электронном формате. Помимо этого, практически у каждого издательского дома есть приложения к их периодическим изданиям в Apple iOS, Symbian OS,

Android, Windows Phone и других для мобильных аппаратов и планшетов.

Также важную роль в российском электронном информационном пространстве играют не только интернет-версии периодических изданий, но и другие, которые существуют только в сети, как, например, Gazeta.ru, которая входит в тройку самых популярных новостных ресурсов российской сети⁸.

Выводы. Таким образом, сравнивая СМИ советского периода с их современными аналогами, мы можем констатировать следующее:

- В СССР абсолютно все средства массовой информации принадлежали государству. В современной России существуют как государственные, так и частично государственные, а также независимые медиа.
- В СССР практически полностью отсутствовала конкуренция: каждому СМИ была отведена определенная ниша. Сейчас конкуренция, бесспорно, присутствует, что заставляет постоянно совершенствовать методы привлечения и удержания аудитории, разрабатывая новые маркетинговые стратегии.
- Число периодических печатных изданий, информационных агентств, радиостанций и телевизионных каналов значительно возросло, но тиражи стали меньше.
- Массмедиа в современной России нацелены на различные целевые аудитории (по совокупности факторов, включающих гендерные признаки, возраст, образование, уровень доходов, интересы и т. д.).
- В СССР основной функцией СМИ являлось идеологическое воздействие на граждан страны. В современных условиях массмедиа самым тесным образом взаимодействуют с потребительским рынком.

Примечания

- ¹ См.: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1992–2008 гг. [Электронный ресурс] // Росстат. URL: http://www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls (дата обращения: 15.10.2012).
- ² Годовой тираж журналов и других периодических изданий [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi?pl=2350028> (дата обращения: 15.10.2012).

- ³ См.: Российский рынок периодической печати. Состояние, тенденции и перспективы развития: Доклад / Под общ. ред. В.В. Григорьева. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2009. С. 17.
- ⁴ Target group – целевая группа, используется, как правило, в маркетинге и рекламе, обозначает группу людей, объединенную общим набором признаков.
- ⁵ На основе данных: TNS – Media. Базы данных: NRS – Россия, Москва. Закрытый доступ.
- ⁶ См.: Интернет в России (Отечественные записки. 2003. № 4(13)) [Электронный ресурс] // Отечественные записки. <http://www.strana-oz.ru/2003/4/internet-v-rossii> (дата обращения: 17.09.2012).
- ⁷ На основе данных: Акар (данные с Видео-Интернешнл), Zenith Optimedia. Закрытый доступ.
- ⁸ См.: Top Sites in Russia // Alexa. URL: <http://www.alexa.com/topsites/countries;0/RU> (дата обращения: 17.09.2012).

И.В. Воробьева

ПАРАДОКСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматриваются особенности реализации положений Болонского процесса в отечественной системе высшего профессионального образования. Автором предпринимается попытка анализа того, насколько принципы, заложенные в основу Болонской системы, находят свою реализацию в российском образовательном пространстве.

Ключевые слова: высшее профессиональное образования, образование, Болонский процесс.

В конце прошлого века Болонская система образования стала своеобразной реакцией на происходящие в мире процессы глобализации. Сложившееся в европейском обществе единое экономическое, финансовое и политическое пространство требовало такого же единства и в образовательной сфере. Современные интеграционные процессы сделали образование не только фактором, влияющим на экономическое развитие страны, но и эффективной технологией международного общения.

На сегодняшний день в качестве ключевых направлений развития Болонского процесса выделяют следующие:

- принятие системы легко понимаемых и сопоставимых степеней;
- принятие системы, основанной на двух циклах обучения – постепенного и послестепенного (undergraduate & graduate studies);
- учреждение системы кредитов (обеспечивает перезачетную и накопительную функции, используется в приложении к диплому (Diploma Supplement));

- содействие мобильности (устранение препятствий для свободного передвижения студентов, преподавателей, исследователей и управленцев);
- содействие европейскому сотрудничеству в обеспечении качества (ENQA и установление общих норм принятия рекомендаций и распространения лучшей практики);
- содействие европейскому подходу к высшему образованию (развитие учебных модулей, курсов и программ, ведущих к совместному признанию степеней);
- содействие в организации обучения в течение всей жизни (lifelong learning)¹.

Россия подписала Болонскую декларацию в сентябре 2003 г., а полностью включилась в данную систему в 2010 г. И, казалось, такое включение только способствует взаимной интеграции российских и зарубежных образовательных программ. Между тем высказывается много различных мнений относительно необходимости и характера участия России в Болонской системе. Реализация основных принципов и направлений Болонской декларации в российском образовательном пространстве происходит с большими сложностями и поправками на существующие реалии. Неоднозначно отношение к Болонскому процессу не только в России, но и у наших европейских коллег, особенно когда речь идет о деталях реализации этого процесса.

На первый взгляд все положения Болонской декларации выглядят привлекательно. В ней находят отражение такие актуальные требования, как практикоориентированная направленность обучения, свобода выбора личной образовательной траектории, академическая мобильность студентов и преподавателей и т. д. В то же время в действительности эти плюсы становятся минусами из-за сложностей их реализации, отсутствия технологии их практического воплощения, несоответствия реалиям. Таким образом, получается, что многие положения в теории смотрятся неплохо, а на практике мы имеем дело с формальным воплощением заявленных идей, которые остаются удачными только на бумаге.

Рассмотрим некоторые положения более подробно.

1. Принятие системы легко понимаемых и сопоставимых степеней.

На деле для многих в России (в первую очередь для работодателей) совершенно не понятно, кто такой «бакалавр». Как показал опрос, проведенный Исследовательским центром рекрутингового портала SuperJob.ru среди 1000 представителей отечественных организаций и предприятий, компании не придают большого значе-

ния типу диплома, гораздо важнее персональные качества соискателя. Между тем 35% работодателей приравнивают кандидатов со степенью бакалавра к претендентам, имеющим неполное высшее образование. Некоторые респонденты высказывались куда более резко, утверждая, что «бакалавр – это недоделанный специалист». Наравне с претендентами, имеющими среднее специальное образование, рассматривают бакалавров 8% представителей компаний. «Смотрю на вуз, выдавший диплом. Провожу усиленную проверку»; «Предпочитаем специалистов, закончивших магистратуру, хотя все относительно...» – комментируют они. 13% россиян полагают, что бакалавриат – это практически то же самое, что и среднее специальное образование: «И даже ниже, так как в колледжах профессиональная подготовка выше, чем в вузе. А бакалавр, кроме умения учиться и общих знаний, никакой профессиональной подготовки не получает»; «Получить полное представление о профессии за 3–4 года студент не сможет. Как и не сможет за этот короткий промежуток времени освоить все дисциплины, входящие в процесс обучения»².

Не исключено, что недоверие к бакалавриату как виду полноценного высшего образования со временем пройдет и бакалавры станут привычной образовательной ступенью. Однако на сегодняшний день ситуация с принятием системы легко понимаемых и сопоставимых степеней остается неоднозначной и порождает много вопросов: Всем ли стоит идти в магистратуру? В чем коренное отличие среднего профессионального образования от бакалавриата? Как соотносятся между собой степени магистра и кандидата наук? Что происходит с докторской ученой степенью и каков ее западный аналог? Получается, что на данный момент в России существуют две разные образовательные «лестницы», которые не просто плохо согласовываются между собой, но и вызывают непонимание у населения.

2. Принятие системы, основанной на двух циклах обучения – до-степенного и послестепенного (undergraduate & graduate studies)

Современная двухуровневая образовательная система высшего профессионального образования построена таким образом, что первые четыре года студент учится на степень бакалавра, а следующие два – на степень магистра. Получив диплом бакалавра, можно пойти в магистратуру другого направления, что, казалось бы, является преимуществом. На деле вузы не совсем понимают, что делать с магистрами непрофильной подготовки. Одно дело, когда в магистратуру поступают собственные студенты, прошедшие четырехлетний курс

подготовки, другое дело – студенты других направлений. В этом случае, помимо получения глубоких научных знаний в выбранной сфере, процесс обучения должен быть направлен на преодоление отставания и изучения основ. Может ли студент за два года в достаточной мере овладеть новым направлением подготовки – большой вопрос. Для сравнения: при системе специалитета второе высшее образование, за редким исключением, длится три года.

3. *Учреждение системы кредитов (обеспечивает перезачетную и накопительную функции, используется в приложении к диплому (Diploma Supplement))*

Принципы Болонской системы предполагают, что студент должен набрать за год определенное количество кредитов. Каждая учебная дисциплина имеет свою стоимость в кредитах, а студенты имеют право выбирать, во-первых, набор дисциплин, из которых сложится необходимая сумма кредитов за год, а во-вторых, место, где они эту дисциплину будут изучать.

В российской практике набор необходимого количества кредитов, исходя из самоопределения студента, происходит не так гладко. На сегодняшний день в большинстве образовательных стандартов, в том числе у социологов, 30% дисциплин являются обязательными к изучению, 70% студент имеет право выбирать самостоятельно. Однако сложившаяся годами система расписания, необходимого для открытия курса, количество человек в учебной группе и т. д. не оставляют студенту большого выбора (если посмотреть на западных студентов, у них нет стабильной группы как таковой, так как каждый семестр студенты выбирают разные дисциплины). Чаще всего речь идет о выборе 2–3 образовательных траекторий, в рамках которых студент получает набор дисциплин «пакетом». Российская система, в отличие от европейской, не предполагает сокращения или удлинения сроков обучения или овладения дисциплинами в удобной для студента последовательности.

Нелишним будет сказать и о том, что принципы Болонской системы предполагают сокращение аудиторной нагрузки студента в пользу увеличения времени на самостоятельную работу. На первый взгляд, это хорошо: демонстрируется доверие к студенту, поощряется его активность. В реальности нет никакой гарантии, что студент сможет качественно и продуктивно самообразовываться. Преподаватели высшей школы, анализируя сегодняшний контингент студентов, все чаще говорят об их неспособности к самостоятельной работе, низком уровне самоорганизации, недостаточном уровне школьной подготовки.

4. Содействие мобильности: устранение препятствий для свободного передвижения студентов, преподавателей, исследователей и управленцев

Одним из самых положительных моментов включения России в Болонский процесс должна стать универсальность систем образования и, как следствие, развитие образовательной мобильности студентов и преподавателей. Принципы Болонской системы предполагают, что студент может набирать кредиты в разных вузах как внутри страны, так и за ее пределами. В российской реальности технология перезачета дисциплин, изученных в других вузах, отработана не до конца. Затруднен и перевод студентов внутри страны из вуза в вуз в рамках одной образовательной программы. В новых образовательных стандартах существует только перечень обязательных для изучения дисциплин (федеральный компонент), а количество кредитов по этим дисциплинам в каждом учебном заведении может быть разным. Ряд вузов ведут подготовку по собственным образовательным стандартам. Таким образом, многовариативность образовательных программ, недостаточная проработанность системы перезачета учебных дисциплин не облегчают, а усложняют академическую мобильность.

Еще один важный аспект: логичным продолжением единого образовательного пространства должно стать создание единого пространства для трудоустройства выпускников. Другими словами, закончив вуз, студент должен получить диплом, который принимается работодателями в любой стране, подписавшей Болонскую декларацию. Между тем международное признание российских дипломов (за исключением нескольких вузов) находится под большим сомнением.

Вхождение России в Болонский процесс помимо вопросов, связанных со сложностями реорганизации системы высшего образования, ставит и вопрос внутреннего содержания образовательных программ, качества образования в целом. Традиционное отечественное образование при всей его фундаментальности часто критиковали за нехватку у выпускников практических умений. Сторонники Болонского процесса говорят о том, что компетентный подход акцентирует свое внимание именно на возможностях и технологиях применения знаний на практике. В системе подготовки бакалавров акцент должен ставиться именно на прикладных деятельных навыках. Однако тут же возникает вопрос, не приведет ли такая прикладная подготовка к снижению общего уровня высшего образования, когда выпускник, овладевая некоторым набором уме-

ний, полностью лишен фундаментальных академических знаний. А говоря о компетенциях и компетентностном подходе как о преимуществе новой образовательной системы, до конца не проясняется: в чем принципиальное отличие «компетенции» от существовавшей ранее цепочки «знания–умения–навыки», как рассматривать и оценивать разные уровни развития компетенций, каков максимальный и минимальный уровень компетентностного развития выпускника?

Главным, конечно, остается вопрос: что привнесла Болонская система в российское образование кроме сокращения сроков обучения и ведения двухуровневой системы? Поменяется ли (и в какую сторону) качественное содержание образования? На сегодняшний день мы можем наблюдать, что большинство вузов вместо введения новых программ попытались имеющийся опыт подготовки специалистов раскидать на предложенную двухуровневую модель.

Безусловно, критика Болонского процесса ожидаема, как и критика большинства нововведений. Говоря о перспективах развития высшего образования, многие специалисты-исследователи согласны с тем, что Болонский процесс продолжит реализацию в российских вузах, но «на свой манер», а также с тем, что на это потребуются намного больше времени, чем европейским вузам, в особенности, если рассматривать региональные университеты. Между тем десятилетняя история Болонского процесса в России показывает определенную эволюцию в формировании опыта восприятия, опыта применения, опыта рефлексии «болонского инструментария».

Примечания

- ¹ *Кислицын К.Н.* Болонский процесс как проект для Европы и для России [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/> (дата обращения: 10.09.2012).
- ² См. подробнее: 43% работодателей бакалавров от магистров не отличает [Электронный ресурс] // Super Job. URL: <http://www.superjob.ru/research/news/1270/> (дата обращения: 10.09.2012).

Н.И. Белова

ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В РАМКАХ ИНСТИТУТА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, ПРОБЛЕМЫ

Одной из стратегических целей государственной социальной политики является создание условий, ориентирующих граждан на здоровый образ жизни (ЗОЖ). В статье рассматриваются результаты двухгодичного мониторинга деятельности центров здоровья г. Москвы, описываются основные проблемы и противоречия в осуществлении мероприятий по формированию здорового образа жизни населения.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, здравоохранение, центры здоровья.

Здоровье населения является безусловной общественной ценностью, основой национального богатства и национальной безопасности любой страны. Общественное здоровье является социальным феноменом и определяется состоянием индивидуально-го здоровья, именно поэтому все большую актуальность приобретает проблема ответственности человека за свою жизнь и здоровье.

На уровень здоровья, точнее будет сказать, на качество здоровья влияет огромное множество факторов. Проблема факторов, определяющих состояние здоровья населения, стала актуальной в нашей стране еще в начале прошлого века. Была разработана и предложена концепция факторов риска, к которым относятся наследственные, социально-экономические, экологические и деятельность системы здравоохранения. По данным ВОЗ здоровье лишь на 10–15% связано с последним фактором, на 15–20% обусловлено генетическими факторами, на 25% его определяют экологические условия и на 50–55% – условия и образ жизни человека. Ежегодно во всем

мире от неинфекционных заболеваний, т.е. заболеваний, обусловленных образом жизни, умирают 37,8 млн человек¹. Таким образом, очевидно, что первостепенная роль в сохранении и формировании здоровья все же принадлежит самому человеку, его образу жизни, его ценностям, установкам, степени гармонизации его внутреннего мира и отношений с окружением. Концентрированным выражением взаимосвязи и положительного взаимовлияния образа жизни и здоровья населения является понятие «здоровый образ жизни».

Необходимо отметить, что в настоящее время в науке нет общепринятого (универсального) термина, который позволил бы однозначно охарактеризовать образ жизни, направленный на сохранение и укрепление здоровья индивида. Так, например, в западной науке чаще всего используются следующие понятия: «поведение, связанное со здоровьем» (health-related behavior), «здоровое поведение» (health behavior)², «здоровый стиль жизни» (health lifestyles)³. В свою очередь отечественные исследователи применяют термины: «здоровый образ жизни»⁴, «здоровьесберегающее поведение»⁵, «самосохранительное поведение»⁶, «здоровьесохранительное поведение»⁷, «витальное поведение»⁸.

Несмотря на многообразие имеющихся понятий, все трактовки можно свести к следующему: *это индивидуальная система поведения человека, позволяющая ему не только сохранить здоровье, обеспечить физическое, духовное и социальное благополучие, но и увеличить собственные физические и социальные ресурсы*. При этом, говоря о физических и социальных ресурсах, необходимо уточнить, что в данном случае мы подразумеваем то, что по содержанию соответствует словесному конструкту «человеческий ресурс – человеческий капитал».

Результаты исследований последних лет свидетельствуют об изменении роли человеческого капитала, расширении его структуры и функций, превращении его из затратного фактора в основной производительный и социальный фактор развития и функционирования современного общества. Так, в рамках новой парадигмы развития стран и мирового сообщества человеческий капитал занял ведущее место в национальном богатстве (до 80% в развитых странах) и в совокупном производительном капитале⁹. Таким образом, человеческий капитал для инвестиций является стратегическим приоритетом и основополагающим фактором экономического роста любой страны. По данным Мирового банка, основанным на изучении экономик 192 стран, только 16% экономического роста обусловлены физическим капиталом, 20% – природным капита-

лом, а 64% – человеческим капиталом. Отметим, что в России 15% роста ВВП достигается за счет человеческого капитала, а 85% за счет природного (который преобладает) и воспроизводимого капиталов¹⁰. Таким образом, «здоровье» все больше становится сферой взаимных интересов и взаимной ответственности государства, общества и личности, где интересы и ответственность личности имеют решающее значение.

Однако результаты исследований, посвященных изучению здоровья и здорового образа жизни россиян, свидетельствуют о наличии ряда противоречий. Основное из них заключается в следующем: здоровый образ жизни, с одной стороны, декларируется как социальная ценность, его формирование является насущной потребностью, гарантией сохранения и укрепления здоровья индивида, но, с другой стороны, среди населения нашей страны наблюдается превалирование видов поведения, разрушающих здоровье. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), россияне понимают, что здоровье зависит от того, какой образ жизни ведет человек, от тех усилий, которые он предпринимает по сохранению здоровья. Но половина населения страны ничего не делает, чтобы сохранить здоровье и избежать болезней. Более трети (41%) россиян считают, что «в плохом состоянии своего здоровья виноваты мы сами», однако каждый пятый (21%) житель страны до сих пор считает, что за плохое здоровье ответственны медицинские работники, а шестая часть (15%) респондентов возлагает ответственность за свое здоровье на государство¹¹.

Необходимо отметить, что государство не снимает с себя ответственность не только за охрану здоровья граждан, но и за формирование здорового образа жизни. Признается, что профилактическое звено до настоящего времени, несмотря на принятые нормативные правовые акты, не представляет собой единую систему и что недостаточно внимания уделяется организации и проведению мероприятий по первичной и вторичной профилактике социальнозначимых заболеваний и укреплению здоровья населения¹². С 2009 года Министерство здравоохранения и социального развития реализует программу «Здоровая Россия», главная цель которой – формирование бережного отношения к здоровью граждан, основанного на принципе ведения здорового образа жизни.

В рамках института здравоохранения созданы и функционируют специализированные учреждения (центры здоровья), призванные осуществлять мероприятия по формированию ЗОЖ у граждан

Российской Федерации. Основные требования к организации деятельности таких центров прописаны в приказе Минздравсоцразвития РФ «Об организации деятельности центров здоровья по формированию здорового образа жизни у граждан Российской Федерации, включая сокращение потребления алкоголя и табака»¹³.

В вышеназванном документе зафиксированы основные задачи центра, к которым относятся:

- формирование у граждан ответственного отношения к своему здоровью и здоровью своих близких;
- мотивирование их к отказу от вредных привычек, в том числе помощь по отказу от потребления алкоголя и табака;
- консультирование по сохранению и укреплению здоровья, включая рекомендации по коррекции питания, двигательной активности, занятиям физкультурой и спортом, режиму сна, условиям быта, труда (учебы) и отдыха; организация «школ здоровья».

Важно понимать, что центры здоровья рассчитаны на здорового человека, и их основной задачей является повышение уровня знаний, информированности и практических навыков по ведению здорового образа жизни. По мнению бывшего министра Т. Голиковой «...центры здоровья будут служить инфраструктурой для ведения здорового образа жизни. В эти центры можно будет обратиться за консультацией, пройти первичную диагностику на факторы риска и получить рекомендации по ведению здорового образа жизни»¹⁴.

Таким образом, в центре здоровья представлена совокупность средств и методов индивидуального и группового воздействия на граждан, направленных на повышение уровня их знаний, информированности и практических навыков, приверженности к профилактике заболеваний, соблюдению рекомендаций врача для повышения качества жизни, продления жизни, сохранения и восстановления трудоспособности и активного долголетия¹⁵. То есть именно на сотрудников центров здоровья возлагается обязанность по формированию основных аспектов здорового образа жизни граждан.

С целью анализа эффективности деятельности центров здоровья г. Москвы по информированию населения, в том числе студенческой молодежи, о здоровом образе жизни нами был осуществлен двухгодичный мониторинг (2011–2012 гг.) в виде «кейс-стади» (case-study), включающего наблюдение и ролевое интервью¹⁶. При проведении наблюдения фиксировался ряд основных критериев, позволяющих определить, насколько четко организована работа

центра по формированию здорового образа жизни москвичей. В период проведения исследования (март–май 2011 и 2012 г.) в Москве функционировало 50 центров здоровья¹⁷, из них в 2011 году были охвачены наблюдением 45 центров, а в 2012 г. – 47¹⁸.

Проведенное исследование позволило выявить ряд противоречий в деятельности центров здоровья.

1. Большинство центров здоровья функционируют на базе амбулаторно-поликлинических учреждений, при этом информация об их месторасположении, основных направлениях деятельности, режиме работы отсутствует либо располагается в малодоступных и малопривлекательных местах. Наблюдается крайне низкий уровень информированности жителей районов о существовании таких центров.

2. Реальные часы работы центров не соответствуют официальному графику (08.00–20.00). Кроме того, режим работы центров не позволяет работающему населению их посещать.

3. Несмотря на то, что центры ориентированы на предоставление услуг «практически здоровым индивидам» (т. е. на трудоспособную часть населения, которая не испытывает проблем со здоровьем и нуждается в консультационной помощи по вопросам ведения здорового образа жизни), большинством потребителей услуг центров являются пожилые люди с проблемами здоровья.

4. Абсолютное большинство центров имеют наглядную информацию в виде стендов, однако содержание информации об основных аспектах ЗОЖ изложено через призму нездорового образа жизни (например, «Типы ожирения и их осложнения»).

5. Отдельные центры ограничивают свою деятельность лишь диагностическими процедурами, не давая никаких рекомендаций по ведению ЗОЖ. Индивидуальные программы ЗОЖ не разрабатываются. Это свидетельствует о том, что центры здоровья, по сути, дублируют диагностическую функцию, осуществляемую другими структурами амбулаторно-поликлинических учреждений, при этом не осуществляют свою основную функцию – профилактическую.

6. В большинстве центров функционируют «школы болезней», а не «школы здоровья». Чаще всего встречаются следующие названия школ: артериальная гипертензия; сахарный диабет; бронхиальная астма; заболевания костно-мышечной системы; никотиновая зависимость; «Лестница трезвости».

7. В центрах отсутствуют единые стандарты по вопросам записи пациентов, функционирования «школ здоровья», выработки рекомендаций по ведению здорового образа жизни.

Таким образом, имеющиеся специализированные структурные подразделения – центры здоровья – не справляются с своей основной функцией, связанной с формированием здорового образа жизни населения. Реалии сегодняшнего дня свидетельствуют, что без введения более четких критериев при оценке аспектов здорового образа жизни, разумных и адекватных рекомендаций по ведению ЗОЖ невозможно осуществление мероприятий по формированию ЗОЖ. Необходимо отметить, что утвержденная Государственная программа города Москвы «Развитие здравоохранения города Москвы (Столичное здравоохранение на 2012–2016 годы)»¹⁹, содержащая подпрограмму «Здоровый образ жизни», подчеркивает еще раз необходимость формирования у населения Москвы культуры здоровья и повышения мотивации к сохранению своего здоровья. Однако данная подпрограмма имеет самое низкое финансирование (1 602 755 руб. на 2012–2016 гг.), что еще раз свидетельствует о слабой заинтересованности государства в проблеме формирования ЗОЖ.

Примечания

- ¹ *Чен М.* (глава ВОЗ). Первая глобальная министерская конференция по здоровому образу жизни и неинфекционными заболеваниями. Приветственная речь. [Электронный ресурс] // Эпидемиолог.ру. URL: http://www.epidemiolog.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=910275.
- ² Health-Related Behavior [Электронный ресурс] Answers // <http://www.answers.com/topic/health-related-behavior>.
- ³ *Бурмыкина О.Н.* Гендерные различия в практиках здоровья: подходы к объяснению и эмпирический анализ // Журнал исследований социальной политики. 2006. № 2. С. 101–119.
- ⁴ *Альбицкий В.Ю.* Здоровьесберегающее поведение подростков // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2010. № 2.
- ⁵ *Белюсов В.К.* Цели-ценности и медико-социальные параметры здоровьесберегающего поведения молодежи. Волгоград, 2008.
- ⁶ *Журавлева И.В.* Самосохранительное поведение подростков и заболевания, передающиеся половым путем. [Электронный ресурс] // Институт социологии Российской академии наук. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/05-2000/Zhuravleva.pdf>.
- ⁷ *Альбицкий В.Ю.* Указ. соч.
- ⁸ *Журавлева И.В.* Указ. соч.
- ⁹ *Корчагин Ю.А.* Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации?: Монография. Воронеж: ЦИРЭ, 2005. С. 252.

- ¹⁰ *Ложко В.В.* К разработке программы долгосрочного социально-экономического развития России: проблемы энергетики. [Электронный ресурс] // Проблемы современной экономики. 2008. № 3 (27). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2052>.
- ¹¹ «Наше здоровье – в наших руках». Пресс-выпуск № 1196. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ, проведен 4–5 апреля 2009 г. Опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах 42 областей, краев и республик России. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=11701>.
- ¹² Министр Татьяна Голикова провела Всероссийское совещание по вопросам организации работы центров здоровья. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=12527>.
- ¹³ Приказ Минздравсоцразвития России «Об организации деятельности центров здоровья по формированию здорового образа жизни у граждан Российской Федерации, включая сокращение потребления алкоголя и табака» № 597н от 19 августа 2009 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации. URL: <http://www.minzdravsoc.ru/docs/mzsr/orders/930>.
- ¹⁴ *Голикова Т.* Центры здоровья будут служить инфраструктурой для ведения здорового образа жизни. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации. URL: <http://www.minzdravsoc.ru/health/zozh/5>.
- ¹⁵ См.: Министр Татьяна Голикова провела Всероссийское совещание по вопросам организации работы центров здоровья.
- ¹⁶ Исследование проводилось при участии студентов социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета.
- ¹⁷ Перечень центров здоровья г. Москвы [Электронный ресурс] // Здоровая Россия. URL: http://www.takzdorovo.ru/db/healthcenter/search/index/?q_category=RU.MosObl.Moscow&q=
- ¹⁸ Распределение исследуемых центров по округам: в 2011 г. ЦАО – 3 (2); САО – 5; СВАО – 5 (4); СЗАО – 3 (2); ЗАО – 7; ЮЗАО – 6 (5); ЮВАО – 6; ЮАО – 7; ВАО – 7 (6); ЗелАО – 1 (0). В 2012 г. ЦАО – 3 (2); САО – 5; СВАО – 5; СЗАО – 3; ЗАО – 7; ЮЗАО – 6; ЮВАО – 6; ЮАО – 7 (6); ВАО – 7 (6); ЗелАО – 1.
- ¹⁹ Постановление правительства Москвы «Об утверждении перечня первоочередных государственных программ города Москвы» от 2 февраля 2011 г. № 23-ПП. Государственная программа города Москвы «Столичное здравоохранение» на 2012–2016 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Департамента здравоохранения города Москвы. URL: http://www.mosgorzdrav.ru/mgz/komzdravsite.nsf/va_WebPages/page_00003190_prog?OpenDocument.

С.М. Тищенко

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЮАР В ГЛОБАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТАХ

На основе данных проекта «Мировые ценности» и личных интервью автора, проведенных в 2010 г. в ЮАР, дается комплексный анализ базовых ценностей населения Южно-Африканской Республики (ЮАР) с учетом цивилизационных и региональных различий. Выявленные базовые религиозные, семейные и трудовые ценности рассматриваются с позиций их деформаций, отчасти сохранения традиционных представлений населения, а также с учетом высоких темпов экономического развития и вхождения ЮАР в группу наиболее быстро развивающихся крупных стран мира БРИКС.

Ключевые слова: население Южно-Африканской Республики (ЮАР), базовые ценностные ориентации, семейные ценности, религиозные ценности, трудовые ценности, кросскультурный анализ, межкультурные коммуникации.

...Традиционные культуры в своих основных аспектах враждебны экономической современности. Только когда последняя была привнесена извне... в них началось капиталистическое развитие. Конфронтация с технологической и социальной мощью Запада заставила эти общества расстаться со многими ключевыми элементами своих культур¹.

Ф. Фукуяма

Ценностные ориентации любой культуры рассматриваются как сложные, иерархически структурированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления, и зависят от культуры каждого общества,

тенденций определенных периодов в его истории². Они представляют собой упорядоченные по структуре относительной важности понятия или представления, соотносящиеся с желаемым состоянием или поведением, тем самым влияя на происходящее, управляя выбором или оценкой людей, поведением и событиями³.

Южно-Африканская Республика – социокультурный регион, своеобразии которого обусловлено сочетанием традиционных культур и верований, мировых религий и современных глобализационных тенденций. Этнографическое и культурное многообразие ЮАР впечатляет: в этой стране проживают носители разнообразных языковых и культурных традиций (законодательно утверждены 11 государственных языков). Межкультурные взаимодействия являются составной частью обыденной жизни большинства населения страны.

Местные общества сохраняют многие уникальные традиционные черты культуры: почитание старших и предков, высокую рождаемость, значительный процент деревенского населения, занимающегося сельским хозяйством.

Начиная с колониального периода наблюдаются масштабные трансформации в политической, социально-экономической, технической и культурной сферах, которые коренным образом меняют жизнь народов ЮАР. Модернизационные процессы принесли неоднозначные плоды: с одной стороны, позволили достичь заметного роста уровня жизни, а с другой – обернулись ростом нищеты и значительными социополитическими проблемами, порой переходящими в демодернизацию за счет высокого прироста мигрантов из других стран.

В настоящее время многие страны Африки стараются активно привлекать инвесторов с других континентов, что, несомненно, ведет к изменениям культурных ценностей. ЮАР активнее других стран Африки вовлекается в международную деятельность. В 2011 г. ЮАР стала новым членом группы наиболее развивающихся крупных стран мира – БРИК, куда уже вошли Бразилия, Россия, Индия и Китай. В ноябре 2010 г., после вступления ЮАР, эта группа была переименована в БРИКС.

С каждым годом скорость происходящих перемен возрастает настолько, что возникает необходимость в постоянном контроле и анализе изменений существующих ценностей, а также зарождения новых форм культуры.

Для определения ключевых ценностных ориентаций населения ЮАР в региональном и глобальном сопоставлении и для более глу-

бокого изучения и понимания ключевых ценностных ориентаций в статье использованы следующие источники.

1. Вторичный анализ данных систематического международного исследования «Мировые ценности»⁴, в рамках которого был проведен сбор данных по ценностным ориентациям населения более чем в 80 странах мира. Исследование проводилось по репрезентативной выборке (в некоторых случаях по стратифицированной выборке; 1000–2000 чел.) для каждой из стран-участниц методом стандартизированного интервью (см. табл.).

Группа 1	ЮАР (2008 г.)
Группа 2	Волна 1999–2001 гг.: Уганда, Нигерия, Зимбабве, Танзания; волна 2005–2008 гг.: Замбия, Руанда, Эфиопия, Мали, Буркина-Фасо*
Группа 3	Волна 1999–2001 гг.: Алжир, Египет, Иордания, Иран, Марокко, Пакистан, Турция; Индия; Китай; Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Доминиканская Республика, Колумбия, Мексика, Перу, Пуэрто-Рико, Сальвадор, Уругвай, Чили; Азербайджан, Албания, Армения, Беларусь, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Грузия, Латвия, Литва, Польша, Республика Македония, Республика Молдова, Российская Федерация, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Черногория, Чешская Республика, Эстония; Австралия, Австрия, Англия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, Северная Ирландия, США, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция.

* Страны, объединенные в группу 2 культурно, исторически и географически близки друг к другу, что позволяет рассматривать их среднестатистические показатели и сравнивать их с другими группами стран, принявшими участие в данном исследовании.

2. Анализ 65 полуструктурированных интервью, собранных лично автором в ЮАР в сентябре–октябре 2010 г., и 9 интервью, собранных во время бизнес-форума Россия–ЮАР, прошедшего в рамках визита в Москву президента ЮАР Дж. Зумы в июне 2010 г.

Вторичный анализ данных международного исследования «Мировые ценности» включал в себя кластерный иерархический анализ, который позволил выявить, что ЮАР отделена от группы 2 по причине достаточно высокого уровня развития. Данный анализ

дает возможность сделать вывод о том, что культурно-цивилизационный фактор играет важную роль в формировании ментальности жителей стран мира. Однако не менее важную роль играют экономические и модернизационные процессы, что еще раз подтверждает оторванность ЮАР от африканских стран и срединное положение на ценностно-мотивационной шкале между развитыми и развивающимися странами⁵.

Специфические социально-психологические характеристики населения ЮАР в сопоставлении с другими цивилизационными общностями были выявлены с помощью дискриминантного анализа данных исследования «Мировые ценности». В рамках проведенного анализа определены базовые ценности, которым жители ЮАР уделили особое внимание – семейные, религиозные и трудовые. Полученные данные по основным показателям наиболее статистически значимы и близки к показателям обследованных стран группы 2. Также по результатам анализа эти страны отличаются от остальных обследованных регионов чрезвычайно сильным религиозным акцентом⁶.

В ЮАР отмечаются высокие показатели ценности *религиозности*. Так, например, религия важна для 92% опрошенных, из них для 71% очень важна; в обследованных странах группы 2 – 95 и 80%, а для остальной части выборки – 87 и 47% соответственно, что показывает высокий уровень религиозности жителей Африканского континента. Данный факт можно объяснить тем, что хотя ЮАР и является экономически развитой страной, подавляющая часть ее населения имеет минимальный прожиточный минимум и не имеет полного среднего школьного образования. Кроме того, доля белого и смешанного населения в стране намного выше, чем в остальных странах этого региона.

По оценкам исследовательского проекта Центрального разведывательного управления США религиозная принадлежность основной части жителей ЮАР распределяется следующим образом: христианство различного толка – 70%, мусульманство – 1,5%, местные верования – 4%, нерелигиозное население – 15%⁷. Говорить о религиозной принадлежности многих жителей ЮАР можно только условно по причине того, что религия переплетается с местными верованиями, в основе которых лежит этническое разнообразие.

Для жителей ЮАР важность религии на треть выше средних значений группы 3 и на 10% ниже, чем в обследованных странах группы 2. Вторым по значимости является критерий воспитания религиозности в детях (55%), хотя он на 10% ниже, чем в обсле-

дованных странах группы 2 и на такой же процент выше, чем в остальных обследованных странах (40%). Высок уровень посещения религиозных служб: несколько раз в неделю – 54%, в остальных обследованных странах – 28%, в обследованных странах группы 2 – 74%.

Бог важен в жизни 96% опрошенных населения ЮАР. При этом самую высшую оценку важности по 10-балльной шкале отметили 68% чернокожего и цветного населения, 60% белого населения. В остальных обследованных странах Бог важен для 77%, а в высшей степени – для 51% населения.

В результате анализа данных нескольких волн другого международного кросскультурного исследования «Голос народа» (Voice of the People, волна 2002–2005 гг., 21 наиболее развитая страна) была установлена связь между приверженностью людей к религиозной вере, уровнем образования и доходом: чем ниже образованность или доход человека, тем выше его религиозность⁸.

В целом можно сказать, что в ЮАР, как и во всех африканских странах, религия играет одну из основополагающих ролей в восприятии окружающего мира. По словам Г.Х. Шигарова, «...для африканцев все существующее является сакральным феноменом. Человек – сугубо религиозное существо, живущее в мифологической вселенной. Практически все действия, совершаемые им, рассматриваются и воспринимаются через призму религиозного понимания и значения»⁹.

Это наблюдение хорошо соотносится с результатами проведенной автором серии интервью в ЮАР. Для многих респондентов религия важна по ряду причин:

- предоставляет духовные знания, которые определяют тип поведения человека в обществе, дают ему наставления к действию, является «духовной пищей» (11 чел.);
- поддерживает в сложных и неприятных житейских ситуациях, будучи основанной на вере в Бога, в его благосклонность и доброту (12 чел.);
- руководит действиями человека, помогает осуществлять судьбу человека (12 чел.);
- позволяет ассоциировать человека, исповедующего определенную религию, с некоей группой или чем-то высшим и необъятным (8 чел.);
- дает людям надежду на жизнь после смерти (7 чел.);
- дает уверенность в жизни и в завтрашнем дне, в том, что их успех зависит от воли Бога (5 чел.).

Многим респондентам религия представляется важной с точки зрения того, что все они созданы Богом и у них есть общая вера. Некоторые из них указали на важность помощи религиозным структурам.

Весьма показательными представляются некоторые ответы.

«Религия – духовный наставник. Она первостепенна, потому что занимает важное место в наших сердцах, в нашей жизни» (интервью № 4); «Вера дает мне повод, чтобы жить, и уверенность в чем-то большем после жизни на земле (после смерти)» (интервью № 11); «Моя вера в Бога сильна, и я верю, что мой успех зависит от него» (интервью № 19); «Потому что без Бога мы ничто» (интервью № 50); «Духовная сущность очень важна как форма нашего образа жизни. Религия обучает морали и тому, как лучше всего жить» (интервью № 58).

С учетом быстрого прироста населения данного региона, низкого уровня доходов его основной части и невозможностью для правительств большинства стран обеспечить общее среднее образование всего населения в ближайшей перспективе влияние религии будет оставаться преобладающим не только на уровне семейных и межличностных отношений, но и на уровне социально-политических институтов.

Религия для африканцев, вне зависимости от ее форм, является неотъемлемой частью жизни. Семья, быт, рождение и смерть, воспитание детей для большинства африканцев связаны с религиозными и мистическими представлениями. Как показали более углубленные интервью, религия важна для основной массы опрошенных, потому что она дает духовные знания, поддержку и является руководством к жизни, поддерживает уверенность в завтрашнем дне, помогает верить в жизнь после смерти, дает веру в предопределенность сущности для каждого родившегося.

Следующей по значимости базовой ценностью для населения ЮАР, как и для остальных обследованных стран, является *семья*. Население ЮАР выделяется выраженными семейными связями и требовательностью к воспитанию детей, их послушанию: три из первых пятнадцати выявленных отличительных показателей по результатам анализа проекта «Мировые ценности» связаны с семьей.

В традиционном африканском обществе семья и родственные связи считались одним из наиболее значимых богатств¹⁰. Семья, в которой много детей, – это достойная реализация человеком жизненной силы, полученной от предков¹¹. По традиционным представлениям большинства африканских народов многодетность

угодна предкам и способствует процветанию. По этой причине деторождение многими рассматривается как общественная обязанность: чем выше социальный статус мужчины, тем больше детей от него ожидают.

По результатам вторичного анализа данных исследования «Мировые ценности» в ЮАР резко осуждают аборты 84% опрошенных, что соответствует средним показателям обследованных стран группы 2 и на треть выше средних значений группы 3. Следует особо отметить, что данный показатель практически в два раза выше аналогичного показателя для стран Западной Европы. При этом высока ежегодная рождаемость населения – около 1 млн чел. при численности населения ЮАР в 50,5 млн чел. (по состоянию на 2010 г.)¹². По официальным данным в 2010 г. в ЮАР на одну женщину приходилось 2,5 ребенка¹³, а в среднем в странах черной Африки в 2008 г. на одну африканку в возрасте от 15 до 49 лет приходилось по 5 детей¹⁴. В условиях общего низкого уровня жизни, экологической и политической нестабильности семейные связи выступают решающим фактором выживания¹⁵. Немаловажным фактором является то, что дети бедных слоев населения зачастую являются гарантией социального обеспечения в старости взрослого населения.

Рост грамотности населения является, с одной стороны, мощным позитивным фактором ускорения экономического развития, а с другой – снижения уровня рождаемости, особенно при увеличении доли грамотных женщин. В перспективе это поможет решить проблему резкого демографического роста и будет способствовать ускорению темпов экономического развития в обследованных странах Африки к югу от Сахары¹⁶.

Рассмотрим ответы на вопросы проекта «Мировые ценности», имеющие отношение к семейным ценностям.

«Для того чтобы чувствовать себя полноценной, женщине необходимо иметь детей» – так считают 78% опрошенных в обследованных странах группы 2. В развивающихся странах этот показатель обычно намного выше, чем, например, в развитых странах Западной Европы, который составляет 33%, в США – 14,6%. В ЮАР как в наиболее развитой стране Африки по количеству ВВП на душу населения только 55% респондентов считают, что женщины должны иметь детей, что близко к показателям некоторых стран Восточной Европы (Чехия, Бельгия, Словакия, и пр.). Однако, если посмотреть распределение респондентов по этнической принадлежности, картина принимает немного другой оттенок: считает, что женщина должна иметь детей, около 37% белого на-

селения (африканеры и буры – 43%, мигранты из Европы – 36%), 40% цветного населения, 56% чернокожего населения. Наибольшие показатели принадлежат народам тсонга – 69%, венда – 67%, сото – 66%, более многочисленным народам – зулу – 54%, хоса – 62%.

По данным проекта «Мировые ценности» с утверждением «человек всегда должен любить и уважать своих родителей, независимо от того, заслуживают они этого или нет» согласны 94% в ЮАР, в обследованных странах группы 2 – 93% опрошенных, что резко отличается от количества респондентов, например, стран Западной Европы (68%).

С утверждением «Муж и жена должны вносить вклад в семейный доход» согласны 44% респондентов ЮАР, из них полностью согласны 61% чернокожих (при этом зулу, сото и тсвана имеют наивысшие показатели – 70–64%), 30% – белых; в обследованных странах группы 2 – 90,8%. В среднем по всем обследованным странам группы 3 – 83% и 72% в странах Западной Европы.

Эти данные показывают, что африканская модель чернокожей семьи подразумевает вовлеченность женщины в трудовые отношения и не подразумевает затворничества, что отличает ее, например, от классической исламской модели семьи. Этот вывод хорошо соотносится с данными о сильных трудовых ценностях в современной ЮАР¹⁷. По данным комиссии Африканского Союза по социальным вопросам все больше женщин ЮАР получают образование (общее школьное и высшее), принимают участие в управлении, в национальных выборах, борьбе за места в парламенте¹⁸. Африканские женщины более активно начинают контролировать многие сферы собственной жизни, включая контрацепцию, количество детей и способы их воспитания, заботу о своем здоровье и здоровье своих детей, а также распоряжение деньгами¹⁹.

При проведении личных 65 интервью автора в ЮАР в 2010 г. респондентам задавался вопрос: «Насколько для Вас важна семья? Почему?». Интервьюирование показало, что, по мнению респондентов, ценность семьи заключается в том, что она:

- является источником материальной и моральной поддержки для самого индивида, а также его личной помощи в отношении нуклеарной или расширенной семьи. Для большинства опрошенных данная поддержка является обязательной на протяжении всей их жизни (18 чел.);
- воспринимается как некая общность, более сплоченная по сравнению с другими социальными группами. Члены семьи

- многое знают друг о друге, они скреплены не только кровно-родственными, но и духовными связями (17 чел.);
- рассматривается как коллектив любящих и постоянно общающихся друг с другом людей (14 чел.);
  - является некоей формой взаимопомощи, дает советы, поддерживает в трудную минуту (деньгами, словами, делами) (12 чел.);
  - выступает основой для развития, дает толчок к новым свершениям, помогает обрести душевное равновесие и счастье в жизни (4 чел.);

Весьма показательными представляются следующие ответы:

«Я буду получать поддержку от моей семьи, а в будущем я гарантирую поддержку для моей семьи» (интервью №18); «Я помогаю решать проблемы в своей семье» (интервью № 23); «Моя семья – маленькое ядро. Семья – моя база, где я существую, мы созданы друг для друга» (интервью № 38); «Семья наполняет жизнь, если жить одному, то кажется, что чего-то не хватает в твоей жизни. Первоначальная ячейка коллектива – это семья» (интервью № 48).

Анализ интервью в отношении семейных ценностей показал, что в целом под влиянием многих факторов происходит интенсивный процесс трансформации семейных ценностей. На данный момент все еще сохраняются сильные различия в семейных ценностных ориентациях в индустриально развитых районах и в районах с относительно традиционным сельским хозяйством (ручное земледелие, скотоводство). В густонаселенных индустриально развитых районах семейные и межполовые отношения близки по своей форме к пониманию семьи как общности с взаимными интересами, равноправной структурой занятости и совместным принятием решений по планированию количества детей, их воспитанию. Личное исследование автора в ЮАР показало, что семья – это не только некая общность людей на основе кровнородственных связей, но и одна из главных форм взаимопомощи, взаимоподдержки, важный фактор развития индивида.

Следующей значимой ценностной ориентацией населения ЮАР являются *трудовые ценности*.

Реализация личных возможностей и способностей связана с уровнем образования и возможностью его применения в окружающих условиях для достижения более высокого уровня развития, приобретения качественно иных взглядов на жизнь. Вплоть до 90-х годов XX века в ЮАР большая часть населения никогда не получала минимального школьного образования, многие не умели читать и

писать, производить минимальные расчеты (умножение, сложение и т. п.). Это было следствием колониализма, при режиме которого получить образование могло только ограниченное количество населения, требуемое для определенных видов работ и должностей.

В результате проведенных автором исследований было подтверждено общепринятое мнение о том, что рост уровня дохода повышает уровень образования²⁰. В то же время не следует переоценивать возможности образования в росте социальной мобильности, достижении большего социального равенства в условиях прогрессирующих обществ. В большинстве развивающихся стран с их жесткой иерархической социально-классовой структурой плодами образования, как правило, пользуются привилегированные слои населения. Данные факты подтверждают личные наблюдения автора, сделанные во время экспедиции в ЮАР (сентябрь–октябрь 2010 г.): в трущобах Йоханнесбурга практически невозможно получить высшее образование из-за отсутствия государственных школ, которые выдают свидетельство об образовании, хотя благодаря общественным силам здесь налажено функционирование школ и детских садов.

По сравнению с сельскими жителями у лиц, получивших образование и приобщенных к городской цивилизации, резко меняется отношение к труду и к свободному времени. Они больше стремятся к реализации своих потребительских запросов, нежели к увеличению своих трудовых затрат; у них улучшается когнитивное восприятие (осознание времени, затраченного на работу, учет денежных средств и размера своей земли и т. д.)²¹.

Важным этапом в становлении трудовой деятельности человека является воспитание в детях трудолюбия. По среднестатистическим показателям проекта «Мировые ценности» население обследованных стран группы 2 уделяет большее внимание воспитанию такого детского качества, как трудолюбие (в среднем 77%), а в странах Западной Европы этот показатель часто не превышает и половины от числа опрошенных (в ЮАР – 71%, в России – 91%). Молодежь в большинстве стран Африки начинает работать с раннего возраста (четверть детей в возрасте 5–14 лет уже работает), особенно в сельских районах. При этом молодежь составляет 37% от населения трудоспособного возраста и 60% от общего числа безработных²².

Утверждение Международной организации труда о современной ситуации в ЮАР, что «производительность труда в Африке низка и это, в свою очередь, оказывает негативное влияние на темпы экономического развития»²³, необходимо рассматривать

осторожно, учитывая, что при определенных условиях она может резко вырасти за короткий период времени.

В целом можно сказать, что жители Южно-Африканской Республики воспринимают трудовую деятельность в качестве неперемennого условия удовлетворения минимальных потребностей существования в отличие от других стран со стабильной обстановкой, где трудовая деятельность воспринимается как попытка самовыражения, успеха и карьеры. Труд в условиях жесткой конкуренции и безработицы выступает прежде всего как возможность получения минимальных средств к существованию. Однако в среднем молодежь более образованна благодаря «социальным завоеваниям отцов», а также более восприимчива к инновациям²⁴.

По данным исследования «Мировые ценности», при ответе на вопрос «Насколько сильно для Вас важна работа?», жители обследованных стран группы 2 заявили, что работа является большой ценностью (85%), (для жителей стран Западной Европы – около 50%). ЮАР занимает среднее положение (78%), что в очередной раз соотносится с высокими темпами экономического развития и высоким уровнем образования населения.

Существенно, что одним из основных позитивных и выделяющихся факторов в оценке предпочтений при выборе работы является ее «ненапряженность» – на это указали около 50 % опрошенных в обследованных странах группы 2, тогда как в европейских странах это качество выбирают 35% опрошенных (в России – 17,5%). ЮАР занимает промежуточное положение (43%) за счет того, что в стране проживают различные культурные группы населения. Так, среди белого населения упомянули данное качество 28%, черного – 51%, цветного – 40%. Выделяется своей сильной приверженностью к ненапряженной работе местная индусская община – 60%.

При поиске работы в ЮАР придается большое значение следующим параметрам: «хороший доход» (88% опрошенных), «гарантированность работы» (82%), «возможность достичь больших успехов» (74%), «интересная работа» (66%), «ответственная работа» (64%), «соответствие работы способностям» (62%), «удобные часы работы» (61%). Возможно, что выявленные показатели тесно связаны с тяжелой социально-экономической обстановкой, высокой безработицей и конкуренцией.

Интересны ответы в отношении контроля работы сотрудников. В ЮАР 52% опрошенных считают, что владельцы должны контролировать свой бизнес, что близко к показателям в Западной Европе – 49%. В СНГ так считают только 30%. Внутри страны

мнения по поводу данного утверждения разделяются: с ним согласны 43,5% чернокожего населения, 52% цветного, 58% индусов, 62,5% белого населения. Данный факт объясняется тем, что владельцами большинства компаний или руководителями на различных уровнях до сих пор в большинстве случаев являются представители белого населения ЮАР или индусы.

Данные позиции очень хорошо соотносятся с проведенным автором интервью в ЮАР (сентябрь–октябрь 2010 г.). Большая часть принявших участие в опросе представляла работу как:

- средство для выживания (32 чел.);
- возможность самовыражения, достижения целей (19 чел.);
- некая занятость (7 чел.);
- помощь своему народу (3).

Весьма показательны следующие ответы:

«Работа дает мне место, где можно провести время и получить максимальную прибыль» (интервью № 5); «Работа – это источник финансов в моей жизни, которые действительно необходимы для выживания» (интервью № 17); «Я считаю, что я не работаю только для себя, а работаю для помощи другим, особенно в моей стране» (интервью № 34); «Работа необходима, потому что она поддерживает уровень жизни, она важна также для достижения жизненных целей и амбиций» (интервью № 52).

Результаты полевого исследования автора показали, что работа является не только способом выживания, но и выполняет важные функции: занятость, самовыражение, самореализация, помощь жителям своей страны, возможность достижения успеха для себя и своего общества.

На восприятие труда и работы воздействует множество факторов, основными из которых являются: приучение детей к трудовому процессу с раннего возраста и детская занятость, внедрение технических новаций в повседневную жизнь общества, безработица и высокая эмиграция. В целом можно сказать, что отношение к труду в ЮАР имеет в своей основе традиционную ориентацию, хотя по многим параметрам достаточно сильно соотносится с отношением к труду в других странах мира, в том числе в индустриально развитых государствах. Работа представляется важной не только с точки зрения обеспечения существования, но и с точки зрения социальной ответственности перед окружающими и обществом, закрепленной в большинстве случаев культурой, традициями, общественным контролем. При этом акцент делается на том, что работа должна быть интересной, соответствующей способностям, безопасной, приносить доход.

Подводя общий итог проведенных автором исследований, можно сделать вывод о том, что, учитывая цивилизационные и региональные различия народов Южно-Африканской Республики, основными ценностными ориентациями в ЮАР являются семья (97%), религия (92%) и трудовые взаимоотношения (78%). Это дает дополнительные возможности для грамотного и корректного построения коммуникаций с коллегами из ЮАР на дипломатическом, корпоративном и межличностном уровнях.

Примечания

- ¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004. С. 204.
- ² В рамках кросскультурного теоретического подхода: *Boas F.* The Mind of Primitive Man. N. Y.: Collier Books, 1963; *Kluckhohn F., Strodtbeck F.* Variation in Value Orientation. N.Y., 1961; *Benedict R.* Patterns of Culture. Boston; N. Y.: Houghton Mifflin Company, 1934; *Mead M.* Continuities in Cultural Evolution. New Haven: Yale University Press, 1964; URL: <http://books.google.com/books?id=GLfNU8ODKSIC&lpg=PA365&ots=9Ghvu44dqW&dq=Mead%20M.%20Continuities%20in%20Cultural%20Evolution&hl=ru&pg=PR7#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 21.04.2010).
- ³ *Schwartz S.H., Bilsky W.* Towards a Psychological Structure of Human Values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. № 58. P. 878–891.
- ⁴ World Values Survey. URL: <http://www.wvsevsdb.com>.
- ⁵ *Тищенко С.М., Халтурина Д.А., Коротаев А.В.* Социально-психологические особенности цивилизаций современного мира (по результатам проекта «Мировые ценности») / Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. М., 2010. С. 379–410.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Religions // Central Intelligence Agency. URL: [https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2122.html?countryName=&countryCode=&regionCode=\\$](https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2122.html?countryName=&countryCode=&regionCode=$).
- ⁸ Voice of the People 2005. Religiosity Around the World. URL: [www.voice-of-the-people.net/ContentFiles/files/VoP2005/Religiosity around the world VoP 05 press release.pdf](http://www.voice-of-the-people.net/ContentFiles/files/VoP2005/Religiosity%20around%20the%20world%20VoP%2005%20press%20release.pdf) (дата обращения: 08.11.2009).
- ⁹ *Шингаров Г.Х.* Время и бытие в африканской мифологии // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11. № 1. С. 126–131.
- ¹⁰ *Бондаренко Д.М.* Тропическая Африка: историко-культурные корни доиндустриализма // Цивилизации тропической Африки: общества, культуры, языки. М., 1993. С. 19.

- ¹¹ *Мосейко А.Н.* Сравнительный анализ российской и африканской ментальностей: архаика и современность // Африка. Суждения и факты. Вып. 9. М., 1997. С. 4.
- ¹² Recorded live births, 2010 // Statistics South Africa. URL: <http://www.statssa.gov.za/publications/P0305/P03052010.pdf>. (дата обращения: 04.02.2012).
- ¹³ Statistica. South Africa // UNICEF. URL: http://www.unicef.org/infobycountry/southafrica_statistics.html (дата обращения 25.04.2012).
- ¹⁴ World Development Indicators, 2009. Washington: World Bank, 2009.
- ¹⁵ *Inglehart R.* Mapping Global Values. Measuring and Mapping Cultures: 25 Years of Comparative Values Surveys. Leiden; Boston, 2007.
- ¹⁶ *Коротаев А.В., Халтурина Д.А.* Инвестиции в базовое образование как мера по предотвращению социально-демографических катастроф в развивающихся странах. / Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. М.: Институт Африки, 2010. С. 301–313.
- ¹⁷ *Тищенко С.М.* Труд в представлениях современных африканцев // Азия и Африка сегодня. 2009. № 7. С. 52–54.
- ¹⁸ Population Dynamics: Implications for Achieving the Millennium Development Goals // African Union. URL: http://www.africa-union.org/root/AU/Conferences/2007/july/sa/State_of_the_African_Population_2006.doc (дата обращения: 02.02.2010).
- ¹⁹ *Ratele K.* Analysing Males in Africa: Certain Useful Elements in Considering Ruling Masculinities // Journal of African and Asian Studies. 2008. No. 7. P. 530.
- ²⁰ *Тищенко С.М.* Указ. соч. С. 52–54.
- ²¹ *Ксенофонтова Н.А.* Экология, психология, культура // Африка. Экологический кризис и проблемы выживания. М.: ИнАфр РАН, 2001. С. 19–34; How can the curriculum play a greater role in poverty alleviation? // Educational innovation and information. 2005. № 119/120. P. 11–16.
- ²² World Bank Report Highlights African Youth Employment Issues // The World Bank. URL: <http://go.worldbank.org/81M46OMSA0> (дата обращения: 10.02.2009).
- ²³ African Employment Trends 2007–04. Geneva: International Labour Office, 2007. P. 3–7 // International Labour Organization. URL: http://www.ilo.org/public/libdoc/ilo/2007/107B09_44_engl.pdf (дата обращения: 12.04.2009).
- ²⁴ *Абрамова И.О., Поликарпов Д.В.* Интернет и Африка: параллельные реальности. М., 2001. С. 80, 120.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ПРАКТИКИ ВЗАИМОПОМОЩИ В СЕМЬЯХ С МАЛЕНЬКИМИ ДЕТЬМИ

В статье рассматриваются социальные сети и практики взаимопомощи в российских семьях с маленькими детьми, на основе эмпирических данных выделяются виды и направленность взаимопомощи, обозначаются участники и их доля в сетевых взаимодействиях.

Ключевые слова: семьи с детьми, социальные сети, материальные и нематериальные трансферты, взаимобмен, взаимопомощь.

Социально-экономическая ситуация в России остается сложной. В таких условиях особо значимой для семей становится любая взаимопомощь. Домохозяйства, регулярно помогающие друг другу продуктами, трудом, деньгами и советами, образуют социальные сети, которые являются мощным ресурсом выживания россиян в нынешних непростых социально-экономических условиях. Эти обмены чаще всего носят нерыночный характер. Данный феномен является частью так называемой неформальной экономики, которая присуща всем обществам.

В российском обществе особенно трудно приходится семьям с детьми. С рождением ребенка мама обычно некоторое время не работает. Это неминуемо ведет к снижению благосостояния семьи, а содержание ребенка требует значительных материальных затрат. Несмотря на увеличение различных пособий и льгот для семей с детьми, они направлены лишь на частичную компенсацию расходов и в большей степени носят пропагандистский характер. Особенно сложным представляется существование семей с маленькими детьми в г. Москве, ввиду того, что меры социальной политики

недостаточны, чтобы поддерживать семью материально, а город является дорогим для жизни. Семьи с маленькими детьми особо нуждаются в поддержке и растят детей благодаря сетевым практикам взаимопомощи и взаимообмена.

Социальные сети как исследовательская проблема привлекали внимание ученых достаточно давно. Первыми начали изучать сетевые взаимодействия и обмены антропологи. В рамках антропологического подхода обмен трактуется как обмен дарами, причем он выступает в качестве акта символического признания. Дарение-отдаривание фиксирует конкретные отношения. «Очерк о даре» М. Мосса основывается на исследовании традиционных обществ и квазисемейных образований в них¹. Дар рассматривается не сам по себе, а в контексте статуса дарящего или возвращающего дар, иными словами, любой предмет, вовлеченный в дарообмен, выступает в качестве самого дарящего. Специфика сетевого подхода в том, что, в отличие от антропологического подхода, здесь не пытаются декодировать смысл дара. Основная задача – это интерпретировать сетевые структуры межиндивидуального и межорганизационного взаимодействия и их роль в реальных практиках. Сетевой подход обрел особую популярность в социальных науках в 1980-е годы. Х. Уайт и его ученик М. Грановеттер стоят у истоков сетевого подхода в экономической социологии². К середине 1990-х годов данное направление стало одним из ключевых благодаря работам Р. Берта, У. Пауэлла, Д. Старка, Дж. Тернера. Дж. Тернер указывает три основных типа потоков в социальных сетях: материальные, символические и эмоциональные. Среди современных западных ученых, занимающихся данной тематикой, можно выделить М. Буравого³, Б. Робертса⁴, Дж. Гершуни⁵, А. Рона-Тас⁶.

Также существует так называемая историческая традиция изучения социальных сетей. А. Шик утверждает, что склонность к сетевым взаимообменам имеют общества, в которых крестьянские традиции в какой-то степени сохранились.

«Социальные сети» – термин, активно используемый в российском научном сообществе, особенно в последние годы. Среди российских ученых, которые занимались данной тематикой, можно выделить Т. Шанина⁷, С.Ю. Барсукову⁸, Г.В. Градосельскую⁹, И. Штейнберга¹⁰. Т. Шанин заметил парадокс, что, несмотря на плохую социально-экономическую ситуацию в регионах, когда люди, казалось бы, должны погибать от голода, этого не происходит благодаря «неформальной экономике», или «эксплоярным социальным структурам», как их предпочитает называть Т. Шанин.

Он указывает, что в современной науке еще не существует четко сформированной концепции, однако существует ряд признаков социальных сетей, которые наиболее часто упоминаются. С.Ю. Барсукова занималась в большей степени практиками сетевого обмена в семьях и между семьями. Она, как и Т. Шанин, указывала на то, что сетевые обмены домохозяйств помогают выживать россиянам в непростых социально-экономических условиях. Эти обмены носят нерыночный характер. Она использовала сетевой подход для изучения данной тематики; объектом изучения выступали городские и сельские семьи разных возрастных групп и разного благосостояния. Г.В. Градосельская занималась в большей степени методологией сетевого анализа, однако она также изучала обмен частными трансфертами, где единицей анализа выступало домохозяйство. Помимо этого она выделила типологию ресурсов и видов обмена.

Для исследования сетевых практик взаимопомощи в семьях с маленькими детьми был проведен ряд исследований¹¹: «Социальные сети и реципрокность в семьях с маленькими детьми». Выборка целевая, нерепрезентативная. 150 человек, г. Москва, ноябрь–декабрь 2010 г. Анкетный опрос; «Использование социальных сетей для получения нематериальной помощи в семьях с детьми дошкольного возраста». 10 интервью, г. Москва, декабрь – февраль 2011 г.; «Детско-родительские форумы как социальные сети». Контент-анализ 10 сайтов. Январь 2011 г.

Мы будем понимать под *социальными сетями* систему, состоящую из агентов взаимодействия (индивидов, домохозяйств), функционирующую для обмена различными ресурсами, поддержки слабых элементов, основанную на добровольности участия, воспроизводстве практик взаимобмена и взаимопомощи, как материальной, так и нематериальной.

Социальные сети могут формироваться из агентов, находящихся в постоянном взаимодействии, знакомых друг с другом, и из агентов, не знакомых друг с другом. Таким образом, в сети есть сильные и слабые связи. Одни отвечают за сплоченность индивидов в локальных сетях, другие за их интеграцию в сообщества. Каждый агент может выступать как донором, так и реципиентом материальных и нематериальных трансфертов. В зависимости от обладания социальным капиталом агент приобретает вес в социальных сетях. Также важно наличие так называемых узлов связей в социальных сетях, или пересечения горизонтальных сетей с вертикальными.

Несмотря на то что в литературе не находится единого определения социальных сетей, можно выделить несколько компонентов,

им присущих: 1) наличие элементов сети — агентов взаимодействия; 2) обмен между этими агентами, материальный или нематериальный; 3) социальная поддержка; 4) добровольность участия; 5) культурная укорененность (повторяемость).

Некоторые ученые в качестве составляющей социальной сети выделяют доверие. Так, М. Грановеттер выделяет доверие как характеристику связей в социальных сетях, наряду с продолжительностью, эмоциональной интенсивностью, близостью и реципрокными услугами¹². Комбинация этих показателей дает силу связи. Доверие является залогом успешного функционирования сети. Являясь «ожиданием, что другие будут действовать в наших интересах»¹³, доверие порождает взаимодействие и дает нам информацию для понимания позиций других элементов сети.

Когда мы говорим о социальных сетях применительно к семьям, это значит, что в сеть входят не только родственники семьи, но и более широкий круг агентов. Качество контактов с различными элементами сети может быть разным. М. Грановеттер указывал на сильные и слабые связи. Основным критерий — наличие связей, не связанных напрямую с субъектом. Иными словами, сильные связи имеют большую плотность, они ведут к сплоченности на локальном уровне, но к фрагментации на макроуровне. Слабые связи имеют небольшую плотность, тем не менее они способствуют интеграции индивидов в сообщества. Различные типы связей дают различную плотность в сети. Также М. Грановеттер использовал типологию А. Эпштейна по эффективности сетей. Последний выделил эффективно действующую сеть и расширенную сеть. Под эффективной сетью он подразумевал тех, с кем субъект «взаимодействует наиболее интенсивно и регулярно и кто, следовательно, с высокой вероятностью окажется также знаком и между собой»; «остальные составляют *расширенную* сеть (*extended network*)»¹⁴.

Деление по эквивалентности обмена дает возможность типологизировать акторов — участников обмена. Основываясь на эквивалентности обменов, С.Ю. Барсукова выделяет доноров и реципиентов¹⁵. В зависимости от преобладания определенного типа обменного поведения она разделила их на следующие четыре типа: 1) радикальный донор; 2) умеренный донор; 3) умеренный реципиент; 4) радикальный реципиент. Г.В. Градосельская в своем делении домохозяйств тоже исходит из обмена ресурсами и делит домохозяйства на доноров (предоставляющие трансферты), потребителей (получающие трансферты), обмен (получающие и предо-

ставляющие трансферты), независимые (не получающие и не предоставляющие трансферты)¹⁶.

Обычно, говоря о социальных сетях, авторы имеют вполне определенные виды трансфертов. Такие авторы, как И. Штейнберг, А. Рона-Тас, О. Фадеева, используют наиболее общее деление на материальные (вещи, деньги) и нематериальные (помощь трудом) трансферты¹⁷. Дж. Тернер, К. Кук и Дж. Уитмейнер указывают на три основных типа потоков: материальные (вещи, деньги), символические (информация, идеи) и эмоциональные.

Одним из типов отношений, реализуемых в социальных сетях, являются отношения взаимобмена, или реципрокности. Будучи частью неформальной экономики, реципрокность не предполагает официальных договоренностей и формальных обязательств. Однако несоблюдение неформальных норм чревато потерей доверия и исключением провинившегося из сети реципрокных взаимодействий. Стимулом к соблюдению этих норм является повышение социального капитала. При участии в реципрокных обменах наличие социального капитала становится одним из определяющих моментов ввиду того, что в обменах первичны люди, а дары – вторичны. Дарообмен зависит от соотношения статусов и социально-демографических характеристик. Такую логическую цепочку провела в своем исследовании С.Ю. Барсукова¹⁸.

Культурная укорененность говорит о распространенности практик реципрокности в обществе. С.Ю. Барсукова указывает, что качественные исследования доказывают тотальность этой практики, количественные, как правило, выявляют более скромный масштаб реципрокных отношений, определяя долю семей, связанных этими отношениями, равной приблизительно 70%.

В рамках данной темы был проведен социологический опрос «Взаимопомощь в социальных сетях семей с детьми дошкольного возраста» (ноябрь–декабрь 2010 г.) методом анкетирования. Объект исследования – семьи с маленькими детьми, опрашивались матери. Выборка целевая, нерепрезентативная (150 матерей). Распределение респондентов по возрасту: 20–22 лет – 6%, 23–30 – 32%, 31–40 – 51%, 41–53 – 11%. 62% респондентов состоят в зарегистрированном браке, еще 21% – в гражданском браке.

Благосостояние семьи понижается прямо пропорционально количеству детей, наиболее ярко это проявляется с рождением второго ребенка. Семьи с маленькими детьми часто попадают в категорию малообеспеченных. Социальная политика направлена на денежную компенсацию, однако основным остается заработок

работающего супруга. Согласно субъективной оценке, 29% семьям заработков хватает на все, кроме приобретения недвижимости, 27% – на питание и одежду денег хватает, на крупную бытовую технику – нет, 24% – денег хватает на крупную бытовую технику, 10% – материальных затруднений не испытывают, 9% – на питание денег хватает, на покупку одежды нет, 2% – денег с трудом хватает на питание, 88% семей респондентов проживают отдельно, 8% с родителями жены, 4% с родителями мужа.

Согласно данным исследования, 76% семей включены в реципрокные обмены (материального характера), что подтвердило гипотезу о распространенности использования социальных сетей. Только 24% респондентов не приходилось получать помощи вещами, из них 89% сами отдавали вещи. Таким образом, только 3% респондентов полностью исключены из реципрокного обмена.

В исследовании были учтены следующие виды трансфертов: материальные (это деньги, вещи, мебель для детей, игрушки и прочее для развлечения детей), нематериальные – помощь временем (посидеть с ребенком, помощь по хозяйству и др.), советы-информация по уходу за детьми и по воспитанию. Доля участвующих в нематериальных и материальных трансфертах примерно одинакова и составляет по 96,7% и 92,1% соответственно.

Если смотреть городскую специфику трансфертов, то в городе преобладает денежная форма трансфертов. Она не имеет сезонной окраски, но прослеживается связь с праздниками, зарплатами и пенсиями, а именно с моментами повышенной траты средств или их получения. Здесь же четко прослеживается зависимость типа помощи от наличия родства: родственникам деньги преимущественно дарят, а неродственникам одалживают.

Переход от одного типа обменного поведения к другому связан в основном со взрослением супругов. Молодые семьи являются радикальными реципиентами независимо от их материального положения. С появлением детей донорство старшего поколения только усиливается. Это связано с наличием у старшего поколения такого ресурса, как время. В семейной структуре выделяется радикальный реципиент, который даже не может быть рассмотрен как донор, – это внуки. С.Ю. Барсукова называет их хроническими реципиентами. Она указывает, что в семьях, где есть внуки, степень донорства старшего поколения резко увеличивается и превращает старшее поколение в радикальных доноров.

Немаловажное значение при сетевых обменах имеет место человека/домохозяйства в сети. Близкие родственники и друзья

чаще оказываются вовлеченными в сетевые обмены, нежели коллеги по работе или соседи. По отношению к родственникам отдельно следует сказать о различиях статуса родителей супруга и супруги. С.Ю. Барсукова показала, что тот человек, кто контролирует ресурсы в семье, и распоряжается ими в большей степени. То есть жена, будучи ответственной за продуктовые и денежные ресурсы семьи, будет иметь бóльшую возможность распоряжаться ими, что неминуемо приводит к различиям в статусе родителей мужа и родителей жены. Главный ресурс в трудовых трансфертах – это физический труд, которым обладает мужчина, таким образом, родители мужа оказываются в данном аспекте в привилегированном положении по отношению к родителям жены. Последние же оказываются в более выигрышном положении, когда речь идет о денежных и продуктовых ресурсах. Но именно между родителями и детьми происходит основные продуктовые, денежные и трудовые передачи.

Согласно данным исследования, помощь в воспитании и уходе за ребенком 51,5% респондентов получают от родителей жены, в то время как от родителей мужа только 5,7%. Это можно объяснить тем, что, видимо, к родителям мужа реже обращаются за помощью (мужчины-сыновья обычно себя ведут более независимо от родителей, чем женщины-дочери, и, кроме того, существует мнение, что «дочери к родителям ближе», поэтому им больше помогают). Родители жены оказывают помощь семьям с маленькими детьми по всем направлениям трансфертов, уровень которых примерно одинаков. Родители мужа оказывают материальную помощь также по всем направлениям, исключая денежную, но в гораздо меньшей степени. Сильно выбиваются из общего ряда показатели такого вида помощи, как проведение времени с ребенком: его доля для родителей жены составляет 50%, для родителей мужа – 26,3%. Здесь следует указать, что этот вид трансферта является преобладающим для всех доноров.

Друзья и коллеги оказывают скорее информационную и эмоциональную поддержку, чем материальную помощь. Помощь друзей как материальная, так и нематериальная колеблется в пределах 18–20%. Соседи едва ли претендуют на активную роль в сетевых обменах. В целом на долю неродственников приходится около 7% денежных, трудовых и продуктовых трансфертов.

Следует сказать, что в семьях с маленькими детьми доля непосредственно материальных трансфертов сравнительно невелика: в сумме денежные и вещные трансферты составляют 24,70% – по 6% и 18,6% соответственно. При этом бóльшая их часть поступает от

родителей жены (37,7%). Относительно родителей жены следует также сказать, что их помощь распространяется на все виды трансфертов, как на материальные, так и на нематериальные.

При исследовании материальных трансфертов были изучены *источники помощи*. Наиболее распространенным источником, как было уже сказано ранее, становятся бабушки (около 33%). Затем – подруги (около 28%). Интересно, что из центра социального окружения в ресурсные центры попали только они. Наиболее предпочтительный вид передачи ресурсов – это личная встреча, что подтверждает персонифицированность контактов.

Реципрокные обмены имеют пролонгированное действие, ответная услуга оказывается не сразу и не всегда. Согласно исследованию, 55% респондентов ничего не дают взамен полученных вещей, причем 82% респондентов отдают вещи бесплатно. При взаимоотношениях реципрокности, помимо персонифицированности отношений, присутствует элемент необходимости ответных действий, которые, скорее, являются проявлением благодарности, нежели приближением к экономическому обмену, о чем свидетельствуют символические вознаграждения и стремление ответить в будущем. Однако ввиду неформальности отношений стандартов нет, и решение об ответе за дар остается в целом за участниками непосредственного обмена.

Доля использования Интернета для поиска/приобретения вещей для детей, по сравнению с другими источниками, довольно невысока и равна 11% и 12% в поиске игрушек и вещей соответственно. При этом доля использования электронной сети для поиска вещей составляет 8% от всего использования Интернета. При этом 90% респондентов не используют Интернет для получения услуг или заказов вещей, так что можно сделать вывод, что Интернет остается в большей степени информационным ресурсом, нежели ресурсом по приобретению вещей. И здесь тоже следует вспомнить о персонифицированности реципрокных обменов, в которых первичны люди, а не обмен.

Сетевая взаимопомощь не ограничивается только материальной помощью, в ней присутствует также нематериальная помощь. К *нематериальной помощи* обычно относят: помощь советом или получение информации, психологическую и трудовую помощь. Рождение ребенка является новой ситуацией, в которой еще нет отработанных схем действий, и зачастую советы по воспитанию, уходу за ребенком, а также обеспечение различного рода «услугами» от элементов сети оказываются крайне необходимыми.

Соотношение материальной и нематериальной помощи не равнозначно. Согласно исследованию С.Ю. Барсуковой, которая рассматривала трудовые, денежные и продуктовые трансферты, трудовые трансферты составляют одну десятую от всех. При этом трудовые трансферты не сглаживают, а усугубляют неэквивалентность продуктовых и денежных трансфертов¹⁹. Выступая донором для своих родителей в трудовых трансфертах, что чаще всего выражено в работе на даче и крупной хозяйственной помощи в доме, семьи с маленькими детьми являются основными реципиентами нематериальной помощи со стороны родителей.

Основным донором нематериальных трансфертов являются родители. Именно им звонят, если нужно оставить с кем-то ребенка (36%), у них спрашивают совета (49%). Это происходит потому, что старшее поколение обладает временным ресурсом и помощь такого рода воспринимает как признак своей нужности. Старшее поколение также является ближайшим элементом сети, обладающим практическим знанием по уходу за ребенком. Но когда речь идет об информации по уходу за ребенком, 25% предпочитают искать ее в Интернете и только 19% у бабушек. Это объясняется тем, что, обладая практическим знанием, бабушки делают многие вещи «по старинке» и «по-народному», а Интернет позволяет получить множество разнообразной информации – от специалистов (на тематических сайтах) и от других матерей, делящихся своим опытом (на тематических форумах). Ту же тенденцию демонстрируют интервью: наравне со специалистами информацию получают от друзей с детьми. Здесь сходятся три важных фактора: 1) личное знакомство с человеком, а следовательно, и оценка его как личности; 2) наличие у этого человека требуемых знаний, основанных на собственном опыте; 3) возможность увидеть результаты использованных знаний. В случае, когда все три фактора присутствуют, данный контакт будет расценен как надежный источник информации.

Относительно старшего поколения как источника информации были выявлены две основные причины недоверия к ним: 1) давность личного опыта и как следствие тот факт, что они не все помнят: «Мама ничего не помнит» (Мария, 31 год, не работает, дочь – 1 год)²⁰; «У них давно были дети, поэтому не обращаюсь» (Таня, 27 лет, не работает, 2 детей: девочка – 2 года, мальчик – 1 год)²¹; 2) уверенность в устаревании методик, что было выявлено на этапе анкетирования: «Их методики уже устарели» (Ирина, 30 лет, дочь – 6 лет, работает)²², «Я не думаю, что их опыт здоровый» (Полина, 34 года, работает, в разводе, дочь – 12 лет, сын – 4 года)²³.

По результатам интервью были выявлены следующие значимые *источники информации*: 1) книги, в основном когда дело касается воспитания: «Сейчас для старшей дочери стала покупать книги по общению с ребенком, как правильно с ним общаться» (Алена, 27 лет, не работает, 2 детей: дочери – 3 года и 4 месяца)²⁴; «А по вопросам ситуации, меня тревожащих, я обращаюсь к книжкам» (Полина, 34 года, дочь – 12 лет, сын – 4 года, работает, в разводе)²⁵; 2) журналы: «Я купила для себя этот журнал, я их для развлечения читаю, и там про прикорм этот написано, как вводить, я думаю: “О! Буду не по книгам, а по этому журналу”» (Мария, 31 год, не работает, дочь – 1 год)²⁶.

Отдельно следует сказать про Интернет. Основная характеристика Интернета – обилие информации, которую он содержит, – является для него одновременно и плюсом и минусом: «Очень много мнений, есть мнения кардинально противоположные друг другу, поэтому я туда не залезаю» (Ирина, 30 лет, работает, дочь – 6 лет)²⁷, «Там слишком много мнений, мне тяжело» (Анна, 23 года, не работает, сын – 1 год)²⁸. Интернет становится авторитетным источником информации в том случае, если виртуальные знакомства приравниваются к реальным. Иными словами, когда Интернет не рассматривается как обезличенный. Но общение на форумах не всегда выходит на первый план, форумы несут скорее информативную функцию. «Я не так часто туда обращаюсь, но если мне нужен такого рода совет, то я обращаюсь именно туда» (Катя, 22 года, работает, дочь – 1 год)²⁹; «Вот на нем достаточно много полной и полезной информации для меня, по крайней мере подходящая моим взглядам на воспитание и уход за ребенком... Я там не зарегистрирована, я просто читаю, как люди общаются» (Алена, 27 лет, не работает, 2 детей: дочери – 3 года и 4 месяца)³⁰.

Интересные данные выявила *социологическая экспертиза* Интернет-пространства. С помощью рейтингов на сайтах-счетчиках было выделено 10 наиболее часто посещаемых сайтов, где присутствует постоянно действующий форум и которые посвящены детско-родительской тематике: <http://deti.mail.ru/>, <http://www.7ya.ru/>, <http://materinstvo.ru/>, <http://sibmama.ru/>, <http://www.ekamama.ru/>, <http://www.kid.ru/>, <http://2mm.ru/>, <http://nanya.ru/>, <http://rodim.ru/>, <http://www.detstvo.ru/>. Целью анализа было выявить, какие темы наиболее актуальны на разных этапах развития ребенка. На этих сайтах был проанализирован контент форумов, выявлено пять основных тем сообщений на форумах: уход, развитие, воспитание, медицина, психологическая помощь. Контент фо-

румов был посчитан в соответствии с этими темами, а также относительно возраста детей, при анализе рассматривались следующие возрасты: 0–1 год, 1–4 года, 4–6(7) лет. В результате выяснилось, что наиболее активное обращение родителей на форумы приходится на возраст 1–4 года – 50% всех запросов, далее идут темы, связанные с возрастом 0–1 год (35%).

При возрасте ребенка до года большая часть запросов связана с уходом за ним (51%) и с медициной (26%), это объясняется тем, что в первый год жизни основное, что требуется ребенку, – это уход. При взрослении ребенка появляются вопросы о воспитании, матерям начинает требоваться психологическая помощь. Когда дети подрастают, важность вопросов воспитания увеличивается, и к возрасту 4–6(7) лет, доля запросов по воспитанию достигает 66%.

Что же касается авторитетов в воспитании ребенка, то здесь предпочтения отдаются супругу (30%), а бабушки и специалисты находятся на одном уровне (20% и 21% соответственно). Также авторитетным является мнение знакомых с детьми (7%). Интересно отметить, что с появлением второго ребенка авторитет отца в воспитании ребенка увеличивается (с 29% до 31%), а родителей уменьшается (с 22% до 16%). Возрастает важность собственного мнения (с 4% до 9%).

С появлением второго ребенка немного уменьшается доля нематериальных трансфертов в целом и увеличивается доля материальных, что вызвано увеличением собственного опыта в обращении с детьми и увеличением числа иждивенцев в семье.

Среди элементов социальной сети, в которую включена семья с маленькими детьми, родители жены играют роль основного донора нематериальной помощи. Как указывала С.Ю. Барсукова, старшее поколение в заботе о внуках видит проявление своей полезности и востребованности. Согласно распределению типов деятельности, родители жены в равной степени присматривают за ребенком, помогают деньгами, советами и покупают вещи/игрушки/книги. Эти данные подтверждаются в интервью. Бабушки, чаще всего по материнской линии, являются основными донорами временного ресурса. Как сказала одна из респондентов (Алена, 27 лет, не работает, 2 детей: дочери – 3 года и 4 месяца), «она имела возможность проводить у нас время»³¹. Способы времяпрепровождения сильно варьируются в зависимости от возраста ребенка: чем младше ребенок, тем больше роль бабушки является замещающей по отношению к матери: «Она полностью меня замещает, когда меня нет» (Мария,

31 год, не работает, дочь – 1 год)³². Начиная с 1–2 лет, роль бабушки начинает меняться, основной задачей становится уже не просто заместить маму, но занять время ребенка. Основываясь на данных интервью, можно выделить два основных типа времяпрепровождения: 1) *развивающий*: «Она учит его словам» (Анна, не работает, 23 года, сын – 1,5 года)³³, «Бабушка много ему читает... Он с ней выучил Чуковского, Муху-Цокотуху» (Полина, 34 года, работает, в разводе, 2 детей: дочь – 12 лет, сын – 4 года)³⁴; 2) *развлекающий*: «Она старается в первую очередь... почитать и заинтересовать ребенка» (Ирина, 30 лет, работает, дочь – 6 лет)³⁵, «Делает разные интересные штучки, поделки» (Ирина, 28 лет, дочь – 6 лет, работает, в разводе)³⁶, «Они (родители) играют, гуляют, читают, они занимают его время, они умеют это делать» (Антон, 31 год, работает, в разводе, сын – 6 лет)³⁷.

Интересен тот факт, что, несмотря на значительное донорство со стороны бабушек, они не воспринимаются матерями как основные помощники. Главными помощниками матери называют отцов, основной вид помощи, который они получают, – это активные занятия с ребенком: «А муж он все-таки больше на спорт, на игры: он ее подбрасывает» (Мария, 31 год, не работает, дочь – 1 год)³⁸, «Он научил Ксюшку кататься на коньках, то есть он научил ее таким вещам, которые необходимы» (Ирина, 30 лет, работает, дочь – 6 лет)³⁹. Также можно подчеркнуть авторитет отца. В конфликтных ситуациях матери прибегают к нему: «Если дети меня не слушают, могу папу подключить, у него авторитет...» (Таня, 27 лет, не работает, 2 детей: дочь – 2 года, сын – 1 год)⁴⁰. Можно выделить иные виды деятельности отцов, все они связаны с вечерними занятиями: испускать ребенка, уложить его спать.

По данным исследования, уровень общения с родителями мужа или жены зависит от того, проживает ли семья совместно с родителями или раздельно. Совместное проживание с родителями жены увеличивает общение с ними с 5 до 42%, уровень общения с родителями мужа остается на одном уровне – 13%. И здесь обнаруживается парадокс: при отдельном проживании семьи общение с родителями мужа происходит гораздо чаще, чем с родителями жены (51% против 14%). То есть помощь от родителей жены не воспринимается как «общение», а «общение» на постоянной основе происходит с родителями мужа.

В целом с появлением ребенка тенденция такова: респонденты начинают чаще общаться с родственниками, меньше с друзьями и приобретают новых знакомых «на почве» детей. Таким образом,

круг общения сужается до людей, находящихся в центре и середине социальной сети по степени родства, и происходит смещение на знакомых, которые обладают схожим социальным капиталом, а именно знаниями по уходу и воспитанию ребенка.

Данные анкетного опроса были подтверждены интервью, которые отображают ту же тенденцию. Как отмечают респонденты, все изменения в структуре общения связаны с временным ресурсом. Ввиду того что у родственников (чаще всего речь идет о родителях) есть время посещать своих дочерей-внуков, а сами молодые мамы оказываются в ситуации, когда они не могут надолго покинуть ребенка (особенно в первый год жизни), происходит интенсификация общения: «Это теперь самые лучшие гости у нас дома. Моя мама теперь приезжает каждый день» (Мария, 31 год, не работает, дочь – 1 год)⁴¹. У молодой мамы уже нет времени на друзей, общение с которыми ранее происходило вне дома. Посещая места по детским нуждам (на прогулке, в поликлинике, в кружках), мамы знакомятся с другими мамами, происходит совпадение интересов и временного распределения. С течением времени происходит увеличение плотности контактов. Так это описывают сами респонденты: «У кого дети есть маленькие, с теми больше начала общаться, а так нет времени вечером уже куда-нибудь сходить. ...Новые знакомые появляются, но уже связанные именно с детьми. Допустим, на площадке играешь с ребенком, и родители уже между собой знакомятся. Иногда достаточно тесно. Друг к другу в гости ходят... начинается все с детей, а потом уже все по интересам» (Таня, 27 лет, не работает, 2 детей: девочка – 2 года, мальчик – 1 год)⁴²; «Я не работала и гуляла в парке, там встретила таких же молодых мамочек, как и я. И сейчас мы продолжаем с ними общаться на протяжении фактически 6 лет. Плюс появились новые знакомые, когда Ксюша пошла в детский сад ...мы очень тесно общаемся и много времени проводим вместе и поэтому обсуждаем уже и наши личные проблемы в семье и на работе» (Ирина, 30 лет, работает, дочь – 6 лет)⁴³.

Наличие ребенка неминуемо ставит вопрос о распределении времени в семье. По данным С.Ю. Барсуковой и В.В. Радаева, прежде всего возрастает общая нагрузка родителей⁴⁴. Приходится уделять больше времени домашним обязанностям и вдобавок пытаться больше зарабатывать для поддержания привычного уровня жизни. Серьезного перераспределения трудовых затрат между супругами не наблюдается. Здесь следует углубиться в тему услуг по уходу за детьми, а именно использования детских садов, услуг

нянь, домашних работниц. Согласно обследованию «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»⁴⁵ (РиДМиЖ), из всех домохозяйств с детьми до 14 лет (2824) 44% вообще не прибегают к какой бы то ни было внесемейной помощи, обходясь собственными силами. В 15% домохозяйств женщина не получает никакой помощи ни от членов домохозяйства, ни извне. Согласно нашему исследованию, только 0,9% не получают помощи, однако эти данные не являются репрезентативными и требуют уточнения. Итак, 44% женщин не прибегают к внесемейной помощи. Институциональными услугами (детские сады, ясли, группы продленного дня) регулярно пользуются 35,5% домохозяйств с детьми до 14 лет. Наиболее распространенными являются услуги детского сада или ясель. Услуги профессиональных нянь – это в первую очередь городской феномен (концентрирующийся в крупных городах Москве и Санкт-Петербурге, где услугами няни пользуются 4% семей с детьми). В нашем исследовании 80% семей никогда не пользовались услугами няни, 88% не используют услуги домашних работниц. Таким образом, если у семьи нет возможности устроить ребенка в детский сад, то это компенсируется не наймом няни, а привлечением старшего поколения.

Затрагивая тему использования услуг няни, следует отметить проблему, с которой сталкиваются все матери: как доверить своего ребенка незнакомому человеку? И здесь на другую чашу весов ставится невозможность контролировать родственников, когда они остаются с детьми, так, как можно контролировать работника по найму. Вот что говорят респонденты, которые пользовались или пользуются услугами няни: «Вот двоякая ситуация: с одной стороны, родственник – хорошо, потому что ты точно знаешь и уверен, что твоему ребенку ничего не сделают, что это близкий человек, и он чувствует свою ответственность. Но, с другой стороны, родственник на добровольной основе сидит, и ты не вправе на него все обязанности переложить, как бы тебе этого ни хотелось» (Алена, 27 лет, не работает, дочь – 3 года, есть няня)⁴⁶. «Если бы она осталась с близким человеком, мне было бы спокойнее, с одной стороны, но есть и другая сторона, няне я могу сказать... как себя вести» (Катя, 22 года, работает, дочь – 1 год, есть няня)⁴⁷. Частично недоверие к няне снимается, если в процессе поиска используются социальные сети. Положительный опыт знакомых может повлиять на выбор няни: «Мы по знакомству брали, у людей, у которых она раньше работала, они очень довольны» (Таня 27 лет, не работает, 2 детей: девочка – 2 года, мальчик – 1 год)⁴⁸.

Два основных параметра, влияющих на потребление услуг по уходу за детьми, – возраст и число детей. Чем старше ребенок, тем меньше он требует ухода и тем большую роль в его образовании начинает играть школа. В семьях с несколькими детьми уход чаще осуществляется членами семьи (неработающими матерями, бабушками, старшими детьми), но одновременно возрастает потребление институциональных услуг. Данные обследования подтверждают статистику: максимальное потребление услуг детских учреждений приходится на семьи с детьми 4–6 лет. Однако в данном случае принципиально важен другой факт: именно в этих семьях институциональные услуги в значительной мере дополняются услугами частных лиц, проживающих в домохозяйстве или вне его.

Согласно данным РИДМИЖ, занятые матери в целом пользуются помощью по уходу за детьми чаще, чем незанятые. Тем не менее и незанятые женщины прибегают к услугам по уходу за детьми довольно часто. Работающие матери пользуются более широким набором институциональных услуг по сравнению с незанятыми женщинами. При низком уровне доступности институциональных услуг помощь от социальных сетей является единственной реальной возможностью оставить с кем-то ребенка.

Выводы. Итак, почти все семьи включены в реципрокные обмены. В большей степени семьи склонны выступать в качестве донора детских вещей. Основным донором нематериальных трансфертов для семей с маленькими детьми выступают бабушки, а друзья и родственники в большей степени являются посредниками или информаторами. Основным источником информации о детских вещах является Интернет. Но доля использующих его непосредственно для обмена невелика. Реципрокные обмены персонифицированы, большую роль в них играют сами участники, а не дар. Возвратный дар имеет пролонгированное действие. Ответный ход не обязательно будет в момент получения. Для семей с маленькими детьми в роли реципиента чаще всего выступают родственники, даже если сама семья не использует сети для получения вещей и помощи.

Основную материальную и нематериальную помощь в социальной сети семьи получают от родителей жены. С родителями мужа общение происходит на постоянной основе без предоставления помощи. Посредством социальных сетей семьи с маленькими детьми получают в основном нематериальную помощь, что обусловлено отсутствием предшествующего опыта по воспитанию и уходу за

ребенком. С рождением первого ребенка основными носителями информации для родителей становятся специалисты и друзья с детьми. Ближайшим агентом, становятся информацией по уходу за ребенком, является старшее поколение, но его опыт часто рассматривается как устаревший. С появлением второго ребенка, когда семьи уже имеют определенный опыт по уходу за ребенком и по воспитанию, накопление информации происходит только по отношению к первому ребенку, и советы старшего поколения постепенно теряют свою необходимость. Мнение супруга является авторитетным при решении вопросов, связанных с воспитанием ребенка. Занятость женщины имеет прямую зависимость от использования институциональных услуг (если дети ходят в детский сад, то больше вероятность того, что женщина будет работать) или помощи родственников (обычно бабушек).

Основная характеристика Интернета как источника информации – многообразие мнений и информации, что является одновременно и плюсом, и минусом. Обилие информации может дезориентировать человека, и как следствие Интернет перестает рассматриваться в качестве надежного источника информации. Друзья и коллеги по работе практически не включены в нематериальную помощь домохозяйству, связанную с воспитанием и уходом за ребенком, ввиду смены вектора общения на знакомых с детьми.

Таким образом, российские семьи используют социальные сети как материальный и нематериальный ресурс, способствующий выживанию и благополучию семьи в непростых социально-экономических условиях.

Примечания

- ¹ *Мосс М.* Очерк о даре // Общества. Обмен. Личность: Труды по соц. антропологии: [Пер. с фр.]. М.: Восточная литература, 1996.
- ² *Грановеттер М.* Сила слабых связей (Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50). [Электронный ресурс] // Экономическая социология. URL: http://ecsoc.hse.ru/___pdf/data/299/590/1234/5ecsoc_t10_n4.pdf (дата обращения: 10.10.2012).
- ³ *Буравой М.* К теории экономической инволюции: исследование российской эксплоярной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 61–83.
- ⁴ *Робертс Б.* Неформальная экономика и семейные стратегии // Там же. С. 313–342.

- 5 *Гершуни Дж.* Бюджеты времени и неформальная экономическая деятельность // Там же. С. 343–355.
- 6 *Рона-Тас А.* Устойчивость социальных сетей в посткоммунистической трансформации Восточной Европы // Там же. С. 396–408.
- 7 *Шанин Т.* Эксплоярные экономики: политэкономия общественных обочин // Там же. С. 545–554.
- 8 *Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
- 9 *Градосельская Г.В.* Социальные сети: обмен частными трансфертами (Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 156–163) // Наука. Интернет. Россия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj99-grado.html> (дата обращения: 10.10.2012).
- 10 *Штейнберг И.* Русское чудо: локальные и семейные сети взаимоподдержки и их трансформация // Неформальная экономика. Россия и мир. С. 227–239.
- 11 Автор выражает благодарность за помощь в сборе эмпирической информации выпускнице РГГУ Сметаниной А.В.
- 12 *Грановеттер М.* Указ. соч.
- 13 *Рона-Тас А.* Указ. соч.
- 14 Цит по: *Грановеттер М.* Указ. соч.
- 15 *Барсукова С.Ю.* Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования (Социологические исследования. 2005. № 8) // Экономика. Социология. Менеджмент. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/281716.html> (дата обращения: 10.10.2012).
- 16 *Градосельская Г.В.* Указ. соч.
- 17 *Фадеева О.* Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе // Неформальная экономика. Россия и мир. С. 184.
- 18 *Барсукова С.Ю.* Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара (Мир России. 2003. Т. 12. № 2. С. 81–112) // Экономика. Социология. Менеджмент. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecsocman.hse.ru/data/489/007/1220/2003_n2_p81-122.pdf (дата обращения: 10.10.2012).
- 19 *Барсукова С.Ю.* Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования. С. 34–45.
- 20 Интервью 8, архив автора. С. 2.
- 21 Интервью 10, архив автора. С. 2.
- 22 Интервью 5, архив автора. С. 2.
- 23 Интервью 9, архив автора. С. 2.
- 24 Интервью 1, архив автора. С. 4.
- 25 Интервью 9, архив автора. С. 2.
- 26 Интервью 8, архив автора. С. 3.
- 27 Интервью 5, архив автора. С. 3.
- 28 Интервью 2, архив автора. С. 3.

- ²⁹ Интервью 6, архив автора. С. 6.
- ³⁰ Интервью 1, архив автора. С. 3.
- ³¹ Интервью 1, архив автора. С. 2.
- ³² Интервью 8, архив автора. С. 3.
- ³³ Интервью 3, архив автора. С. 5.
- ³⁴ Интервью 9, архив автора. С. 5.
- ³⁵ Интервью 5, архив автора. С. 4.
- ³⁶ Интервью 4, архив автора. С. 2.
- ³⁷ Интервью 2, архив автора. С. 3.
- ³⁸ Интервью 8, архив автора. С. 4.
- ³⁹ Интервью 5, архив автора. С. 5.
- ⁴⁰ Интервью 10, архив автора. С. 3.
- ⁴¹ Интервью 8, архив автора. С. 4.
- ⁴² Интервью 10, архив автора. С. 1.
- ⁴³ Интервью 5, архив автора. С. 1.
- ⁴⁴ *Барсукова С.Ю., Радаев В.В.* Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье (Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 2. С. 23–60) // Экономическая социология. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecsoc.hse.ru/data/114/587/1234/ecsoc_t2_n2.pdf#page=23 (дата обращения: 10.10.2012).
- ⁴⁵ *Синявская О.В., Гладникова Е.В.* Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСЦ, 2007. С. 345–376.
- ⁴⁶ Интервью 1, архив автора. С. 7.
- ⁴⁷ Интервью 6, архив автора. С. 4.
- ⁴⁸ Интервью 10, архив автора. С. 5.

Ю.В. Кравченко

УСТОЙЧИВОСТЬ МОЛОДОЙ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА
(По материалам исследования в Ростовской области)

Статья посвящена анализу социально-экономического положения молодой семьи в регионе и его влияния на семейную стабильность с учетом специфики сельского пространства. Анализируются основные тенденции брачного поведения, факторы разводов и перспективы семейной политики.

Ключевые слова: адаптация, молодая семья, социально-экономическое пространство, устойчивость семьи, бюджет семьи.

Любые серьезные изменения в обществе имеют свое преломление в быту молодой семьи в связи с особенностями этого института. Статистика свидетельствует, что переход к рыночной экономике, а также дрящущийся в настоящее время мировой финансовый кризис весьма болезненно отразились на состоянии молодой семьи, проживающей в сельской местности. В таких условиях актуальным представляется проведение и анализ исследований механизма адаптации сельской семьи и ее традиционных устоев к новым экономическим реалиям.

Оценка состояний современной молодой семьи, тенденций, протекающих в этом социальном институте, в данной статье проведена на примере Ростовской области. Организуя социологическое исследование молодых сельских семей на территории области, мы попытались найти и определить те направления, которые позволили бы создать благоприятные условия для формирования и реализации ее потенциала. Одним из важнейших условий развития социально-экономического потенциала семьи является ее матери-

альное положение. В связи с этим нами изучались доходы, расходы молодых семей и самооценка молодежью своего материального положения. Также супруги опрашивались на предмет изучения обеспеченности молодежи жильем.

Опрос проходил на территории Ростовской области весной 2011 г. Базой исследования стали сельские поселения области (поселок Зерновой Зерноградского района, хутор Уютный Пролетарского района). Единицей измерения была выбрана супружеская пара, возраст супругов которой составил от 18 до 29 лет. По репрезентативной выборке было опрошено 460 человек: 230 мужчин и 230 женщин, относящихся к категории молодых семей. Был применен анкетный способ получения информации.

Поскольку исследование было направлено на то, чтобы выявить влияние социально-экономического потенциала региона на устойчивость молодой семьи, то нас прежде всего интересовало, какую нишу занимает материальное состояние в семейном благополучии. Результаты проведенного социологического исследования свидетельствуют, что проблема материального достатка семьи находится на втором месте по значимости после отношений между супругами: так ответили 54,7% респондентов из сельской местности.

Согласно результатам пилотажного исследования экономического положения семей, 42% молодых пар считают, что их семья испытывает материальные затруднения, при этом из общего числа пар, имеющих ребенка, 38% указали на то, что после его рождения материальные затруднения стали более весомыми и значительными¹. Как правило, основными источниками формирования бюджета молодой семьи являются заработная плата супруга или супруги, стипендия супруга или супруги и финансовая помощь родителей. О том, насколько важна для молодой семьи помощь родителей, говорят данные проведенного нами исследования: 54% пар указали на то, что материальная помощь со стороны их родителей является одним из основных источников формирования бюджета семьи, дополнительный заработок имеют 42% опрошенных, спасает также и подсобное хозяйство (14% всех ответов). Экономический кризис, охвативший современный мир, в том числе и нашу страну, не страшен тем, кто живет сегодня на селе и имеет свое хорошее подворье. Но молодая семья все же больше ориентируется на основное место работы или случайные заработки, постепенно происходит отход от сельскохозяйственной ориентации, особенно на личное хозяйство.

Достаточно низкая финансовая обеспеченность сельских семей подтверждается данными о расходах. Основная часть бюджета семьи, что составило 31% от всего количества опрошенных респондентов, тратится на питание, на содержание жилья и одежду, 18% и 17% соответственно, на получение образования и лечение – 9 и 8% соответственно. И лишь сравнительно небольшая доля молодых семей может позволить себе откладывать часть семейного бюджета на покупку недвижимости (9%) или автомобиля (5%).

Таблица 1

Структура расходов обследованных молодых семей

Статья расходов	Семьи, указавшие на то, что именно на данную статью расходуеться одна из основных частей семейного бюджета, %
Питание	31
Покупка одежды	17
Оплата жилищно-коммунальных услуг	18
Покупка медикаментов	8
Оплата учебы супруга/супруги	9
Ежемесячные расходы, связанные с откладыванием средств на покупку жилья	9
Ежемесячное откладывание материальных средств на покупку автомобиля	5

Полученные результаты демонстрируют достаточно низкий качественный уровень жизни молодых семей, позволяющий удовлетворять только основные потребности.

Современная молодая семья переживает сложный период своего развития. Изменения, происходящие в обществе, привели к существенным изменениям потребностей людей в исполнении ими социальных функций и ролей членов семьи. В России на сегодняшний день молодая семья испытывает множество социально-экономических и духовно-нравственных проблем. Согласно результатам проведенного нами исследования, оценивая степень значимости трудностей семьи с учетом специфики места проживания, $\frac{2}{3}$ опро-

шенных нами респондентов обоих полов считают одной из важных и трудноразрешимых проблем молодой семьи жилищную. Жилищные условия молодой семьи являются не только важным аспектом материального благосостояния, но и показателем качества жизни. Данная ситуация во многом обусловлена сокращением жилищного строительства, свертыванием практики предоставления бесплатного жилья государством и недоступностью жилья из-за его высокой стоимости на свободном рынке². Важность решения жилищного вопроса молодыми семьями вытекает из того, что они связывают неудовлетворительные жилищные условия со степенью достигнутого семейного счастья.

Молодые люди, создавая семью, прежде всего сталкиваются с материальными и жилищными проблемами. Однако по данным многочисленных исследований материальная и жилищная обеспеченность на стабильность семьи непосредственно не влияет. Но плохое экономическое положение семьи зачастую усиливает конфликтные ситуации. Чтобы выявить, какое же влияние на молодую семью оказывают жилищные и материальные проблемы, респондентам было предложено конкретизировать, что может способствовать распаду их семьи.

Из предложенных вариантов 66% респондентов (из них большая часть женщины) чаще всего отмечали легкомысленное отношение к созданию семьи, в частности моральную и материальную безответственность. На втором месте оказались жилищные трудности, что составило 34% ответов. Далее были выбраны вмешательство родных (29%), отсутствие жизненного опыта (28%) и пережитки прошлого, куда вошли пьянство и ревность (21%). Половая неудовлетворенность (17,5%) заняла последнее место в иерархии основных причин развода среди молодежи.

Экономическое положение молодых семей в пределах одной области, в данном случае Ростовской, как показало наше исследование, имеет существенные различия. Примерно 45% семейных пар отнесли себя к экономически стабильной категории семьи, а остальная часть – к социально незащищенной категории, из которых 30% отметили низкую заработную плату и 20% проблемы с трудоустройством. Оценивая уровень собственного материального благополучия, больше половины респондентов ответили, что на необходимое хватает. Количество семей, живущих от зарплаты до зарплаты, составило 25,3% от общего числа респондентов, а 18% опрошенных отнесли себя к обеспеченным семьям, и лишь 4,3% отметили, что «не хватает на самое необходимое». Данные результаты

позволяют судить об общей финансовой картине молодой семьи в регионе. На фоне снижения уровня жизни сельского населения такие показатели говорят о процессе социально-экономического расслоения деревни. Разница в уровне социально-экономической обеспеченности семьи во многом связана со степенью отдаленности деревни от районного центра или города. Степень урбанизации является очень важным фактором, влияющим на выбор первоочередных мер государственной помощи семье. Различия в урбанизации проявляются не только в разных регионах, но и в пределах одной области в зависимости от типа поселений. В малых селах меньше вариантов для выбора профессии по душе. Как правило, все местные жители преимущественно ориентированы на занятие сельским хозяйством. Стоит заметить, что во многих отдаленных уголках страны сельский быт находится на уровне начала прошлого века. Проживание же в крупном населенном пункте означает более тесную связь с городом, большую обеспеченность культурно-бытовыми услугами и возможностями для выбора профессии и достойной работы. Сельская молодежь, лишенная нормальных культурно-бытовых условий, испытывает желание переселиться в город. Этот фактор приобретает все более тревожный характер, так как происходит старение сельского населения, а город оказывается перенаселенным³.

Неблагоприятная экономическая ситуация в области во многом отражается на репродуктивной функции молодой семьи. Результаты нашего исследования показывают явную зависимость ожидаемого и желаемого числа детей от совокупного дохода семьи. Желаемое количество детей практически не зависит от доходов семьи, в то время как планируемое число детей зависит от материальной обеспеченности в большей степени. Большая часть опрошенных респондентов пока не обзавелись детьми. А причиной, мешающей рождению детей большинству семейных пар назвало отсутствие материальной базы, что составило 54% всех ответов. Все заметнее утверждается желание пожить для себя – 20% ответов сельских пар. Вышесказанное говорит о наличии признаков дезорганизации среди молодежи. В связи с этим важной становится проблема рождаемости в молодых семьях, репродуктивные установки современной молодежи.

Всегда ли семья может справиться со своими проблемами самостоятельно и какие меры по укреплению семьи являются более эффективными? В ходе исследования выяснилось: больше половины опрошенных считают, что улучшение жилищных условий, а также

всесторонняя помощь со стороны государства будет самой эффективной мерой в укреплении их союза; 48,4% придерживаются мнения, что трудоустройство и организация быта также значимо для сельской молодежи; 39,8% респондентов отметили необходимость увеличения доходов в связи с рождением детей и лишь 32,4% заявило об улучшении подготовки молодежи к браку как об одной из эффективных мер сохранения семейного счастья.

Анализ влияния социально-экономического состояния региона на стабильность молодой семьи позволяет сделать некоторые выводы. Проблема материального достатка современной семьи является одной из значимых составляющих семейного благополучия. Полученные нами данные показывают достаточно низкий качественный уровень жизни молодых семей, позволяющий удовлетворить только основные базовые потребности. Но при этом существует явная дифференциация материального состояния молодых семей в пределах одного региона. Наблюдается процесс социально-экономического расслоения сельского населения.

Поэтому социально-экономическое положение сельской молодой семьи требует повышения роли государства в создании нормальных условий для достижения ими необходимого уровня благополучия. Таким образом, научная и практическая значимость полученных результатов состоит в актуализации разработки и реализации комплексной социальной программы поддержки молодых семей именно на региональном уровне.

Примечания

- ¹ *Исакова Е.В.* Основные проблемы молодых семей и анализ существующих путей их решения: Интернет-конференция с 1.03.10 по 4.04.10 «Дети и молодежь». URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/33373537> (дата обращения: 4.04.2012).
- ² *Мацковский М.С.* Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. М.: Экст, 2009. С. 85.
- ³ *Сорокина Е. С.* Жизненные стратегии молодой семьи: социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.

А.С. Кормилец

ПОЛОЖЕНИЕ МОЛОДЫХ ИНВАЛИДОВ В ГОРОДЕ МОСКВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена исследованию проблем жизнедеятельности молодых москвичей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации вследствие инвалидности. Социальный состав, причины инвалидности, социально-демографические характеристики инвалидов в Москве анализируются в контексте региональной социальной политики.

Ключевые слова: социальная защита, инвалиды, молодые инвалиды, жизнедеятельность молодых инвалидов.

Во всем мире, в том числе и в России, наблюдается неуклонный рост численности инвалидов. По материалам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) инвалиды составляют не менее 10% населения земного шара. В Российской Федерации, по официальным данным, в 1999 г. численность инвалидов всех возрастов, зарегистрированных в органах социальной защиты, составляла 8,9 млн человек, в 2002 г. – более 10,9 млн человек¹. Что касается данных об инвалидах Москвы, то если в 2009 г. взрослых инвалидов насчитывалось 1 1169 135 чел., то на начало 2012 г. – 1 192 520 человек.

Быстрыми темпами растет в городе детская инвалидность: в 2009 г. детей-инвалидов в возрасте до 18 лет было 26 441 человек, в 2010 г. – 27 112 человек, в 2011 г. – 28 014 человек, а в 2012 г. – 30 059 человек.

Приведенные данные неуклонного роста инвалидности как во взрослой, так и в детской среде, а также ее последующий прогнозируемый рост говорят о том, что инвалидность как проблема стано-

вится проблемой общества в целом, в том числе лиц трудоспособного возраста.

В нашей стране политика по отношению к инвалидам развивалась от медицинской к социальной модели.

До настоящего времени идут дискуссии по поводу того, какой термин наиболее приемлем по отношению к людям, имеющим инвалидность. В последнее время в нашей стране, несмотря на то что термин «инвалид» остался в законодательстве РФ, все более распространенным становится термин «лицо с ограниченными возможностями», и здесь можно согласиться с Р.А. Костиным, что при данной формулировке понятие становится более размытым, так как не понятно, в какой сфере жизнедеятельности у данного лица ограничены возможности. Это может быть коммерческая деятельность, творческая деятельность, выбор экзотических профессий и многое другое. Поэтому термин «лицо с ограниченными возможностями» не отражает специфику состояния гражданина. Если есть желание уйти от термина «инвалид», можно ввести взамен него термин «лицо с ограничениями жизнедеятельности», что соответствует как положению инвалида, так и терминологии, принятой в международном сообществе².

Проблема инвалидов в России становится приоритетной, значимой задачей государства не только с экономической, но и с социальной точки зрения, которая состоит, на наш взгляд, из двух частей: профилактика инвалидности с целью ее минимизации, а также постановка на более высокий уровень процессов социальной адаптации, реабилитации людей, ставших инвалидами, обеспечение им комфортных условий для жизни, включающих активную деятельность, приносящую сознание своей нужности обществу и чувство удовлетворения этой деятельностью, так как самым тяжким последствием инвалидности является нарушение социализации личности из-за смены социальных координат жизнедеятельности инвалида.

По определению ВОЗ, реабилитация – это комплекс социальных, медицинских, педагогических и профессиональных мероприятий, имеющих цель подготовить или переподготовить индивидуума для достижения его оптимальной трудоспособности. В России принято и до сих пор действует определение, сформулированное еще на совещании министров здравоохранения стран СЭВ (Прага, 1967), смысл которого заключается в том, что реабилитация – это система государственных, социально-экономических, медицинских, профессиональных, педагогических и других мероприятий, направленных

на предупреждение развития патологических процессов, приводящих к временной или стойкой утрате работоспособности, и на эффективное и раннее возвращение больных и инвалидов в общество и к общественно-полезному труду³. Цель реабилитации – восстановление социального статуса инвалида, достижение им материальной независимости и его социальная адаптация, и основной упор здесь ставится на всестороннее восстановление утраченных возможностей и возврат к трудовой деятельности⁴.

Несмотря на довольно большое количество научных работ, связанных с проблемами инвалидов в целом, степень освещения этих проблем с позиций социологии в региональном срезе остается относительно невысокой.

Проблемы инвалидов Москвы всегда находятся в центре внимания власти города, научной среды города и общественности. В городе много делается для создания комфортной среды проживания для инвалидов, меняется облик общественного транспорта: он становится более доступным для инвалидов; создана и существует в городе служба «Социальное такси»; благоустраиваются дворы, придворовые территории, подъезды, квартиры, в которых проживают инвалиды. Более доступными для инвалидов стали медицинские, торговые и торгово-развлекательные объекты, а также объекты культуры и культурно-досуговые центры. Все эти направления работы органов исполнительной власти города отражены в регулярно принимаемых с 1998 г. комплексных программах реабилитации инвалидов, а с 2012 г. в городе действует долгосрочная государственная программа «Социальная поддержка жителей города Москвы на 2012–2016 годы», утвержденная постановлением правительства Москвы № 420-ПП от 06.09.2011.

С 1999 г. регулярно осуществляет свою деятельность Координационный совет по делам инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности при мэре Москвы, куда входят представители заинтересованных органов исполнительной власти города и наиболее значимых объединений инвалидов города. Их авторитетные замечания по направлениям деятельности, связанным с проблемами инвалидов, учитываются и находятся на особом контроле мэра Москвы. Огромный мегаполис шаг за шагом ликвидирует барьеры, препятствующие комфортной жизни своих наиболее незащищенных граждан.

Регулярное проведение опросов различных категорий жителей по волнующим их вопросам – это одна из черт стиля работы правительства города и его структур.

Данное исследование основывается на проведенном социологическом опросе в виде анонимного анкетирования более 1000 московских инвалидов с целью выяснения вопросов, связанных с проживанием и жизнеустройством инвалидов в Москве, для дальнейшей корректировки государственной программы. Анкета состояла из 57 вопросов, касающихся различных сторон жизни инвалидов. В опросе приняло участие 1003 инвалида (503 мужчины и 500 женщин). Для опроса была взята категория «молодые инвалиды», т. е. люди в возрасте от 18 до 30 лет. Возраст респондентов поделен на следующие возрастные группы: 18–20 лет – 21,9%, 21–25 лет – 33,9% и 26–30 лет – 44,2%, из этого следует, что группа инвалидов 26–30 лет является в нашем опросе основной.

Из 1003 человек имеют инвалидность I группы – 20% (201 чел), II группы – 36,1% (362 чел), III группы – 43,9% (440 чел), т. е. по объективным данным, принимая во внимание, что инвалидность II и III групп являются рабочими, 80% опрошенных или 802 человека являются трудоспособными.

Основная категория инвалидов исследуемой группы – это инвалиды с детства 78,3% (785 чел.), инвалиды по общему заболеванию составили 9,2% (92 чел.), инвалиды вследствие несчастных случаев – 9% (90 чел.), инвалиды с заболеванием нервной системы – 12%, вследствие психических заболеваний и заболеваний опорно-двигательного аппарата – по 0,8%, диабета – 0,5%, онкологии – 0,3%.

Годы рождения и детства самой большой группы – инвалидов с детства – приходятся на период с 1986 по 1992 гг., т. е. годы тяжелого социально-экономического положения в стране, которое, безусловно, на наш взгляд, отразилось на здоровье людей данной группы.

В опросе участвовали жители всех 10 административных округов города (на момент проведения опроса (май–июнь 2012 г.) город еще не обладал новоприсоединенными территориями). Примерно одинаковое количество респондентов проживает в ЦАО (12,2%), ВАО (13,1%), ЮВАО (12,7%), 10,7% – в САО, 7,4% – в СЗАО, 6,8% – ЗАО, 2,1% – в ЗелАО. Наибольшее число – 17% опрошенных – проживает в Северо-Восточном административном округе.

Из 1003 инвалидов, принявших участие в анкетном опросе, 843 чел. (84%) являются коренными жителями Москвы, 112 чел., или 11,2%, приехали в Москву из других регионов, но имеют постоянную регистрацию в Москве и только 15 чел., или 1,5%, являются жителями Московской области, но в настоящее время проживают в Москве.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что бóльшая часть социально-демографических показателей исследуемой группы отличается устойчивой стабильностью, так как основной контингент инвалидов пополняется за счет населения Москвы.

На вопрос о семейном положении большинство респондентов – 77,2% – ответили, что они не замужем/холосты, узамы брака связаны 15,5%, в разводе находится 3,5%, в гражданском браке состоят 3,4%. Из состоящих в браке 7,6% имеют мужей (жен) с инвалидностью. Большая часть детей, рожденных в этих браках (13%), не имеет инвалидности, а 3,7% имеют инвалидность, по роду заболевания схожую с одним из родителей.

Из приведенных данных можно сделать вывод о том, что число детей, рожденных без патологий, соответствует числу смешанных браков, т. е. браков, где один из супругов не имеет инвалидности.

Все опрошенные респонденты имеют необходимые социально-бытовые условия. Большинство опрошенных проживает совместно с родителями или родственниками – 71,9%, в собственных квартирах проживает практически $\frac{1}{5}$ часть респондентов, снимают квартиры 2,6%, имеют квартиры на условиях безвозмездного пользования на срок до 5 лет 2,3% (т. е. 23 человека из 1003 – это инвалиды из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей), в общежитиях проживает 1,2%, в коммуналках – 0,3%.

При этом на вопрос о приспособленности имеющегося жилья к потребностям, которое дает наличие в квартире технических средств реабилитации (автономные средства передвижения, вспомогательные приборы, специальные приспособления, а также переоборудованная квартира для проживания инвалида) 41,1% респондентов ответили, что жилье полностью приспособлено для их нужд, 35,9% – что частично, а 19,4% имеют не приспособленные для проживания (с учетом их заболевания) квартиры.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в городе идет планомерная работа по приспособлению жилищного фонда к условиям проживания инвалидов.

Значительный процент совместного проживания инвалидов с родителями и родственниками (71,8%) показывает, что в большинстве случаев соблюдается принцип неразрывной связи инвалида и социальной среды, так как семья, лица, с которыми инвалид общается на работе, во время учебы, отдыха, при посещении медицинских, социальных, общественных учреждений, входят в это поня-

тие. На основании приведенных данных можно предположить, что семья оказывает необходимую поддержку инвалиду и влияет на формирование его личности, развитие и использование навыков к самообслуживанию. Только в условиях семьи можно добиться наиболее высоких показателей в осуществлении своей жизнедеятельности, сохранения социальной и интеллектуальной адекватности. Особенно это становится заметно по сравнению с инвалидами, проживающими в условиях стационарного учреждения.

Распределение инвалидов по уровню образования выглядит следующим образом: 2,3% вообще не учились, неполное среднее образование имеют 18,6%, среднее и среднее специальное образование у большинства опрошенных – 42,6%, незаконченное высшее образование у 16,8%, высшее образование имеют 19,4% инвалидов. Как видно из приведенных данных, 61,2% респондентов имеют средний уровень образования, более высокая профессиональная подготовка (незаконченное высшее и высшее образование) у 36,2% респондентов. Сами по себе эти показатели достаточно высоки, однако если вспомнить, что так дела обстоят в столице, то здесь напрашивается вывод о недостаточном развитии инфраструктуры образовательных учреждений, скудности в наборе профессий (особенно престижных), о недостаточном развитии в Москве высших учебных заведений с дистанционным обучением, и, по всей видимости, инвалиды испытывают трудности в соответствующей образовательной подготовке. Недостаточность этих условий лишает инвалида возможности выбора современной востребованной профессии, что, безусловно, влияет на достойное обеспечение существования инвалида и развитие его личности.

Несмотря на наличие у 97,4% инвалидов образования, в настоящее время, по результатам опроса, 43% не работают, а находятся на полном социальном обеспечении. Работают 20,3% респондентов, учатся 21%, совмещают работу с учебой 15,7%. Такой процент неработающих инвалидов, имеющих образование, свидетельствует о недостаточной работе, проводимой в городе по рациональному трудоустройству инвалидов, а рациональное трудоустройство является одним из направлений профессиональной реабилитации инвалидов. Это важнейшее условие достижения стойкой социально-трудовой адаптации, основными компонентами которой являются приспособление производственной среды к нуждам и потребностям инвалидов, его адаптация к требованиям, предъявляемым производством. Практически повсеместно предпринимателям невыгодно заниматься переоборудованием рабочих мест

для нужд инвалидов, так как это ведет к росту затрат на производстве, а выпускаемая продукция редко бывает настолько выгодной, чтобы эти затраты окупались. Занятость и трудоустройство являются ключевыми элементами социальной интеграции и обеспечения экономической независимости людей с ограничениями жизнедеятельности. По сравнению с лицами без инвалидности, уровень занятости и экономической активности инвалидов находится на крайне низком уровне. Когда у инвалидов появляется возможность выполнять работу, соответствующую их квалификации, интересам и способностям, многие из них доказывают, что могут быть ценными работниками и успешными бизнесменами и отвергают ошибочные представления о своей неспособности работать⁵.

Опыт обучения инвалидов имеет в России богатую историю. Еще в XIX в. среди выпускников высших учебных заведений были инвалиды по зрению. Сегодня таких уполномоченных вузов в нашей стране три: Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Московский государственный социально-гуманитарный институт и Новосибирский государственный технический университет.

11 октября 1990 г. постановлением Совета министров СССР № 1011 был создан Московский институт-интернат для инвалидов с нарушениями опорно-двигательной системы. Теперь он преобразован в Московский государственный социально-гуманитарный институт (МГСГИ). На сегодняшний день в нем обучается 623 человека, из них более 500 студентов очной формы обучения являются инвалидами-опорниками.

Нашим обследованием выявлено, что 24,6% инвалидов в настоящее время обучаются в профессионально-технических училищах (колледжах), 28,3% – в высших учебных заведениях, специальные учебные заведения (для лиц с ограничениями жизнедеятельности) посещают 12%, ходят на различные курсы 5,3% опрошенных, в школах обучаются 7,2% респондентов. То есть по данным исследования 22,5% инвалидов полностью находятся на социальном обеспечении, нигде не работая и не учась, и только 20,5% из всего контингента находящихся на социальном обеспечении, получая социальные пособия, обучаются в тех или иных учебных заведениях. Подавляющее большинство (63,3%) обучается очно, 11% очно-заочно, заочно – 9,4%, дистанционно – 2,4%. Предпочтения по профилю образования: «технический/гуманитарный» распределились примерно поровну – 32,4% и 28,6%. Подавляющее большинство инвалидов

обучается на бюджетной основе (72,1%), обучение на коммерческой основе смогли себе позволить только 9,6% инвалидов.

Несмотря на то что 77,6% инвалидов в настоящее время учатся, свой образовательный уровень уже сейчас хотели бы повысить 42% анкетировуемой группы. На вопрос, что мешает вам это сделать, 23,5% ответили, что состояние здоровья; отсутствие должного финансового положения для продолжения учебы констатировали 9,6%, на удаленность места проживания от места обучения пожаловались 2,1%, на проблемы, связанные с передвижением (отсутствие инфраструктуры, транспортные проблемы, нужен сопровождающий), – 6,1%. Невозможность осуществления желаемого из-за низкого уровня образования, трудностей в общении с окружающими, отсутствие сурдопереводчиков в тех учебных заведениях, куда хотелось бы поступить, признали в общей сложности 7,3%; 3% опрошенных признались, что не против повысить свой образовательный уровень, но им лень этим заниматься.

Отсутствие должного образования повлияло на трудоустройство. По специальности работает 11,9% респондентов, не по специальности – 23,1%, неквалифицированным трудом заняты 0,8%, спортом 0,3%. На имеющуюся в настоящее время работу (12,2% – государственная, 13,2% – негосударственные учреждения, 0,5% заняты общественной деятельностью) инвалиды устроились: через службу занятости – 4,6%, через Интернет – 4,5%, по объявлению в газете – 2,1%, случайно (сам нашел) – 1,2%, после практики, по окончании учебы были трудоустроены – 1,4%, через инвалидные организации – 0,9%, через частное кадровое агентство – 0,1%. На имеющиеся рабочие места инвалиды трудоустроивались в течение нескольких месяцев – 26,1%, свыше года – 6,0%, несколько лет для того, чтобы найти соответствующую работу, понадобилось 3,9% респондентов.

Трудоустроившись, инвалид попадет в общество в основном здоровых людей, которые зачастую мало что знают о проблемах инвалидов, поэтому отношение коллег к лицам с ограничениями жизнедеятельности носит различный характер. В обследуемой группе 29,4% инвалидов считают, что их появление на работе было воспринято коллегами абсолютно нормально, 4,2% посчитали, что их приход вызвал настороженность среди сотрудников, по мнению 1,6% респондентов их появление на новом рабочем месте вызвало негативную реакцию, 0,8% инвалидам удалось скрыть наличие у них инвалидности.

Большинство инвалидов работает в офисе – 20% (из них имеют полностью оборудованные места для работы 7,9%, частично

оборудованные – 6,5%, необорудованные – 4,4%, остальным 1,2% специально оборудованные места для работы не требуются), на площадях производственных помещений (завод, фабрика) – 6,3%, на дому – 5,7%, в магазинах/ресторанах – 0,9%, разъездную работу имеют 0,6%, на специальных предприятиях для инвалидов работают 0,6% инвалидов.

Сложности в трудоустройстве, отношение коллектива, адаптированность самого инвалида к работе в незнакомой среде, степень комфортности рабочего места – все это вместе, на наш взгляд, оказывают влияние на продолжительность работы на последнем месте работы. Свыше 10 лет в одном коллективе работают лишь 0,6% респондентов, от 5 до 10 лет – 6,1%, от 1 года до 5 лет – 12,1%, от 1 месяца до года – 14,4%.

По результатам обследования выяснилось, постоянную работу в семье, где проживает инвалид, имеют родители 56,4% инвалидов, совершеннолетние члены семьи – 13,8%, сам инвалид – 11,1%, супруг/супруга – 10,4%. Основным доходом для большинства семей инвалидов является зарплата – 72,8%, пенсия по инвалидности, социальные выплаты и пособия – 62,1% доход от сдачи в аренду недвижимости, акции – 1,9%, существенной финансовой помощью считают помощь родителей – 0,2%. Свое материальное положение инвалиды оценивают следующим образом: удовлетворительное – 52,3%, скорее тяжелое – 31,9%, как крайнюю нужду свое материальное состояние оценивают 7% респондентов и только 5,6% считают его полностью удовлетворительным.

Немаловажную роль на продолжительность работы на одном месте играет приспособленный городской транспорт, его доступность, так как в результате опроса выяснилось, что общественным транспортом до места работы (учебы) добирается 41,3% инвалидов, на личном транспорте (или подвозят родственники) – 11,2%, службой «Социальное такси» пользуются 1,1%, ходят на работу пешком 3,3%.

Приспособленность общественного транспорта столицы инвалиды оценивают очень низко, несмотря на то что указом Президента Российской Федерации от 1992 г. было предусмотрено постепенное переоборудование населенных пунктов страны к условиям среды, доступной для жизнедеятельности инвалидов, с тем чтобы во вновь строящихся зданиях были предусмотрены элементы, позволяющие обеспечивать безбарьерный характер городского пространства⁶. С сожалением приходится констатировать, что приспособленность объектов городской инфраструктуры и

общественного транспорта к нуждам инвалидов в столице еще довольно далека от удовлетворительной. Говоря об обеспечении лиц с ограничениями самостоятельного передвижения специальными автобусами или автомобилями с подъемниками, а также самолетов, поездов, судов, необходимо признать, что они пока недоступны для инвалидов. Также недостаточно в общественном транспорте информационных табло с надписями или «бегущей строкой», пиктограмм для умственно отсталых. Отсутствие или недостаточное наличие вышеперечисленных технических средств не позволяет инвалидам чувствовать себя комфортно в городе. Дискомфорт увеличивает состояние приспособленности подъездов жилых домов; исследование показало, что полностью приспособленными таковые считают 14,4% респондентов, 43,6% считают свой подъезд частично приспособленным, неприспособленным – 39,3%. Степень приспособленности двора и придворовой территории выглядит следующим образом: 11,5% считают свой двор и прилегающую к нему территорию полностью приспособленной, частично – 50,6%, неприспособленным – 34,6%. Доступность окружающей среды в целом респонденты оценили так: до магазина, почты, аптеки, банка, органов соцзащиты и здравоохранения могут добраться и считают окружающую среду доступной для себя 18,6%, частично приспособленной – 60,5%, совсем неприспособленной – 15,2%.

Несмотря на то что в городе, особенно в последнее десятилетие, много сделано для создания безбарьерной среды для инвалидов и обеспечения их техническими средствами реабилитации (ТСР) (трость опорная – 6,8%, ходунки – 2,2%, коляски – 13,6%, слуховые аппараты – 8,7%, ортопедическая обувь – 3%, подъемник – 1,3% и многое другое), нужда в технических средствах реабилитации по-прежнему имеется (25,4%). Необходимые ТСР уже имеют 68,3% респондентов. Основная численность технических средств реабилитации была получена инвалидами через органы социальной защиты (39,9%). Самостоятельно приобрели с последующей компенсацией через органы социальной защиты 25,6% инвалидов. Большинство инвалидов, получающих ТСР через органы социальной защиты (32,9%), довольны их качеством, 7% недовольны, так как считают их не соответствующими современным требованиям, неудобными в использовании.

Обеспечением инвалидов города Москвы техническими средствами реабилитации занимается государственное бюджетное учреждение «Ресурсный центр для инвалидов», однако несмотря на то что инвалиды столицы не испытывают информационного голо-

да по всем вопросам, относящимся к их жизнеобеспечению и жизнеустойчивости, не слышали об этом центре 34,2%, что-то слышали 36,9% и лишь 15,8% подтвердили, что не только знают об этом центре, но и пользуются его услугами.

Бесплатные реабилитационные услуги, в основном в учреждениях социальной защиты и здравоохранения, согласно индивидуальной программе реабилитации (ИПР) (ее имеют 86,9%, но, согласно опросу, пользуются ИПР полностью 22,4% инвалидов, частично пользуются 40,54%, не пользуются 23,9%) получает подавляющее большинство опрошенных – 60,8%, частично оплаченные – 9,1%, платные услуги – 1,9%, отсутствует желание пользоваться услугами у 13%, не хватает времени для пользоваться ими у 14% инвалидов, не устраивает качество предложенных услуг – 6,7%.

Готовность получить дополнительные платные услуги выразило 60% инвалидов, а возможность их оплатить могло бы быть у 7,2% (от 1003) инвалидов.

Желание инвалидов получать дополнительные реабилитационные услуги, но отсутствие возможности их оплачивать свидетельствует о том, что в городе необходимо расширять спектр оказываемых услуг на бесплатной основе.

В выходные дни, когда появляется свободное время, большинство опрошенной группы инвалидов предпочитает проводить его, встречаясь с друзьями (55,8%). Встречи происходят в кафе и ресторанах у 22,5% опрошенных (несмотря на то что 54% считают эти объекты приспособленными для посещения инвалидов лишь частично, абсолютно не приспособленными – 23,5% и только 5,2% полагают, что эти заведения полностью приспособлены для нужд инвалидов), на улице – 28,1%. Треть респондентов (31,3%) предпочитает ходить друг к другу в гости. Любят ходить в кино, посещать театры 33%, занимаются паралимпийскими видами спорта 7%, смотрят телевизор, слушают музыку 1,7%, посещают центры социального развития (ЦСО) 0,9%, на экскурсии и в музеи ходят 1,2% опрошенных, при этом объекты культуры считают частично приспособленными для нужд инвалидов 65,1%, абсолютно не приспособленными – 18,8%, полностью приспособленными – 26,1%. Объекты физической культуры и спорта также, по мнению большинства респондентов (60,2%), приспособлены для нужд инвалидов только частично, полностью приспособленными их считает 7,7%, абсолютно не приспособленными – 14,8%.

В общественных местах, по мнению 42,2% инвалидов, москвичи равнодушно относятся к их нуждам, 37,9% опрошенных считают,

что жители города готовы прийти им на помощь; негативное отношение к себе со стороны сограждан видят 11,5% инвалидов.

На учете и обслуживании социальными работниками в центрах социального обслуживания по месту жительства состоит 59,4% данной группы, не состоят на учете и обслуживании 31,7%, услугами юристов и психологов центров пользуется 1% респондентов.

Работа органов социальной защиты населения: центров социального обслуживания (ЦСО), районных управлений социальной защиты (РУСЗН), управлений социальной защиты административных округов (ОУСЗН) и Департамента социальной защиты населения города Москвы (ДСЗН) – по 10-балльной оценке выглядит следующим образом (в %):

Баллы	ЦСО	УСЗН	ОУСЗН	ДСЗН
1	1,5	1,8	2,3	2,9
2	0,5	1,0	1,3	1,0
3	2,3	3,6	2,8	4,0
4	2,8	3,9	4,3	3,6
5	6,5	9,9	9,7	9,4
6	5,1	5,4	6,5	5,3
7	7,9	10,0	7,2	9,6
8	16,6	16,7	15,1	13,2
9	15,3	15,2	13,3	11,9
10	27,5	17,0	13,4	14,1

Первое место по популярности среди респондентов имеют центры социального обслуживания населения, расположенные в каждом районе города. И это, в общем, ожидаемый результат, так как центры социального обслуживания, на учете в которых состоят инвалиды, являются самым приближенным звеном из цепи органов и учреждений социальной защиты населения Москвы, где их знают в лицо, знают об их нуждах, где им оказывается помощь как вещевая и предметами бытовой техники, так и продуктовая; где организуются различные культурно-массовые мероприятия, включая обучение работе на компьютере и пользованию Интернетом. Центры непосредственно поддерживают связь с районными управами и муниципалитетами, и с их подачи вносятся коррективы в планы местных властей при оборудовании квартир, подъездов, прилегающих дворовых территорий необходимыми для инвалидов приспособлениями.

В РУСЗН инвалиды обращаются в основном за различными социальными выплатами, за путевками в санатории, за оказанием материальной помощи. Контакт с ОУСЗН происходит при его отсутствии через ЦСО и РУСЗН, так как эти органы призваны осуществлять контроль за деятельностью центров социального обслуживания и управлений социального обслуживания районов в административных округах. Департамент социальной защиты населения города Москвы, исходя из своих функций как органа исполнительной власти города, принимает участие в разработке законов города в рамках направления своей деятельности, в составлении и реализации различных краткосрочных и долгосрочных комплексных программ; осуществляет методическую, аналитическую и иную деятельность в соответствии с Положением о Департаменте социальной защиты населения города Москвы.

Исходя из изложенного выше, оценка по 10-балльной шкале компетентности социальных работников, прикрепленных к нашим респондентам из ЦСО, выглядит следующим образом: 25% оценили ее в 10 баллов, 11% – в 9 баллов, 9,6% – в 8 баллов, в 1–7 баллов – 12,2% респондентов. Оперативность социальных работников по удовлетворению просьб инвалидов по 10-балльной шкале оценена таким образом: 10 баллов поставили 24,5% респондентов, 9 – 11,5%, 8 – 8,9%. Это свидетельствует о достаточно высокой компетенции и мобильности сотрудников ЦСО в городе в целом.

Анализ проблем и возникающих вопросов, изложенных в исследовании, говорит о том, что в целом проблема комплексной реабилитации инвалидов является одной из сложных и важных проблем современного общества. Общепринятым на сегодняшний день является определение реабилитации, сформулированное ООН в результате обсуждения «Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов»: «Реабилитация означает процесс, имеющий целью предоставить инвалидам возможность достичь оптимального физического, интеллектуального, психического и/или социального уровня деятельности и поддерживать его, предоставив им тем самым средства для изменения их жизни и расширения рамок их независимости. Реабилитация может включать меры по обеспечению и/или по восстановлению функций или компенсации утраты или отсутствия функций или функционального ограничения. Процесс реабилитации не предполагает лишь оказание медицинской помощи. Он включает в себя широкий круг мер и деятельности... Необходимо изменить общество с тем, чтобы создать условия для инвалидов, а не изменять индивидуума, имеющего инвалидность, с тем чтобы при-

способить его к жизни общества»⁷. Из этого документа следует, что реабилитация является неотъемлемым правом инвалида и долгом общества перед ним. Власти города Москвы совершенствуют эту работу год от года. В единое целое вовлечены социальные институты и специализированные учреждения города, занимающиеся проблемой реабилитации инвалидов.

Необходимо отметить, что степень комплексной реабилитации инвалидов зависит от многих факторов, среди которых основными, пожалуй, являются состояние здоровья лиц, имеющих инвалидность, уровень патологии их функций, а также возможность окружающей инвалида среды, социума приспособить свои условия к нуждам и потребностям инвалидов. В том случае если общество сводит свои функции сугубо к экономической поддержке инвалидов (такая политика по отношению к инвалидам проводилась в нашей стране до 1990-х годов), которая предусматривает социальные выплаты – пенсии и пособия (даже в размере, необходимом для ведения достойной жизни), оказанию материальной помощи, комплексная реабилитация получит односторонний, однобокий характер.

Результаты социологического обследования молодых инвалидов Москвы позволяют сделать следующие выводы.

1. Основной контингент инвалидов города формируется за счет москвичей, а не приезжего населения.

2. Исходя из данных обследования можно сделать вывод о том, что даже при наличии самой совершенной системы нельзя обеспечить полноценное социальное функционирование лиц, которые в нем не нуждаются (это лица, которых устраивает иждивенческая, зависимая, пассивная жизнь на социальные пособия и выплаты) или к нему неспособны (в данном случае речь идет о реабилитации лиц, имеющих умственные недостатки или ряд психических заболеваний). Пассивность лиц, имеющих инвалидность, говорит о том, что люди смирились со своим положением, с так называемой социальной ущербностью, в связи с чем у них нет желания пользоваться реабилитационными услугами, или на них не хватает времени, или их не устраивает их качество. Таких людей в городе довольно много. Поэтому, на наш взгляд, с ними необходимо проводить индивидуальную работу с привлечением психологов, врачей-реабилитологов.

3. Известно, что инвалидность воздвигает перед человеком множество барьеров, среди которых основными являются физические ограничения и изоляция, трудовая сегрегация, экономическая мало-

обеспеченность, пространственно-средовой барьер, информационный, коммуникативный, эмоциональный барьеры. В среде московских инвалидов информационной барьер практически отсутствует, что свидетельствует о доступности для инвалидов информации как общего плана, так и имеющего непосредственное значение для каждой категории инвалидов, о наличии у них достаточного набора бытовой техники, являющейся информационным носителем (радиоприемники, телевизоры, компьютеры), что, безусловно, выделяет москвичей из общей массы инвалидов в нашей стране. В данном случае это связано с довольно высоким образовательным уровнем инвалидов города (42,6% имеют среднее и среднее специальное образование, а высшее и незаконченное высшее – 36,2%) и, как следствие, с их трудоустройством, что в свою очередь положительным образом влияет на экономический уровень жизни инвалида. Здесь необходимо подчеркнуть, что в рамках различных городских программ этой категории ежегодно выделяются телевизоры, компьютеры, холодильники, стиральные машины и др.

4. В городе проживает более 245 тыс. инвалидов трудоспособного возраста. Медико-социальные показания к трудоустройству установлены 150 тыс. инвалидов, однако мотивацию к трудоустройству имеют 75 тыс. инвалидов. В 2011 г. было создано более 8 тыс. новых рабочих мест для инвалидов, а к 2016 г. должно быть создано еще 12,5 тыс. рабочих мест с сохранением действующих, тем не менее трудовая сегрегация имеет место. Однако в условиях современного экономического кризиса, когда образованные, не имеющие ограничений по здоровью люди не могут найти отвечающую их квалификации работу, инвалиды в силу ограниченности своих физических и/или интеллектуальных способностей, а также неразвитого характера рынка труда для таких лиц не имеют возможности найти работу по специальности и своему образовательному уровню. Но те инвалиды, которые заняли активную позицию по поиску работы, ее нашли с помощью объявлений, своих знакомых, службы по трудоустройству, несмотря на то, что поиски затягивались у некоторых из них на несколько лет.

5. Барьер малообеспеченности не явился определяющим в группе опрошенных. Основная масса респондентов характеризует свое материальное положение как удовлетворительное.

6. Пространственно-средовой барьер из агрессивного по отношению к московским инвалидам становится все более дружественным. Это заметно по оценке обеспечения и качества средств реабилитации. На их плохое качество, несоответствие современным требованиям и неудобству в использовании пожаловалось

соответственно 1,8, 0,7, 0,7%. Удовлетворительную оценку респондентов получили транспорт столицы, приспособленность придворовых территорий, подъездов и квартир, где проживают инвалиды.

7. Эмоциональный барьер в среде московских инвалидов также имеет низкий порог. В общественных местах и на работе люди в основном с пониманием относятся к проблемам инвалидов.

8. Коммуникация не является барьером для наших респондентов. Они активно встречаются с друзьями, ходят друг к другу в гости, посещают кафе и рестораны, кинотеатры и театры. Недостаток в общении, который является одной из трудных социальных проблем, не выявлен в критической степени в среде молодых инвалидов Москвы.

9. Данный анкетный опрос не выявил, к сожалению, должного внимания к нуждам инвалидов со стороны многочисленных, получающих государственное финансирование общественных организаций. Их роль в вопросах трудоустройства, организации досуга, удовлетворения других запросов этой категории людей едва ими обозначена.

10. Для более эффективной работы по интеграции инвалидов в общество необходима координация деятельности со стороны как государственных, так и негосударственных органов и учреждений, призванных решать проблему реабилитации инвалидов в городе.

Примечания

- 1 Положение инвалидов в Москве. М.: Медицина, 2004. С. 6.
- 2 *Костин Р.А.* Социологический анализ системы реабилитации инвалидов в Санкт-Петербурге. Коллективная монография. СПб: Изд-во СПбГУСЭ, 2007. С. 21–22.
- 3 *Илларионов В.И.* Основы реабилитологии // Врач. 1997. № 3. С. 6.
- 4 Там же. С. 196.
- 5 Проблемы социальной интеграции и адаптации лиц с ограниченными возможностями здоровья / Материалы круглого стола Международной научно-практической конференции. М., 2010. С. 80.
- 6 Руководство по медико-социальной экспертизе и реабилитации / Под ред. Осадчих А.И. М.: ЦБНТИ Минтруда и социального развития РФ, 1999. Т. 1. С. 206.
- 7 *Ярская-Смирнова Е.Р., Наберушкина Э.К.* Социальная работа с инвалидами. СПб.: Питер, 2004. С. 19.

М.О. Власов

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФУТБОЛ КАК ФАКТОР ГРАЖДАНСКОГО И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

В статье понятия «патриотизм» и «патриотическое воспитание» рассматриваются в контексте современного российского спорта. Показано, что особую роль в деле патриотического и гражданского воспитания молодежи играет такая доступная, популярная и массовая игра, как футбол.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, гражданское воспитание, спорт, футбол.

Патриотическое воспитание молодежи в современных условиях приобретает особую актуальность и значимость, так как является одной из важнейших составляющих общенациональной идеи Российского государства. Глава государства Владимир Путин в ходе встречи с представителями общественности, посвященной вопросам патриотического воспитания молодежи, заявил: «От того, как мы воспитываем молодежь, зависит, сможет ли Россия сберечь и приумножить себя саму. Сможет ли она быть современной, перспективной, эффективно развивающейся, но, в то же время, сможет ли не растерять себя как нацию, не утратить свою самобытность в очень непростой современной обстановке»¹.

В большинстве источников патриотизм определяется как качество личности человека, которое проявляется в любви к своему Отечеству, преданности, готовности служить своей Родине, привязанности человека к родной земле, языку, культуре и лучшим традициям своего народа. Соответственно, патриотическое воспитание рассматривается как процесс, направленный на воспитание гражданина-патриота, способного выполнять гражданский долг и

конституционные обязанности по защите интересов своего отечества.

Анализ соответствующей литературы показывает, что тема патриотизма активно разрабатывалась прежде всего в советский период развития России (А.Г. Агаев², Н.И. Губанов³, В.В. Макаров⁴, В.А. Хмелевский⁵ и другие).

В справочной литературе того периода патриотизм определялся как этическая и философская категория, как «...общественный и нравственный принцип, характеризующий отношение людей к своей стране, проявляющийся в определенном образе действий человека и сложном комплексе чувств, обычно называемом любовью к Родине»⁶. В Философском словаре находим, что «патриотизм... нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его настоящее, стремление защищать интересы Родины»⁷.

В этих определениях понятие «патриотизм» рассматривается и как действительность, т. е. находит проявление в «определенном образе действий», «стремлении защищать интересы Родины», и как чувство. В Педагогическом словаре подчеркивается и эмоциональный компонент этого понятия: «любовь к Родине, своему народу», «преданность Отечеству», «комплекс общественных чувств, обычно называемый любовью к Родине»⁸ и т. д.

В Новейшей истории России в начале так называемого постсоветского периода тема патриотизма на некоторое время была отодвинута на задний план экономическими и политическими коллизиями, происходящими в стране. Ученые заговорили о «брошенном», «потерянном» поколении молодежи, о разрушении основополагающих ценностей и утрате молодежью чувства гордости за свою страну, ее историю и культуру. Соответственно – о разрушении патриотических настроений в сознании молодежи. Эта негативная тенденция длительное время практически игнорировалась институтами образования и воспитания. Но с течением времени проблема воспитания патриотизма начинает осознаваться во всей своей остроте⁹.

Патриотическое воспитание в современных условиях рассматривается как часть общегражданской культуры и общегражданского воспитания и как одна из основ духовно-нравственного единения общества, защиты прав и свобод личности. Оно направлено на воспитание патриотов России, граждан правового, демократического государства, способных к социализации в условиях граждан-

ского общества, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к другим народам, традициям, культуре и языку народов, проживающих в Российской Федерации.

Во все времена развития человеческого общества, в том числе Российского государства, патриотическая идея и гражданский патриотизм имели большое значение для воспитания морально-волевых качеств. Патриотическое воспитание в процессе занятий спортом и физкультурой – это целенаправленная деятельность по формированию физически и духовно развитой личности, чувства верности и любви к своему отечеству, народу, национальной спортивной команде, высокого уровня гражданственности, готовности к выполнению конституционного долга. Исследования в этом направлении проводили В.В. Белорусова¹⁰, Н.П. Гуменюк¹¹, И.П. Иваненко¹², А.И. Кудренко¹³, Р.А. Пилюян¹⁴ и другие.

В специальной спортивной литературе утверждается, что виды спортивной деятельности могут служить своеобразным средством воздействия на формирование личности человека. Воспитание патриотизма молодежи в процессе занятий физкультурой и спортом должно носить обучающий и воспитательный характер. Воспитывающее обучение заключается в направленности на улучшение физического состояния и духовного развития личности.

Целенаправленное и эффективное обеспечение патриотического воспитания невозможно без комплексного использования политических, правовых, экономических, научно-технических, духовно-нравственных, информационных и иных возможностей общества и государства. В воспитании патриотизма молодежи существенную роль должны выполнять занятия спортивной и физкультурной направленности. В настоящее время ставится вопрос о воспитании средствами спорта, в ходе которого формируется личность занимающегося. Физическая культура и спорт обладают огромным воспитательным потенциалом, поэтому их можно рассматривать в качестве одного из мощнейших механизмов формирования таких мировоззренческих оснований личности, как гражданственность и патриотизм.

Формы и методы патриотического воспитания с использованием средств физической культуры могут быть самыми разнообразными. На наш взгляд, особую роль в деле патриотического и гражданского воспитания играет такая доступная, популярная и массовая игра, как футбол.

Коллективный характер футбольной деятельности воспитывает чувство дружбы, товарищества, взаимопомощи; развивает такие ценные моральные качества, как чувство ответственности, уважение к партнерам и соперникам, дисциплинированность, активность. Каждый футболист может проявить свои личные качества: самостоятельность, инициативу, творчество. Вместе с тем игра требует подчинения личных стремлений интересам коллектива.

В процессе игровой деятельности необходимо овладевать сложной техникой и тактикой, развивать физические качества, преодолевать усталость и боль, вырабатывать устойчивость к неблагоприятным условиям внешней среды, строго соблюдать бытовой и спортивный режимы и т. д. Все это способствует воспитанию волевых черт характера: смелости, стойкости, решительности, выдержки, мужества. Занятия футболом расширяют возможности эстетического воздействия на занимающихся, развивая у спортсменов стремление к физической красоте, к творческим проявлениям, к эстетически оправданному поведению. Сегодня красота футбола олицетворяется не только в демонстрации техники, в исполнительском мастерстве отдельных игроков, в эффективном завершении игровых эпизодов. Чувство прекрасного вызывают и сам процесс игры, его композиция, коллективизм и взаимодействие игроков.

Игровая и тренировочная деятельность оказывают комплексное и разностороннее воздействие на организм занимающихся, развивают основные физические качества – быстроту, ловкость, выносливость, силу, повышают функциональные возможности, формируют различные двигательные навыки. Круглогодичные занятия футболом в самых различных климатических и метеорологических условиях способствуют физической закалке, повышают сопротивляемость к заболеваниям и усиливают адаптационные возможности организма. При этом воспитываются важные привычки к постоянному соблюдению бытового, трудового, учебного и спортивного режимов. Это во многом способствует формированию здорового образа жизни, достижению творческого долголетия. Соревновательный характер, высокая эмоциональность, самостоятельность действий делают футбол эффективным средством активного отдыха.

Благодаря разнообразной двигательной деятельности, широким координационным и атлетическим возможностям занимающиеся футболом быстрее и успешнее осваивают жизненно важные

двигательные умения и навыки, в том числе и трудовые. В тренировке по другим видам спорта футбол часто используется в качестве дополнительного средства. Игра в футбол (или ее элементы) служит хорошим средством не только общей физической подготовки. Проявление максимальных скоростно-силовых возможностей и волевых усилий, широкого тактического мышления позволяет совершенствовать многие специальные качества, необходимые в различных видах спорта.

Футбол – мощное средство агитации и пропаганды физической культуры и спорта. Бескомпромиссное и честное единоборство, высокое исполнительское мастерство, физическое совершенство вызывают не только глубокое удовлетворение, наслаждение, радость у миллионов болельщиков, но также заинтересованное отношение, которое приводит их на футбольные поля, спортивные площадки и в залы.

Несомненно, футбол способствует распространению идей дружбы и мира между народами, а также укрепляет престиж государства. Он укрепляет чувство единства и сплоченности, радости по поводу успехов других членов сообщества, дает оптимизм и веру в достижение наивысших результатов.

В целом вопросам патриотического воспитания в области физической культуры и спорта посвящено незначительное количество исследований, в которых рассматриваются лишь отдельные его стороны. Основная масса исследований, посвященных патриотическому воспитанию, проведена с учащимися школ при преподавании тех или иных предметов.

Хотя в России были приняты соответствующие государственные программы, в частности утверждена «Патриотическая программа граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы», физическая культура и спорт пока еще не заняли достойного места в системе средств патриотического воспитания молодежи.

Спорт, при умелом его использовании, может быть действенным средством воспитания патриотизма. Он позволяет не только развить физические качества, но и помогает закалить характер, подготовить себя к защите Родины.

Автором настоящей статьи было выполнено пилотажное социологическое исследование, направленное на анализ информации, представленной в Рунете по изучаемой проблематике – футбол как один из факторов гражданского и патриотического воспитания. По соответствующим ключевым словам «футбол», «спорт», «патриотическое воспитание», которые использовались в различ-

ных комбинациях, было обнаружено свыше 1 300 000 ссылок. Это говорит об актуальности изучаемой темы. Автором было отобрано 300 страниц, которые подверглись неформализованному контент-анализу. Исследование показало, что большинство текстов многократно воспроизводятся и дублируются. Это можно интерпретировать двояко: с одной стороны, можно говорить о запросе на данную информацию посетителей Интернета, а с другой – о том, что пока эта тема обсуждается и заявляется как значимая довольно узким кругом лиц. Это журналисты, тренеры и спортсмены. Представляется, что лучше всего эту дискуссию проиллюстрируют их прямые высказывания, которые являются наиболее типичными.

М. Гершкович, руководитель Объединения отечественных тренеров по футболу:

Я давно придерживаюсь мнения, что сборную должен тренировать российский специалист. Уже три отборочных цикла нашу команду возглавляли иностранцы, а футбол у нас не получил никакого развития. Были бронзовые медали на чемпионате Европы 2008 года, но вспомните, как мы случайно туда попали. Уровень наших игроков конкурентоспособен, все зависит от того, как их готовят, в каких условиях. Также важное значение имеет патриотическое воспитание футболистов. Не стоит забывать и мировую статистику – ни одна сборная еще не выигрывала чемпионат мира под руководством иностранного специалиста¹⁵.

Анатолий Бышовец, известный специалист и заслуженный мастер спорта СССР:

Тренером должен быть отечественный специалист. Только специалист, а не чей-то знакомый, как у нас бывает. Я не думаю, что мне предложат возглавить сборную, хотя я считаю, что свою работу в период карьеры в национальной команде я выполнял успешно¹⁶.

Виктор Топоров, писатель:

Понятно, что за национальную сборную – и нашей страны (а костяк нашей сборной в нападении и полузащите составляют как раз взбунтовавшиеся зенитовцы), и любой другой – болеют по преимуществу патриоты.

Автором были проанализированы некоторые статистические данные, свидетельствующие об определенном прогрессе в области развития отечественного футбола. В частности, можно привести данные по известному подростковому футбольному турниру «Кожаный мяч» (таблица).

Таблица

Динамика роста числа футбольных команд

Год	Количество команд
2008	29 817
2009	39 503
2010	41 473
2011	40 471

Изучение работ по патриотическому воспитанию молодежи позволило выделить наиболее важные воспитательные моменты, к которым можно отнести следующие: 1) комплексное использование всех педагогических методов воздействия – убеждение, упражнения, поощрение, наказание, личный пример и т. д.; 2) проведение воспитательных мероприятий в различных условиях (на учебно-тренировочных занятиях, на соревнованиях, в свободное время); 3) организация сплоченного спортивного коллектива; 4) учет возраста спортсменов при подборе форм и средств; 5) связь с организациями и учебными заведениями, где работают и учатся спортсмены.

Именно в физической культуре и спорте, в том числе и футболе, имеются большие возможности для воспитания патриотизма, дружбы между народами и формирования культуры межнациональных отношений. Спортивная деятельность, развивая нравственно-волевые и физические качества, способствует воспитанию патриотизма, формированию патриотических чувств у спортсменов. Участвуя в соревнованиях, спортсмены стремятся прославить свой коллектив, свою Родину высокими спортивными достижениями, что является одной из важнейших форм проявления патриотизма. Занятия физической культурой и спортом, спортивные соревнования объединяют и сближают различные народы, воспитывают любовь и преданность к своей Родине и являются эффективным средством нравственного и патриотического воспитания.

Примечания

---

¹ *Валентинов Г.* Наконец-то дошло и до Путина // Сетевое издание КМ.ру от 12.09.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/09/12/vladimir-putin/692099-nakonets-doshlo-i-do-putina> (дата обращения: 02.11.2012).

- ² Агаев А.Г. Патриотизм и интернационализм советского человека. [Текст] / А.Г. Агаев. М.: Советская Россия, 1975.
- ³ Губанов Н.И. Отечество и патриотизм. М.: Политиздат, 1960.
- ⁴ Макаров В.В. Отечество и патриотизм. Логико-методологический анализ. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1988.
- ⁵ Хмелевский В.А. К вопросу о происхождении и развитии советского патриотизма. М., 1948.
- ⁶ Краткий словарь по этике / Под ред. О.Г. Дробницкого, Н.К. Кона. М.: Политиздат, 1965. С. 316.
- ⁷ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1986. С. 358.
- ⁸ Педагогический словарь. М.: АПН РСФСР, 1960. Т. 2. С. 86.
- ⁹ Вырицков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе. Волгоград: Авторское перо, 2006.
- ¹⁰ Белорусова В.В. Воспитание в спорте. М.: Физкультура и спорт, 1974.
- ¹¹ Гумешок Н.П., Гурвич С.С., Кудренко А.И., Ярошенко В.Д. Воспитательная работа со спортсменами. Киев: Здоровье, 1988.
- ¹² Иваненко И.П., Колита В.Д., Мартышевский М.А. Вопросы интернационального и патриотического воспитания советской молодежи в процессе занятий спортом // Иваненко И.П., Колита В.Д., Мартышевский М.А. Воспитательная работа в физкультурных и спортивных организациях. Киев: КГИФК, 1983. С. 107–111.
- ¹³ Кудренко А.И. О формах и методах идейно-политического воспитания спортсменов высокой квалификации // Воспитательная работа в физкультурных и спортивных организациях. Киев: КГИФК, 1983. С. 31–42.
- ¹⁴ Пилюян Р.А. Мотивация спортивной деятельности. М.: Физкультура и спорт, 1984.
- ¹⁵ Гершкович М. Сборную должен тренировать российский специалист // Сайт редакции «Чемпионат.com» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.championat.com/football/news-1219902-gershkovich-sbornuju-dolzhen-trenirovat-rossijskij-specialist.html> (дата обращения: 02.11.2012).
- ¹⁶ Керопян А. Сборную должен возглавить российский специалист // Сайт деловой газеты «Известия» [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/527797#ixzz27Uc4CDMI> (дата обращения: 02.11.2012).

Социология детства

О.А. Гуркина, Е.А. Колосова

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСТВА В СОЦИОЛОГИИ

Авторы статьи обращаются к проблеме изучения детства в условиях трансформирующегося общества. Новые явления и практики, возникающие в сфере детства, обуславливают актуальность изучения детства для социологии. Приводится краткий обзор исследований, посвященных различным аспектам жизни детей: образованию, семье, рискам, связанным с информатизацией. Обосновывается применимость социологии детства для комплексного изучения положения детей в современном обществе.

Ключевые слова: социология детства, новые явления, дети, трансформации.

Современное общество усложняется, развиваются общественные отношения и меняются представления о различных явлениях. Перемены происходят в политическом и экономическом плане, вместе с этим меняются и различные социальные механизмы, социально одобряемые нормы, правила. Изменения также происходят на уровне человеческого сознания.

При этом в современном мире возникает общественная потребность в получении новых знаний о явлениях социальной действительности, в том числе в отношении детства. Восприятие детства и места ребенка в обществе подвергалось трансформациям с течением времени. Сегодня существует определенная социальная ориентация на улучшение положения детей и защиту их прав. Однако в современном мире количество рисков, с которыми сталкивается ребенок, постоянно увеличивается. Одним из таких рисков является незащищенность ребенка от информации. Компьютеризация

и информатизация большого количества сфер жизни привела к тому, что каждый пользователь может иметь доступ к различной информации. Конечно, нельзя отрицать большое количество преимуществ такого информационного развития. Это доступ к ресурсам и архивам всего мира, возможность общения на расстоянии и многое другое. Но, несмотря на это, не стоит забывать о ребенке и о доступности всей той информации, бесконтрольный поток которой может пагубно влиять на его развитие и привести к необратимым последствиям. На данном этапе в нашей стране предпринимаются попытки ограничить транслирование вредоносной информации детям путем законодательного закрепления. Законопроект «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» предусматривает внесение ряда поправок в закон «Об информации» для упорядочивания процедуры отбора информационной продукции с учетом специфики детского возраста¹.

Помимо этого в социологии детства наблюдаются такие новые явления, как трансформация социального института семьи и воспитания, проявляющаяся в изменении установок родителей и появлении новых форм семьи, связанных с проблемами репродукции (ЭКО и суррогатное материнство); появление новых форм дошкольного образования, характеризующихся дифференциацией как по формам собственности (частные детские сады), так и по направленности подготовки (курсы по подготовке к школе, лекотеки, сады компенсирующего вида и т. д.); становление компетентностного подхода в образовании, целью которого является выработка навыков решения широкого круга задач у детей в условиях быстро меняющегося общества; повсеместное распространение потребительской культуры; увеличение потока мигрантов из стран бывшего СНГ, вследствие которого встают вопросы социализации детей как принимающей страны, так и приезжих (вопросы толерантности и межэтнических отношений); различные угрозы безопасности детства, в частности раннее приобщение к употреблению алкоголя и наркотиков.

Отмечаются существенные изменения в социальной инфраструктуре детства – уменьшение количества детских организаций и учреждений непосредственно работающих с детьми, с помощью которых реализуются потребности и интересы общества в подготовке подрастающего поколения. Получает все более широкое распространение идея правовой защиты детей, признание ребенка полноправным членом общества. По мере развития новых информационно-коммуникационных технологий сегодняшние дети и

подростки постепенно перемещаются в киберпространство, появляются новые практики детского поведения. Внимание исследователей обращено к Интернету как новому способу проведения досуга.

В такой ситуации перед исследователями встает задача выбора методологии изучения детства, способной охватить широкий круг проблем. Такому запросу отвечает социология детства, в рамках которой выделяется специальная социологическая теория детства – теоретическая конструкция, объясняющая специфические конкретные действия и процессы в социуме в отношении детства, изучаемые с помощью специальной социотехники. По мнению С.Н. Майоровой-Щегловой, подобно другим специальным теориям социология детства возникла в локальной области социальной жизни и существует на принципах равенства с другими специальными теориями – социологией воспитания, образования, семьи, молодежи и др.

Данная специальная теория обладает рядом специфических особенностей, характерных для социологии детства², и отличает ее от других смежных областей знания и специальных теорий, в рамках которых можно встретить косвенное изучение проблем современного детства:

- во-первых, собственная теория о детстве, его изменениях и взаимоотношениях взрослого и детского миров;

- во-вторых, особая эмпирическая направленность развития социологии детства – постоянное проведение конкретных социологических исследований (локальных, региональных, а в последнее десятилетие и всероссийских);

- в-третьих, социология детства разрабатывает собственную систему понятий, например: «детская субкультура», «роль ребенка», «статус детства в обществе», «культура детства», «территория детства», «детские практики», «экономика детства», «правовой статус детей» и др.;

- в-четвертых, в современном обществе серьезно расширяется круг «потребителей» научных знаний о детях. Если раньше эти знания необходимы были в первую очередь педагогическим работникам, то в связи с новыми реалиями такую потребность испытывают руководители детских объединений, работники социальных учреждений, юристы, работники госструктур (например, комитетов по молодежной политике), создатели детских средств массовой коммуникации, детские библиотекари, медиапедагоги и многие другие.

В целях формирования государственной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации 2 июня 2012 г. В. Путин подписал указ о национальной стратегии действий в ин-

тересах детей на 2012–2017 гг.³ в рамках которой запланирован ряд исследований по изучению современного детства, таким образом, государство также заинтересовано в получении научной информации и детях.

Институционализация социологии детства произошла в 1980–1990-х годах благодаря деятельности датского социолога Е. Квортрупа. До этого момента субъектные аспекты и специфические социальные трудности детства нередко оставались нерассмотренными, так как исследования велись в рамках таких смежных областей, как социология семьи или социология воспитания. Социология детства способствовала признанию детства как социального феномена и детей как полноправных творцов социального мира.

В конце XX в. в России сложились отдельные направления исследований в отношении детства, и сегодня мы наблюдаем функционирование и развитие таких из них, как социокинетика детства – наука о детском движении (Е.В. Титова), социология детской субкультуры (И.А. Бутенко, С.Б. Борисов и др.), социология детского чтения (В.П. Чудинова, Е.И. Голубева), социология прав детей (С.Н. Майорова-Щеглова), социология дошкольного детства (Н.П. Гришаева, Ю.Е. Антонов, И.А. Дядюнова).

Ряд исследователей разрабатывает проблемы поведения подростков в информационном пространстве (С.Б. Цымбаленко), изучают роль семьи в жизни подрастающего поколения и выделяют факторы риска современного детства (И.Ф. Дементьева), анализируют вопросы дезадаптации и социального сиротства детей в России (Е.Б. Бреева).

На сегодняшний день ученые и исследователи, занимающиеся проблемами детей в России, получили возможность объединяться не только на международном уровне, вступая в члены европейской и международной социологических ассоциаций. С октября 2008 г. российские социологи имеют возможность научного общения и взаимодействия в рамках исследовательского комитета «Социология детства» под руководством С.Н. Майоровой-Щегловой на базе Российского общества социологов, который отслеживает развитие данной отрасли. Основной целью данного комитета является консолидация российских ученых-исследователей и содействие эффективной разработке актуальных проблем в области социологии детства⁴.

Российская социологическая наука определяет детство как «выраженную в действиях и языке совокупность объектов, событий, процессов, социальных институтов и социальных практик в

отношении детей; эта совокупность формируется и поддерживается обществом, а также постоянно возобновляется в процессе жизнедеятельности детей, которые осваивают социальность и интегрируются в социум»⁵.

Таким образом, объект социологии детства определяется сегодня как структурный компонент общества, отражающий социальные и культурные изменения. В этом случае предметом изучения являются специфические роли «ребенок» и «взрослый», социальные нормы и предписания, реализующие соответствующие роли, детская субкультура, а также особенности группового поведения социально-демографической группы детского возраста, детские практики, закономерности развития детских сообществ, в частности формальных и неформальных, угрозы и риски новых явлений в социализации детей.

За рубежом комплексные исследования детства не являются редким случаем. В исследовательский фокус попадают различные аспекты социализации детей в контексте трансформаций общества. Часто социологи касаются проблем миграции, скорость которой все увеличивается, исследуя особенности социализации детей, растущих в двуязычной семье (Y. Seongwon)⁶, или специфику воспитания ребенка в межрелигиозном браке (A. Bisin, G. Tora, Th. Verdier)⁷. Данные явления присущи мультикультурному обществу Америки, но в условиях возрастающей мобильности населения с такими проблемами сталкиваются и некоторые европейские страны. Так, литовские исследователи И.Ю. Лялюгене, Л.А. Рупшене⁸ сфокусировались на изучении проблем социализации детей, чьи родители являются трудовыми мигрантами.

Особую значимость приобретают исследования социологов, посвященные изучению влияния средств массовой информации на социализацию детей. Протекание данного процесса в США отражено в книге З. Адельхардт «Средства массовой информации как фактор социализации детей в США: основные направления воздействия и кумулятивный эффект»⁹.

В отечественной социологии при выявлении и анализе современных явлений и процессов социализации используют такие понятия, как «кентавр-явления», «кентавр-процессы», «кентавр-образы», «кентавр-личности»¹⁰, которые позволяют отразить парадоксальное сцепление несочетаемого и объединяют в себе взаимоисключающие или как минимум противоречащие друг другу социальные образования. Социологические работы, в которых делаются попытки выявления новых явлений в социализации

детей, крайне немногочисленны. Это исследование Е.Г. Зимы о новых социальных практиках дошкольного детства на примере предшкольного образования¹¹. Е.А. Колосовой изучены новые практики детского чтения и чтение как важный фактор социализации¹². А.В. Носкова выделяет изменения в детско-родительских отношениях за счет трансформации репродукции как естественного биологического процесса, интенсивных миграционных процессов, развития информатизационных и коммуникационных процессов¹³.

В трансформирующемся российском обществе стало возможно социологическое изучение дошкольного детства в новых формах (Е.А. Конобеева¹⁴) и при непосредственном исследовании мнения детей (М.Ю. Сибирева¹⁵, Н.П. Гришаева¹⁶, Ю.Е. Антонов¹⁷, И.А. Дядюнова¹⁸). Рассматриваются проблемы социальных инвестиций в сфере детства (О.А. Базина¹⁹), в исследовательский фокус также попадают вопросы воспитания детей (Е.Г. Зима²⁰).

Перечисленные исследования стали возможными благодаря возникновению в 80-е годы XX в. особого подхода к изучению детства в социологии как попытки развить социальное, историческое и культурное понимание детства. Данный подход видит детей как полноценных социальных акторов, которые могут не только пассивно воспринимать социальную среду, но и активно и разумно воздействовать на нее. Известный социолог У. Корсаро²¹ пропагандирует замену понятия «социализация» на термин «интерпретирующее воспроизводство», который фиксирует инновационный и творческий аспект детского участия в обществе.

Дети производят свои собственные уникальные культуры, творчески приспособляя информацию из взрослого мира, чтобы обратить ее к своим проблемам. Термин «воспроизводство» подчеркивает идею о том, что дети не просто усваивают общественные нормы и культуру, но также активно содействуют культурному производству и изменению. Исследователь детства С. Шанахан сформулировала следующие принципы социологии детства: «во-первых, существует множество вариантов детства. Как конструктор детства является производным от времени и пространства, в котором оно располагается, детство также – продукт определенных социальных, политических и культурных институтов. Во-вторых, путь к пониманию детства лежит через раскрытие опыта (социальных практик) детей»²².

С точки зрения такого подхода дети могут быть активными участниками социологических и социально-психологических исследований. Их мнения, с исследовательской точки зрения, ста-

новятся настолько же ценными, как и мнения взрослых, этому способствует утверждение Конвенции о правах ребенка. Американские социологи в статье «Мне нравится, когда меня спрашивают!: взгляды детей на участие в социологических исследованиях»²³ призывают научное социологическое сообщество придерживаться положений данной Конвенции. Рассматривая вопрос прав ребенка на высказывание своего мнения, они реализовывали новый подход непосредственного изучения представлений, мнений и ценностей детей.

Таким образом, актуальность исследования детства обусловлена трансформациями, которым подвержено общество в целом и дети как социальная группа. Сложность и постоянная динамика объекта заставляют выбирать определенные подходы, способные уловить специфичность и неповторимость данного явления. Социология детства в сочетании с накопленными как внутри, так за пределами данной дисциплины теоретическими материалами подразумевает такую методологию изучения детства, которая способна уловить трансформации внутри этого социального конструкта.

Примечания

- ¹ Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [Электронные данные] // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2010/12/31/deti-inform-dok.html> (дата обращения: 11.08.2012).
- ² Щеглова С.Н. Как изучать детство? (Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М., 2000) [Электронный ресурс] // Мультипортал ЮНПРЕСС. URL: <http://www.ynpres.ru/cgi-bin/main.cgi?action=show&dir=metodbiblioteka&file=11> (дата обращения: 29.01.2012).
- ³ Указ «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» от 2 июня 2012 г. [Электронный ресурс] // Интернет-портал социальной правозащиты Сопrotивление. URL: <http://www.soprotivlenie.org/?id=56&cid=366&t=v> (дата обращения: 03.07.2012).
- ⁴ Положение // Официальный сайт Исследовательского Комитета «Социология детства». URL: <http://ik.childsoc.ru/index.php?parametr=11> (дата обращения: 15.06.2012).
- ⁵ Щеглова С.Н. Указ. соч.
- ⁶ Seongwon Y. Role-play and language socialization among bilingual Korean children in the United States [Electronic resources]. Simulation Gaming. June. 2008.

- Vol. 39. URL: <http://sag.sagepub.com/content/39/2/240.short> (дата обращения: 04.05.2012).
- ⁷ *Bisin A., Topa G., Verdier Th.* Religious Inter marriage and Socialization in the United States // Journal of Political Economy. 2004. Vol. 112. № 3.
  - ⁸ *Лялюгене И.Ю., Рупишине Л.А.* Влияние трудовой миграции родителей на социализацию подростков // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 69–75.
  - ⁹ *Адельхардт З.* Средства массовой информации как фактор социализации детей в США: основные направления воздействия и кумулятивный эффект. М: Практика, 2011.
  - ¹⁰ *Майорова-Щеглова С.Н.* Кентавр-проблемы в социализации российских детей и молодежи [Электронный ресурс] // Социология детства. URL: <http://childsoc.ru/doc/mayorova-shegllova.pdf> (дата обращения: 04.05.2012).
  - ¹¹ *Зима Е.Г.* Новые социальные практики дошкольного детства: опыт анализа предшкольного образования [Электронный ресурс] // Социология детства. URL: <http://www.childsoc.ru/doc/zima1.pdf> (дата обращения: 07.07.2012).
  - ¹² *Колосова Е.А.* Практики детского чтения: результаты комплексного исследования / Российская государственная детская библиотека. М., 2011.
  - ¹³ *Носкова А.В.* Новые проблемы в социализации детей и их отношениях с родителями [Электронный ресурс] // ИС РАН. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank_congress4/2385.pdf (дата обращения: 21.04.2012).
  - ¹⁴ *Конобеева Е.А.* Домашний детский сад: социальное предпринимательство или гражданская инициатива? // Вопросы образования. 2012. № 2. С. 35–38.
  - ¹⁵ *Сибирева М.Ю.* Влияние мегаполиса на социализацию ребенка // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 147–150.
  - ¹⁶ *Гришаева Н. П.* Анализ социальных проблем дошкольного воспитания // Управление дошкольным образовательным учреждением. 2002. № 5. С. 25–30.
  - ¹⁷ *Антонов Ю.Е.* Русский детский сад (Управление дошкольным образовательным учреждением. 2007. № 2). [Электронный ресурс] // Вера и Время. URL: <http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=45> (дата обращения: 01.05.2012).
  - ¹⁸ *Дядюнова И. А.* Патриотическое воспитание дошкольников средствами краеведо-туристской деятельности / И.А. Дядюнова; под ред. А.А. Остапца, Г.Н. Абросимовой, М.Е. Трубачевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: АРКТИ, 2004.
  - ¹⁹ *Базина О.А.* Социальные инвестиции в детей дошкольного возраста: социологический анализ (Социология в системе научного знания: материалы IV Всероссийского социологического конгресса, 1–3 февраля 2012 г.). М: ИС РАН, 2012. [Электронный ресурс] // ИС РАН. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank_congress4/2359.pdf (дата обращения: 04.08.2012).
  - ²⁰ *Зима Е.Г.* Указ. соч.
  - ²¹ *Corsaro W.A.* The sociology of childhood (Thousand Oaks: Pine Forge Press, 2005. P. 7) // Google books. URL: <http://books.google.ru/books?id=6K-HcSPhKGkC&>

printsec=frontcover&dq=corsaro+the+sociology&hl=ru&sa=X&ei=siUmUfgDMeqKugS30ICQBw&ved=0CDEQgAEwAA (дата обращения: 04.05.2012).

- ²² *Shanahan S.* Lost and Found: The Sociological Ambivalence Toward Childhood. (Annual Review of Sociology. 2007. Vol. 33. P. 407–428). // Annual Reviews. URL: <http://www.annualreviews.org/doi/pdf/10.1146/annurev.soc.33.040406.131808> (дата обращения: 04.05.2012).
- ²³ *Hagerman M.A.* «I like being intervieweeeeeewed!» Kids' perspectives on participating in social research (Sociological Studies of Children and Youth. Vol. 13. Children and Youth Speak for Themselves / Heather Beth Johnson (eds.) Bradford: Emerald Group Publishing Limited, 2010. P. 61–105). URL: <http://www.emeraldinsight.com/books.htm?issn=1537-4661&volume=13&chapterid=1846731> (дата обращения: 04.05.2012).

С.Н. Майорова-Щеглова

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК В РОССИИ: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ДЕЛЬФИ В СРЕДНЕСРОЧНОМ ПРОГНОЗЕ

В статье излагаются основные итоги среднесрочного прогноза воспитательных практик в современной России. На основе проведенного в 2008 г. экспертного опроса сделаны выводы о тенденциях воспитания детей в обществе и в семьях. Подробно изложена процедура и методика прогнозного исследования с помощью метода Дельфи.

Ключевые слова: воспитание, семья, детство, дети, прогноз, метод Дельфи, государственная политика в интересах детей, социология детства.

Составление прогноза относительно развития воспитательных практик в современной России серьезно затруднено в силу имеющихся особенностей развития государственной политики в интересах детей, а также образовательной, семейной политики. Перспективные цели развития воспитания как общенациональной системы не сформулированы четко, ясно, полно. Точность и полнота предвидения нововведений в этой сфере страдают большой ограниченностью, здесь возможен лишь поисковый прогноз.

Методология поискового прогнозирования. Поисковый прогноз – определение возможных состояний воспитательных систем в будущем. Он отвечает на вопрос, что вероятнее всего произойдет при условии сохранения существующих тенденций, и строится на определенной шкале (поле, спектре) возможностей, на которой затем устанавливается степень вероятности прогнозируемого явления. Такой прогноз сможет ответить на вопрос, что скорее всего произойдет в семейном и внесемейном воспитании при условии сохранения обнаруженных сегодня тенденций. Прогноз возможно

выстроить по определенной шкале – от самого благоприятного к негативному или от полного исчезновения какой-либо из систем до ее расцвета.

Для выстраивания поискового прогноза необходимо охарактеризовать современное состояние воспитательных систем. Этот анализ был проведен нами в нескольких ранних работах, обозначим лишь несколько наиболее важных позиций¹.

Социализационные технологии на микроуровне в изменяющейся России содержат в себе противоречивый комплекс архетипов и инноваций. Так, именно традициями, архетипами во многом определяется раннее детство. По нашим данным, неизменны функционирующие в обществе приметы, связанные с полом и развитием новорожденного ребенка, организация повседневной жизни младенцев и грудных детей, игры и игрушки в раннем детстве. Практически незаметны трансформации процессов формирования гендерной идентичности, остаются традиционными роли взрослых членов семьи по отношению к маленькому ребенку.

Совсем иными предстают процессы социализации детей дошкольного и школьного возрастов. Традиционное и модернистское воспитание в семье, авторитарный и демократичный стили родительства – серьезные противоположности, по идее их конвергенция невозможна. Однако современные семьи не противопоставляют одну стратегию другой, а изучают возможности их взаимопроникновения, взаимообогащения. Более того, за 20 лет в нашей стране выросло поколение людей, которые убеждены в совместимости этих противоположных начал. Родители и воспитатели объединяют взаимоисключающие позиции из советской (прошлой) и современной систем социализации детей, из отечественного и зарубежного опыта, дополняют их тем, что считают рациональным, значимым, важным в своей реальной жизненной ситуации. В российских семьях спокойно взаимодействуют «бабушки» и наемные воспитатели, соединяются воспитательные консервативные методы «кнута и пряника» и модернистские идеи эгалитаризма.

Что касается представлений россиян о том, как должны строиться отношения между детьми и родителями, то, скорее, преобладают демократические установки: более половины россиян (57%) полагают, что родителям следует вести себя с детьми как с равными; почти две трети (60%) считают, что детям можно позволять спорить с родителями, возражать им (противоположное мнение по обеим позициям высказывают по 28% опрошенных). При этом происходит воспроизводство практик физического наказания. Чуть

более половины россиян (54%) поддерживают идею телесных наказаний детей – чаще об этом говорят жители мегаполисов (64%) за исключением Москвы, респонденты в возрасте от 25 до 34 лет (62%). По данным Фонда «Общественное мнение», физические наказания в семьях применяются в отношении 40% юных россиян².

Взрослые выказывают больше внимания к желаниям и нуждам детей, но пока лишь в области потребления. Повсеместно распространилась практика выдачи детям карманных денег. 66% населения считают, что подростки должны иметь свои деньги, которые они могут тратить на собственные нужды³. Произошел отказ от общественно-полезного труда как механизма социализации и присутствует слабо контролируемый сегмент применения детских сил (домашний труд детей на приусадебном или садовом участке, помощь по ведению хозяйства, уход за маленькими детьми, участие в семейном, в том числе и криминальном, бизнесе, сексуальная эксплуатация).

Эти тенденции были приняты нами в качестве основы прогнозного фона при организации исследования в 2008 г.

Выбор метода среднесрочного поискового прогноза. Для составления среднесрочного прогноза возможных трансформаций воспитательных практик в России нами было предпринято авторское исследование с применением метода Дельфи.

Метод прогнозного исследования используется для выработки основанной на экспертном знании модели развития социальных процессов, явлений, структур. Основная процедура состоит в последовательном (организованном в несколько туров) независимом оценивании специально отобранными специалистами предложенных к экспертизе положений и гипотез. Результатом проведения является преобладающее суждение опрашиваемых экспертов по избранному кругу проблем.

Название метод получил по имени города Дельфы, где, согласно историческим данным, при языческом храме древнегреческого бога Аполлона действовали оракулы, к которым со своими вопросами приходили как простые люди, так и официальные лица. Оракулы, основываясь на больших объемах знаний о жизни и проблемах людей и способах их разрешения, удачно предсказывали исходы тех или иных ситуаций⁴.

Из истории применения метода. Как метод экспертного прогнозирования Дельфи был разработан в 1950-е годы в корпорации RAND (США) и впервые для широкого ознакомления опубликован в работе Т. Гордона и О. Хелмера в 1964 г. Первоначально ме-

год применялся для согласования мнений экспертов относительно обобщенной групповой оценки или суждения. Группу экспертов называли «жюри», последовательно проводимые опросы – «турами», опросные документы с дополнительной информацией и аргументацией оценок предыдущего тура – «анкетами»⁵.

В 1963 г. в США на основе метода Дельфи проводилось научно-техническое прогнозирование и был разработан прогноз направлений развития науки и техники на 1984 и 2000 гг. Затем в этой стране Дельфи-опросы с использованием постоянных групп экспертов проводились сначала в рамках исследований возникающих технологий, а затем в разовых проектах, посвященных оценке перспектив развития биотехнологий, здравоохранения и др.

В 1970 г. в ВИНТИ АН СССР прогнозировали научные достижения и открытия на 30 лет с применением экспертных оценок, используя метод Дельфи. При участии 100 экспертов (35 докторов наук и 65 кандидатов наук) был получен прогноз достижений и открытий в основных сферах человеческой деятельности на 2000 г. Начиная с 1990-х годов. Дельфи применялся в качестве основного метода исследований в Форсайт-проектах в десятках стран – Франции, Германии, Великобритании, Австрии, Испании, Италии, Южной Корее, Китае, ЮАР и др.⁶

Материалы прогнозных исследований с применением метода Дельфи используются во многих странах для предсказаний приоритетов научно-технической политики страны, а также в предпринимательской сфере. В Японии подобные прогнозны исследования проводятся каждые пять лет⁷. Результаты восьми прогнозов уже опубликованы и служат основой для принятия управленческих решений. В одном из последних японские специалисты составили перечень наиболее весомых инновационных достижений (их получилось 858 конкретных тем, распределенных по 13 тематическим разделам), которые в обозримом будущем ожидаются в различных научных и технических областях. Например, туда вошли: выяснение механизма малоизученных явлений, разработка новых технических объектов или технологических процессов, начало практического использования новых методов или технологий, широкое распространение тех или иных инноваций, вопросы организации, управления и социальной инфраструктуры.

Эксперты высказывали свое мнение по трем параметрам: значимость прогнозируемых достижений для японского общества, возможность практической реализации, прогноз на сроки внедрения, развития. Особенно важным параметром при этом признавался

определяемый экспертами уровень значимости ожидаемых инновационных достижений. В научно-методической и организационной работе участвовало 170 специалистов, а число экспертов составило 2239 чел. По результатам двух туров была построена матрица «инновационные направления – приоритеты». Из 858 тем были выделены 100 наиболее актуальных национальных приоритетов.

Спектр применения метода Дельфи сегодня широк, имеются примеры использования метода для анализа государственной политики в области промышленного развития, гражданской обороны, транспортного планирования, использования земель в прибрежной зоне и др., разработки стратегии служб генетического консультирования, экономии бюджетных расходов, регионального планирования, корпоративного управления, решения социальных проблем (развития образования, здравоохранения), разработки политики в области борьбы со злоупотреблениями наркотическими веществами, развития информационного общества и многих других областей. Недостатками метода являются его длительность на каждый цикл получения ответов, зависимость от процедуры первичного отбора экспертов.

О процедуре исследования. Метод Дельфи предусматривает сложную процедуру получения и обработки ответов экспертов, задействованных в различных социальных подсистемах. На первом, подготовительном, этапе формируется своеобразная группа социологов-аналитиков, выполняющая контрольную и селекционную функции. Каждый аналитик действует в общей команде, но в квазианонимных условиях самостоятельно отрабатывает варианты оценок и предложений. Обсуждаемый список может быть закрытым, с конечным перечнем, или открытым, с возможностью его дополнения и изменения. Например, германский проект «Дельфи II» охватывал 12 технологических областей, а общее количество тем составило 1070; в корейском Дельфи исследовались 1174 темы⁸.

Затем проводится первый тур экспертной оценки. Каждый эксперт самостоятельно, как правило, письменно, оценивает предложенные варианты по разным параметрам: возможность/невозможность исполнения; необходимость/ненужность; наличие/отсутствие условий в обществе и пр. После этого подводятся итоги и сообщается средневзвешенный рейтинг оценок каждой экспертируемой позиции, отдельным участвующим специалистам предлагается мотивировать крайние значения рейтингов. Анонимность в какой-то мере позволяет свести к минимуму лобби-

рование интересов отдельных экспертов или подгрупп. Открытая дискуссия не рекомендуется, она имеет свои отрицательные стороны: во-первых, она провоцирует давление авторитетов, т. е. мнение большинства приспосабливается к позиции наиболее авторитетных лиц; во-вторых, для оценки обобщенного мнения всей группы экспертов и степени согласованности экспертов в очной встрече невозможно применение аппарата математической статистики.

В ходе второго тура анализируются оценки, суждения, предложения, полученные в ходе первого тура. Эксперты знакомятся с результатами предыдущего тура: общей групповой оценкой, «экстремальными» (особыми) суждениями и их аргументацией. В итоге в каждом последующем туре экспертам представляется обновленная информация, и они либо корректируют свое мнение, повышая общую согласованность в группе, либо отстаивают свою прежнюю оценку, имея для этого уже больше оснований.

Здесь все участники экспертизы свободно высказывают свои позиции, аргументируя каждую из них. Число туров каждый раз может быть разным. Оно зависит от того, на каком из этапов проведения исследования расхождения в оценках будут сведены к минимуму. Проведенные классиками-разработчиками метода Т. Гордоном и О. Хелмером экспериментальные исследования точности и надежности метода Дельфи давали эмпирические рекомендации по числу туров от двух до четырех. Третий и четвертый этапы работы используются для уточнения и научной корректировки оценок, сведения к минимуму расхождений в определении перспектив развития изучаемого социального объекта. Большое число туров существенно не улучшает согласованность результатов, но затратно для организаторов опроса и психологически трудно для экспертов.

Для проведения метода на современном этапе широко используются различные способы коммуникации – электронная почта, интерфейс в режиме online.

Среднесрочный прогноз трансформации воспитательных практик 2008 г.: методика и основные итоги проведения. Для осуществления цели нашего исследования мы применили трехэтапную процедуру. Целевую группу составили специалисты различных воспитательных и социализирующих систем (ученые, педагоги, работники в сфере молодежной политики, работники СМИ и др.). Итоговое количество экспертов – 20 человек, первоначально свое согласие дали 22, но в дальнейшем двое не приняли участия в

третьем этапе, и в итоговом анализе их анкеты не учитывались. Представительство регионов: Москва, Ярославль, Самара, Саратов, Киров, Пермь, Ульяновск, Омск, Воронеж, Московская обл.

При формировании группы участников были соблюдены общие требования для экспертов:

- принцип добровольности;
- обеспечение представительства экспертов из разных общественных сфер;
- избегание эффекта протекционизма развития того или иного элемента социальной инфраструктуры;
- высокий уровень профессионализма, компетентность, эрудиция;
- широкий кругозор; богатый практический опыт опрашиваемых.

Также учитывалась способность экспертов анализировать и прогнозировать процессы социального развития:

- способность давать необходимую информацию в условиях неопределенности;
- индивидуальное творчество;
- интуиция экспертов;
- умение экспертов связывать необходимость решения актуальных и перспективных задач;
- обладание экспертами чувством гражданской ответственности.

Список суждений, представленный экспертам, был составлен на основе ответов на открытый вопрос о возможных изменениях в будущем из исследований, проведенных ГНИИ семьи и воспитания РАО в 2006–2007 гг.⁹

Опрос проводился в заочной форме, с помощью электронной почты. На первом этапе каждый эксперт получил просьбу провести оценку реальности осуществления в Российской Федерации 20 предположений к концу 2012 г., т. е. через 5 лет. Для оценки необходимо было выставить рядом с высказыванием балл от 1 до 10, принимая во внимание, что 1 означает позицию «Это не произойдет ни при каких обстоятельствах», 10 означает позицию «Это совершенно точно исполнится к указанному сроку».

На этапе обработки результатов применялась количественная и качественная стратегии. Составлена медиана (статистическая характеристика обобщенной групповой оценки) и величина интервала между нижней и верхней оценками. Результаты первого этапа представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение приоритетов возможных прогнозных изменений
(по итогам обобщенной экспертной оценки 1-го тура)

Место	Предположение	Средний балл экспертов
1	Будет расширено участие в воспитании детей групп профессиональных наемных воспитателей (няня, гувернеров, тренеров и т. п.)	7,65
2	Будут расширяться формы и методы патриотического воспитания	6,9
3	Будет принята специальная программа воспитания молодежи, студентов	6,55
4	В разных социально-экономических группах будут применяться различные стратегии воспитания	6,35
5	Будут выделены серьезные бюджетные ассигнования на организацию летних программ отдыха, оздоровления и воспитания детей	6,25
6	Будет функционировать специальный государственный орган, контролирующий и определяющий стратегии и формы общественного воспитания молодого поколения	5,75
7	Будут развиваться формы общественного трудового воспитания детей и подростков	5,4
8	Будет принята государственная программа воспитания, в которой будут четко названы ориентиры воспитанности подрастающего поколения – важные общественные качества личности	5,35
9	Религиозное воспитание будет применяться в обществе широко, наравне со светским	5,25
10	В семейном воспитании все меньшее участие будут принимать бабушки/дедушки, старшее поколение	5,2
11	Родители будут стремиться направить своего ребенка в детское общественное объединение	5,2
12	Произойдет бурное развитие детских, подростковых и молодежных общественных организаций, их станет больше, они станут массовыми	5,15
13	Будет введена цензура на продукцию СМИ и рекламу с целью ограждения детей от негативного воздействия	5,15
14	Произойдет полная замена интернатного содержания детей-сирот различными формами семейного воспитания	4,95

Окончание табл. 1

Место	Предположение	Средний балл экспертов
15	В системе среднего образования будут введены должности специальных штатных воспитателей-наставников	4,7
16	В семейном воспитании отцы будут принимать все большее участие	4,55
17	Приемы воспитания девочек и мальчиков в обществе будут серьезно отличаться друг от друга	4,05
18	Школы будут нести ответственность за антиобщественные проступки детей-правонарушителей	3,8
19	Программа воспитания толерантности будет успешно реализована	3,75
20	В результате улучшения воспитательных мероприятий уровень правонарушений среди несовершеннолетних будет снижен в 2 раза	3,1

При качественном анализе по каждому из утверждений были выделены эксперты, которые проставили полярные оценки (или самые высокие, или самые низкие по сравнению с мнением всей группы прогнозистов). Отметим, что единодушия не было ни по одному из предположений. Этим экспертам были направлены индивидуальные письма с просьбой обосновать свою позицию по этим оценкам. В специальной графе «Бланка опроса 2» участники прогнозного исследования вписали аргументы в защиту своего мнения.

Таблица 2

Пример экспертной анкеты (2-й тур исследования)

Предположение	Балл эксперта	Средний балл экспертов	Разброс оценок	Аргументируйте свою позицию
Произойдет полная замена интернатного содержания детей-сирот различными формами семейного воспитания	9	4,95	2/10	Это может произойти с помощью PR-акций, у состоятельных и не очень людей возникнет естественная потребность помочь тем, кому плохо

Окончание табл. 2

Предположение	Балл эксперта	Средний балл экспертов	Разброс оценок	Аргументируйте свою позицию
Родители будут стремиться направить своего ребенка в детское общественное объединение	8	5,2	1/9	Надеюсь, здесь сработает некий ностальгический элемент, родители, с трепетом вспоминая дни минувшие, решат, что дети должны проводить свободное время в общественных объединениях со сверстниками

В этот период аналитической работы нам важно было проследить, насколько полученная групповая оценка отражает все различающиеся мнения опрашиваемых экспертов. Во втором туре специально анализировалась аргументация не согласующихся с групповой оценкой мнений. Результаты туров были оформлены в компактной, доступной, хорошо воспринимаемой экспертами форме в виде структурированных таблиц. В них сделаны акценты на наиболее спорные, экстремальные, вызывающие затруднение и другие моменты оценок. Была полностью сохранена авторская редакция высказываний, после каждого высказывания стоит указание на эксперта, высказавшего его.

Эти таблицы вошли в «Бланк опроса эксперта 3». И мы снова просили всех ознакомиться с собранными аргументами, и опять выставить свой балл тем же предположениям, используя аналогичную шкалу от 1 до 10 баллов, но учитывая проведенную условную заочную «дискуссию».

Если какой-то аргумент имел для участника исключительное значение, то он, следуя нашей инструкции, выделял его ярким цветом.

Таблица 3

Пример экспертной анкеты (3-й тур исследования)

Предположение	Средний балл экспертов	Аргументы против исполнения прогноза	Аргументы за исполнение прогноза
Религиозное воспитание будет применяться в обществе широко, наравне со светским	5,25	Для широкого распространения религиозного воспитания нужны определенные основания, и в первую очередь – сформированное в обществе религиозное сознание. Даже в таких «религиозных» странах Европы, как Польша и Испания, религиозное воспитание не применяется наравне со светским. Россия – не религиозная страна, атеистическое сознание большинства россиян за четыре года кардинальным образом трансформироваться не может, что является непреодолимым барьером на пути распространения религиозного воспитания и образования. Э11	Сегодня религия стала конституционно закрепленной. Отсутствие единой идеологии привело к выхолащиванию ценностей (в том числе духовных) из системы образования, восполнить этот пробел возможно только религиозным воспитанием, что с каждым годом подтверждается. Эта тенденция будет усиливаться. Э16

Результаты третьего тура после количественной обработки рассматривались нами как конечные, по ним были выстроены прогнозные выводы. В представленной ниже таблице возможные тенденции в изменении воспитательных практик в России на 5 лет расположены в порядке приоритетов экспертов – от наиболее вероятных для исполнения к наименее возможным в среднесрочной перспективе.

Таблица 4

Распределение приоритетов возможных прогнозных изменений
(по итогам обобщенной экспертной оценки 3-го тура)

Место	Предположение	Средний балл экспертов	Место в 1-м туре	Средний балл экспертов в 1-м туре
1	Будет расширено участие в воспитании детей групп профессиональных наемных воспитателей (нянь, гувернеров, тренеров и т. п.)	7,4	1	7,65
2	Будут расширяться формы и методы патриотического воспитания	7,35	2	6,9
3	В разных социально-экономических группах будут применяться различные стратегии воспитания	6,95	4	6,35
4	Будет принята специальная программа воспитания молодежи, студентов	6,75	3	6,55
5	Будут выделены серьезные бюджетные ассигнования на организацию летних программ отдыха, оздоровления и воспитания детей	6,65	5	6,25
6	Будет функционировать специальный государственный орган, контролирующий и определяющий стратегии и формы общественного воспитания молодого поколения	6,2	6	5,75
7	Будет введена цензура на продукцию СМИ и рекламу с целью ограждения детей от негативного воздействия	5,55	13	5,15
8	В семейном воспитании все меньшее участие будут принимать бабушки/дедушки, старшее поколение	5,5	10	5,2
9	Родители будут стремиться направить своего ребенка в детское общественное объединение	5,5	9	5,2
10	Будут развиваться формы общественного трудового воспитания детей и подростков	5,25	7	5,4
11	Религиозное воспитание будет применяться в обществе широко, наравне со светским	5,15	9	5,25

Окончание табл. 4

Место	Предположение	Средний балл экспертов	Место в 1-м туре	Средний балл экспертов в 1-м туре
12	Произойдет бурное развитие детских, подростковых и молодежных общественных организаций, их станет больше, они станут массовыми	5,1	12	5,15
13	Будет принята государственная программа воспитания, в которой будут четко названы ориентиры воспитанности подрастающего поколения – важные общественные качества личности	5	8	5,35
14	В системе среднего образования будут введены должности специальных штатных воспитателей-наставников	5	15	4,7
15	Произойдет полная замена интернатного содержания детей-сирот различными формами семейного воспитания	4,8	14	4,95
16	В семейном воспитании отцы будут принимать все большее участие	4,65	16	4,55
17	Программа воспитания толерантности будет успешно реализована	3,9	19	3,75
18	Школы будут нести ответственность за антиобщественные проступки детей-правонарушителей	3,75	18	3,8
19	Приемы воспитания девочек и мальчиков в обществе будут серьезно отличаться друг от друга	3,55	17	4,05
20	В результате улучшения воспитательных мероприятий уровень правонарушений среди несовершеннолетних будет снижен в 2 раза	3,25	20	3,1

Дополнительный качественный анализ позволил выявить аргументы, которые возымели на экспертов исключительное влияние и привели к серьезным изменениям их итоговых мнений. Отметим прикладное значение этого анализа: именно эти высказывания, пояснения, эмоционально окрашенные или научно обоснованные, могут использоваться в соответствующих рекомендациях, практических разработках и проектах по продвижению нововведений в обществе.

Так, были выявлены два суждения, позиции которых серьезным образом изменились после ознакомления экспертов с аргументацией. Предположение «Будет принята государственная программа воспитания, в которой будут четко названы ориентиры воспитанности подрастающего поколения – важные общественные качества личности» переместилось с 8 на 13 место, и, наоборот, мнение «Будет введена цензура на продукцию СМИ и рекламу с целью ограждения детей от негативного воздействия» поднялось с 13 на 7 позицию. В первом случае наибольший вес имела аргументация эксперта 6: «Полагаю, что хотя государственные программы активно принимаются, наибольшая проблема возникнет с выработкой ориентиров – во всяком случае, они вряд ли будут функциональными. Это связано с общим кризисом (общественных) понятий и критериев. Происходит диверсификация общественных представлений – каждая группа порождает свои собственные». А вот в скором введении ограничений и контроля за средствами массовой коммуникации экспертов убедили пояснения «...лучше было бы говорить о введении ограничений, создании механизмов государственно-общественной регуляции СМИ, как то: маркировка продукции СМИ, общественный и государственный контроль над СМИ. Это возможно, как показывает практика западных стран. И это сегодня необходимо. В связи с этим очень важно доработать и принять закон об информационной безопасности детства (обсуждался Думой в 2004–2005 гг.). Э12».

Верификация прогноза: взгляд из 2012 г. Сегодня, в середине 2012 г., у нас есть практически уникальная возможность определить степень достоверности и обоснованности составленного нами прогноза, его верификации.

Прежде всего мы полагали, что рассматривать в качестве возможных реальных тенденций будем такие, которые и в первом, и в конечном туре получили более 5 баллов. Очевидно, что прогноз совершенно точно обозначил слабые тенденции изменения воспитательных практик. Таковых семь, они заняли места с 14 по 20 (см. табл. 4).

Из 13 предположений четыре касались микроуровня и остальные девять затрагивали макроуровень трансформаций.

На наш взгляд, все данные предположения можно условно поделить на три группы по уровню верификации прогноза, они представлены на рисунке, где также обозначены номера прогнозных высказываний, относящиеся к этому уровню.

Рис. 1. Уровни верификации прогнозных утверждений

Все обозначенные исполняющиеся предначертания экспертов на макроуровне (они внесены нами в первый сегмент схемы) уже нашли свое отражение в официальных нормативных документах: контроль за СМИ устанавливается поэтапно (в августе 2012 г. появился единый реестр доменов и сайтов с запрещенной к распространению информацией, четко определен срок подготовки общероссийской программы воспитания и др.)¹⁰.

Приведем некоторые доказательства из наших последних научных исследований, убеждающие нас в интуиции экспертного мнения об изменениях на микроуровне.

Согласно исследованию 2011 г. положительное отношение со стороны московских родителей к общественным детским организациям можно наблюдать у подавляющего большинства опрошенных – 89%¹¹. Отрицательное отношение к участию в объединениях мы выявили лишь у 6% респондентов. Этот же опрос содержит данные о различных воспитательных практиках в семьях разного социально-экономического статуса. 29% всех родителей посоветовали бы своим детям стать членами военно-патриотических объединений, но в семьях с низким уровнем дохода приветствуют такие объединения уже 64%. Стать участником взрослых политических объединений посоветовали бы только 4% опрошенных родителей. При этом следует заметить, что это сделали бы 15% опрошенных людей с очень высоким уровнем дохода, но никто из опрошенных с очень низким уровнем доходов не сделал бы это. 94% людей с высоким уровнем дохода и все опрошен-

ные с очень высоким уровнем дохода не приветствуют участие своих детей в организованной трудовой деятельности.

В обществе постепенно распространяется мнение о том, что профессиональные заменители родителей могут не хуже родных справиться с родительскими функциями. По данным исследователя Савинской О.Б. свыше 16% семей уже пользуются услугой нянь для малолетних детей, а мамы выходят на работу, не дожидаясь окончания отпуска по уходу за малолетними¹². При этом сокращается и время, и содержание участия в воспитании старшего поколения, однако отметим, что все-таки такая традиция сохраняется в российской провинции активнее, чем в крупных городах.

Таким образом, мы можем утверждать, что проведение прогнозного исследования на среднесрочную перспективу в области развития воспитательных практик достаточно эффективно с помощью примененного нами метода Дельфи. Описанные выше положительные характеристики проведенного исследования подтверждаются еще и тем, что мы произвели качественный отбор экспертов-участников: все они до сих пор продолжают работать в сфере образования, воспитания, практически работают с детьми и молодежью, сохранили свои научные интересы.

Систематическое проведение Дельфи-опросов в рамках социологии детства позволит совершенствовать их организацию, сделать процедуру четкой, отлаженной, ввести более эффективные средства обеспечения работы экспертов, повысить заинтересованность и ответственность сообщества экспертов при исследованиях будущего. В сфере изучения систем в состоянии неопределенности (к которым и относится система воспитания в России) необходимо дополнение другими методами (сценарного метода, дорожной карты и иных форсайт-технологий), позволяющими оценивать взаимосвязи и взаимное влияние основных тенденций экономического, политического, информационного и других сторон общественного развития.

Примечания

---

¹ *Майорова-Щеглова С.Н.* Диалог культур: поиск универсальных подходов к детству // Вестник РГГУ. Серия «Социология». 2008. № 2. С. 212–218; *Майорова-Щеглова С.Н.* Молодое поколение и новые средства массовой коммуникации: мифы и реальность // Вестник РГГУ. Серия «Социология». 2010. № 3(46). С. 224–231; *Майорова-Щеглова С.Н.* Противоречия и парадоксы воспитатель-

- ной ситуации в России начала XXI века // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2009. № 1. С. 45–53.
- ² Исследование ФОМ «Педагогический арсенал: физические наказания». Опрос населения в 100 населенных пунктах 46 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 17–18 мая 2008 г. 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. [Электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/famil/child_dress/d082025 (дата обращения 16.08.2012).
  - ³ Опрос населения ФОМ в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 21–22 мая 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/humdrum/home_family/family/of052406 (дата обращения 16.08.2012).
  - ⁴ *Тощенко Ж.Т.* Дельфи-метод // Социологическая энциклопедия: В 2-х т. Т. 2 / Национальный обществ.-научный фонд / Рук. научн. проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. С. 259.
  - ⁵ *Бестужев-Лада И.В., Наместникова Г.А.* Социальное прогнозирование: Курс лекций. М., 2001; *Гордон Т.Дж.* Новые подходы к методу Дельфи. М., 1972.
  - ⁶ *Бруммер В., Коннола Т., Сало А.* Многообразие в Форсайт-исследованиях: практика отбора инновационных идей // Форсайт. 2010. Т. 4. № 4. С. 56–68; *Кукушкина С.Н.* Метод Дельфи в Форсайт-проектах // Форсайт. 2007. Т. 1. № 1. С. 68–73.
  - ⁷ *Денисов Ю. Д.* В Японии смотрят сквозь «Дельфи» // Форсайт. 2007. Т. 1. № 1. С. 62–67.
  - ⁸ *Бруммер В., Коннола Т., Сало А.* Указ. соч. С. 56–68; *Кукушкина С.Н.* Указ. соч. С. 68–73.
  - ⁹ *Никитина Л.Е., Липский И.А., Майорова-Щеглова С.Н., Наместникова Г.А.* Прогнозирование развития воспитательных систем. М.: АРКТИ, 2009.
  - ¹⁰ Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [Электронные данные]. Российская газета. 2010.31.12. URL: <http://www.rg.ru/2010/12/31/deti-inform-dok.html> (дата обращения 16.08.2012); Указ «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» от 2 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения 16.08.2012).
  - ¹¹ Социологическое исследование «Родители о детях и детских организациях» (проведено ГБУ ДДОО г. Москвы, рук. Майорова-Щеглова С.Н., Кравченко Л.В., 2011 г., выборка: N= 722, выборка случайная, бесповторная. Представлены родители из всех округов Москвы. Метод – анкетирование). Архив ГБУ ДДОО.
  - ¹² *Савинская О.Б.* Забота о детях работающих москвичек // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 142–145.

С.В. Павлов

ТЕЛЕСМОТРЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ДОСУГА ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье делается попытка проанализировать структуру современного досуга ювенальных групп и понять, какое место телевидение занимает в этой структуре.

Ключевые слова: досуг, телевидение, подростки, Интернет, социальные сети.

Досуг является одной из важнейших сфер жизнедеятельности молодого поколения. Трансформационные изменения всех сторон жизни российского общества привели к изменению досуговых практик. Подростки и юношество представляют собой особую социальную группу, наиболее восприимчивую к технологическим и социокультурным инновациям, которые могут оказывать различное по своей силе влияние на становление личности молодого человека.

В современной социологии существует четыре основных определения досуга:

- как необходимость физического и психического восстановления для дальнейшей трудовой деятельности;
- как созерцание, связанное с высоким уровнем культуры и интеллекта; это состояние ума и души. В этой концепции досуг обычно рассматривается с точки зрения эффективности, с какой человек делает что-либо;
- как деятельность, не связанная с работой. Это определение досуга включает ценности самореализации;

- как время, когда человек занимается тем, что не является его обязанностью. Это свободное пространство выбора. Это время может быть использовано различным образом, в том числе для деятельности, связанной с работой или не связанной с ней.

В отношении ювенальных групп мы определяем досуг как часть свободного от обучения времени, которое подросток или юноша может по собственному выбору потратить на деятельность, носящую как активный, так и пассивный характер и которая также может использоваться для «чистого развлечения» и для саморазвития (духовного или умственного). Следует отметить, что именно досуг в настоящее время оформился в качестве основной сферы вторичной социализации современной молодежи. Во многом это обусловлено тем, что традиционные институты социализации, образование и семья не выполняют в полном объеме свою функцию социализации.

В 90-е годы XX в. большую часть досуга ювенальных групп занимали пресса, радио, телевидение. Сейчас мы можем наблюдать некоторую тенденцию смещения приоритетов с выше перечисленных источников получения информации к интернет-пространству. Старшее поколение пока не сильно зависимо от плодов «информационной революции», но подростки уже не представляют свою жизнь без персонального компьютера, Интернета, социальных сетей, которые прочно вплетаются в структуру досуговой деятельности, постепенно вытесняя на периферию традиционные формы свободного времяпрепровождения.

Отсюда возникает вопрос: как повлияли современные информационные технологии на досуговую деятельность современных подростков, юношества и конкретно на телесмотрение? Для того чтобы это выяснить, обратимся к ряду исследований 2010–2012 гг., проведенных среди подростков и юношества. На рис. 1 представлены результаты обработки ответов подростков на вопрос анкеты «Чем ты занимаешься чаще всего после уроков?»

Как мы видим, среди форм досуга молодежи Москвы первое место занимают интернет-технологии (79%), причем в других регионах данный вид досуга менее популярен, чем прослушивание музыки (60%), и практически равен просмотру телевизионных передач (50%). В Москве прослушивание музыки прочно занимает второе место (73%). Политическая деятельность практически не интересует подростков: участвуют в демонстрациях и митингах всего 4%. Активный образ жизни занимает также значительное место в жиз-

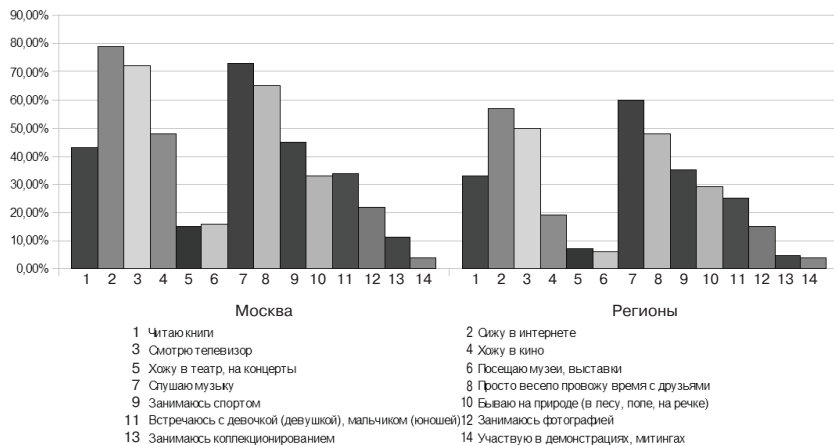
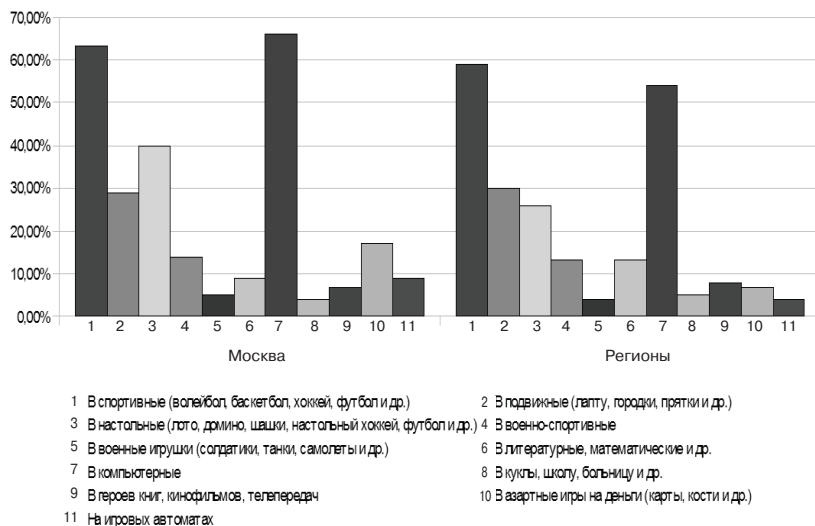

Рис. 1. Занятия подростков в свободное от учебы время
(в процентах к количеству опрошенных)

ни современного подростка: занимаются спортом 45%, бывают на природе 33%. Традиционным формам досуга, таким как поход в музей, театр, на выставку, уделяется значительно меньше времени, нежели простому времяпрепровождению с друзьями. Хобби современную молодежь интересуют слабо. Однако наряду с Интернетом и телевидением книги как источник получения информации и проведения своего досуга с пользой все еще предпочитают 43% опрошенных. Несмотря на то что мультимедийные технологии прочно входят в досуг современного подростка, телесмотрение по-прежнему вызывает интерес, а вот традиционные формы досуга заметно проигрывают. Не слишком сильно молодежь привлекает социально-гражданская компонента досуга.

На первом месте у современной молодежи оказываются компьютерные игры (65%), с небольшим отрывом после компьютера лидируют активные спортивные игры (волейбол, баскетбол, хоккей, футбол) – им отдают предпочтение 63% подростков. Можно сделать вывод о том, что современные подростки наряду с увлечением компьютерными играми ведут активный образ жизни, другими словами, придерживаются здорового образа жизни. В игры, требующие включения логического мышления и активной умственной деятельности, играют 9% опрошенных. Чуть лучше обстоят дела в регионах,

*Рис. 2. Игровые предпочтения подростков
(в процентах к количеству опрошенных)*

где этой форме досуговой деятельности отдают предпочтение 13% подростков. На первом месте в регионах спорт (59%), компьютерным играм отдают предпочтение 54% опрошенных.

На рис. 3 мы видим, что основными каналами получения информации у подростков являются телевидение (76%) и интернет (74%). Но также немаловажен такой канал получения информации, как школа (34%). Многие по-прежнему прислушиваются к мнению своих родителей. А вот к информации, печатающейся в газетах и журналах, подростки относятся с недоверием. Видимо, это связано с тем, что в российской прессе большая часть материалов связана с темами скандалов, интриг и расследований и газеты уже перешли в разряд так называемой «желтой прессы» и меньше освещают значимые события в стране и за рубежом. Интернет-пространство же предоставляет собой место скопления более оперативной информации, изложенной понятным для подростков языком. Телевидение пока не намерено сдавать свои позиции и по-прежнему выступает как один из основных каналов получения той или иной информации. В регионах телевидение как канал получения информации немного опережает Интернет, что может

Рис. 3. Источники информации о событиях в нашей стране и за рубежом¹
(в процентах к количеству опрошенных)

быть связано лишь с менее активной, чем в Москве, распространенностью и всеобщей доступностью компьютеров и интернет-коммуникации².

Теперь определимся с тем, какие формы досуга актуальны в молодежной среде. Перейдем к специфике юношеской аудитории ТВ и других СМК.

26,2% опрошенных из этой группы ответили, что чаще всего проводят свое свободное время дома. Если говорить о внедомашних видах досуга, то здесь лидируют кино и спортивные клубы, что видно на рис. 4.

На первом месте (25,3%) остается кино, и стоит отметить, что в последнее время спорт начинает завоевывать все более высокие позиции: 16,7% подростков посещают спортклубы, занимаются фитнесом, ходят в «качалку».

Вопрос о хобби поставил в тупик почти треть респондентов, среди содержательных ответов лидирующее место занимает спорт – 35,7%. Музыка и танцам отдано 13,6% голосов, рисованию и фотографии еще 12,1%, компьютерным играм, созданию сайтов и программированию 11,3%.

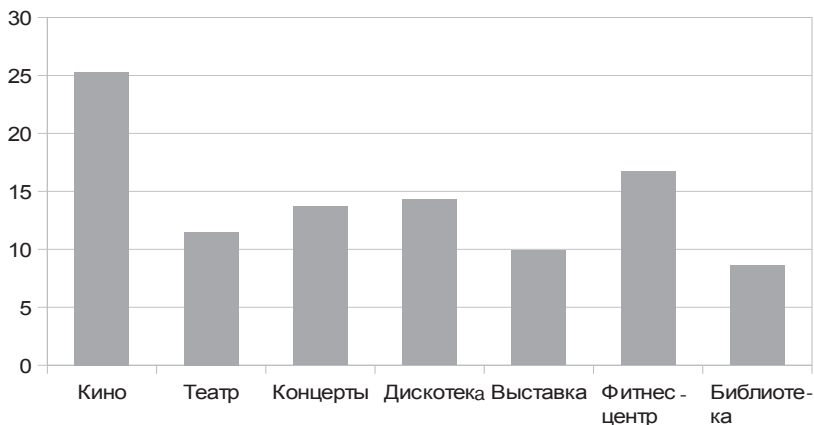

Рис. 4. Предпочтения в видах внедомашнего досуга юношества МО³
(в процентах к числу ответивших на вопрос)

При ответе на вопрос «Каким образом ты узнаешь о событиях в мире и в стране?» результаты аналогичны ответам подростков – на первом месте телевидение. Значительно меньше респондентов дали ответ, что источником информации является Интернет, хотя нельзя отрицать и наличие печатной продукции, и человеческий фактор.

Среди познавательных программ больше других юношеству нравятся передачи о путешествиях и разных странах. Некоторые из респондентов смотрят передачу «Галилео», а также передачи «Разрушители мифов», «Что? Где? Когда?», «Перезагрузка», «Евроспорт», «ВВС».

Относительно развлекательных передач были получены следующие данные. Практически все каналы, ориентированные целевым образом на молодежь, и передачи основных каналов были отмечены респондентами. Сюда можно отнести следующие каналы: MTV, Муз ТВ, ТНТ, СТС, Дискавери и ВВС; передачи «Камеди клуб», «+100 500», «Дом-2», «Наша Раша», «Тор Gear», из юмористических «Даешь, молодежь», «Большая разница» и «6 кадров». Наибольший интерес среди молодежи вызывают две телеведущие Анфиса Чехова и Тина Канделаки, а также популярный телеведущий Андрей Малахов. Для сравнения: более интеллектуальный ведущий аналитик Владимир Познер интересуется лишь 5,5% опрошенных.

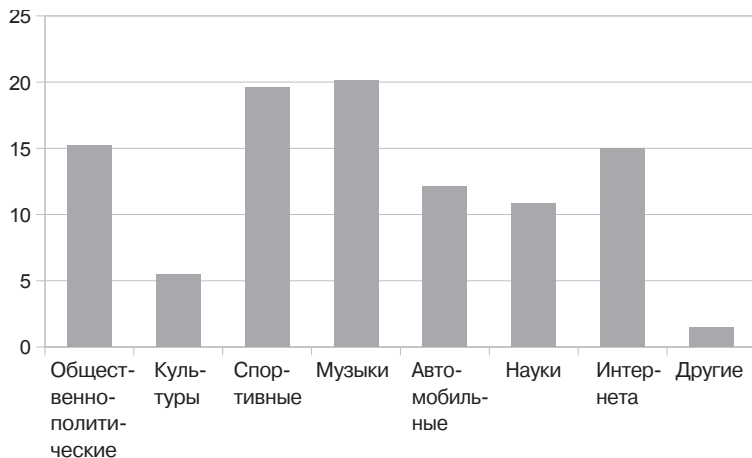

Рис. 5. Предпочтения по содержанию новостей
(в процентах к числу опрошенных)

59,4% респондентов положительно ответили на вопрос «Нужна ли молодежная программа на ТВ? Какой, по твоему мнению, она должна быть?» Мнение по концепции передачи различается в зависимости от возрастных групп опрошенных. Респонденты 14–16 лет считают, что передача должна быть познавательной, интересной, развлекательной, освещать проблемы молодежи. В более старшей возрастной группе (17–20 лет) считают, что помимо вышеперечисленного, передача должна рассказывать о здоровом образе жизни, иметь романтический характер и освещать проблемы любви. Все возрастные категории хотят видеть передачи без элементов насилия и жестокости. Интересно, что ориентация в такой передаче, по мнению респондентов, должна быть на новости мира, только 5% опрошенных хотели бы получить информацию о своем городе.

Героем новой молодежной программы 30,7% хотели бы видеть известных артистов, певцов, писателей, спортсменов, политиков; 7,2% – себя и 5,7% – других энергичных молодых людей. Почти треть респондентов ответила, что хотели бы пообщаться в первую очередь с нашими президентом и премьер-министром, а также с Жириновским, Зюгановым. Отвечая на вопрос «Хотел бы ты участвовать в создании телевизионной программы?», большинство респондентов –

50,7% – ответили отрицательно и 43,6% респондентов изъявили желание поучаствовать в создании телевизионной программы.

Мы обнаружили очень интересную взаимосвязь между интернет-общением и телесмотрением. Общение в Интернете как важный вид досуга среди этой аудитории отметили 55,4%: в сообществах – 16,2%, в блогах – 11,3% от общего количества опрошенных. Но другой вопрос позволил уточнить: чаще других эта группа просматривает именно сообщества о новых фильмах и мультфильмах – 21,7%.

Основные выводы по исследованиям подростков и юношества: наметилась тенденция к вытеснению традиционных, исторически сложившихся форм досуга, к которым сегодня относится телевидение, новыми мультимедийными досуговыми технологиями. При этом ювенальные группы продолжают доверять такому каналу передачи информации, как телевидение;

в жанровом отношении молодые люди предпочитают юмористические, познавательные и развлекательные программы. Молодые люди предпочитают видеть на телеэкране знаменитых и успешных людей политики, искусства и спорта.

Э.В. Соколов структурировал досуговую деятельность, выделив шесть ее основных видов, или уровней, находящихся в неразрывной взаимосвязи друг с другом⁴:

- отдых, который может быть как пассивным, так и активным (физическая активность) и служит для восстановления жизненных сил человека и поддержания его душевного равновесия;
- развлечение, которое играет роль «психической разрядки» и компенсирует недостаток разнообразия в труде и в быту;
- просвещение, которое способствует развитию разума, формированию эстетических и нравственных качеств личности, благоприятствует освоению культурных ценностей;
- творчество, которое соответствует человеческой потребности в самовыражении в различных сферах (наука, искусство), связанных с преобразованием окружающей среды и созданием духовных благ;
- созерцание природы, которое позволяет человеку «выключиться» на время из реальной действительности, освободиться от повседневных забот и «углубиться в сущность вещей»;
- праздник, который связывает прошлое и настоящее в жизни индивида путем торжественного преображения действительности и параллельно способствует обновлению ценностных ориентиров в поворотные моменты исторического развития общества и человеческой жизни.

Опираясь на позиции отечественных и западных ученых, рассматривающих досуг, мы полагаем, что телесмотрение для подростков и юношества по-прежнему является одной из основных форм досуга. Основываясь на исследованиях можно сказать, что телевидение объединяет в себе две компоненты – гедонистическую (функция, связанная чаще всего с тем, что досуг в ней выполняет роль чистого развлечения и может также служить эмоциональной подпиткой), так и просветительски-развивающую (просмотр интеллектуальных, аналитических, познавательных, обучающих передач).

Примечания

- ¹ Исследование «Дети, подростки в условиях модернизации общества», октябрь 2010 г. Объект – подростки в возрасте от 10 до 15 лет, опрос проводился в 13 регионах России, N=1300). Результаты исследования не опубликованы.
- ² *Павлов С.В.* Компьютерные игры в жизни современных городских подростков: социологический анализ предпочтений и мотивов // *Наша социология 2011: исследовательские практики и перспективы.* М.: РГГУ, 2011. С. 296–301.
- ³ Исследование «Досуг современной молодежи в условиях информационного общества», 2012 г., на примере городов Дмитров и Яхрома. Объект–молодежь и подростки, учащиеся школ и колледжей в возрасте от 11 до 19 лет, N=350). Результаты исследования не опубликованы.
- ⁴ *Соколов Э.В.* Свободное время и культура досуга. Л.: Лениздат, 1977.

А.Ю. Губанова

ПОДРОСТКИ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ: ОБЩЕНИЕ, ЧТЕНИЕ, ПОВЕДЕНИЕ¹

В статье рассматриваются виды поведения подростков в новой информационной среде. Особое внимание уделяется вопросам чтения подростков в Интернете, онлайн-общению (видам и формам), тематике поисковых запросов.

Ключевые слова: дети, подростки, поведение, Интернет, онлайн-коммуникация, чтение.

Информационное общество диктует свои законы, предоставляет новые возможности, проникает во все сферы жизнедеятельности человека. Интернет играет все большую роль в жизни детей: уже невозможно представить ребенка или подростка, не слышавшего и никогда не пользовавшегося Всемирной сетью. Однако Интернет не является исключительно универсальным «хранилищем информации».

Современные подростки активно вливаются в новое информационное общество. Опрос, проведенный Фондом «Общественное мнение» в 2008 г., показал, что три четверти подростков (75,5%) входят в состав полугодовой аудитории Интернета, в том числе более половины (54,7%) – в состав месячной, более четверти (28,0%)² – в состав суточной аудитории. Интернет предоставляет широкий спектр возможностей для саморазвития, образования и обучения, самовыражения, общения, знакомства, творчества и развлечения. Несомненно, вопрос «Читают ли подростки в Интернете?» является одним из наиболее актуальных наряду с вопросом о том, что именно они читают.

Сотрудниками Российской государственной детской библиотеки был проведен опрос 1141 учащихся 5–8 классов столичных школ на тему «Чтение и читательские практики московских подростков–2011»³.

Сегодня, в условиях продолжающегося бурного развития средств массовой коммуникации, Интернета и других источников информации, продолжается процесс трансформации картины чтения подрастающего поколения.

Целью исследования являлось изучение состояния чтения и читательских практик подростков; рассмотрение возрастных и гендерных особенностей их чтения; получение представления о новых видах читательских практик в новой медиасреде. Данные о чтении московских школьников из разных типов школ позволяют понять, существуют ли различия в картине их чтения, насколько они велики, в каких характеристиках чтение школьников проявляется. В данной статье акцент будет сделан на новых читательских практиках современных подростков, их чтении в электронной среде, использовании ими Интернета, общении в персональных блогах и тематических сообществах.

В исследовании приняли участие подростки с 5 по 8 класс: количество школьников 5 класса составило 23%, 6 класса – 30%, 7 класса – 24%, 8 класса – 23%. По школам данное соотношение было практически таким же, с учетом допустимой погрешности в 3,8%.

Термины, которые сегодня используют социологи, – это «практики» и относящиеся к ним «читательские практики». Под практикой обычно понимают конкретную деятельность, выражающуюся в рутинных, повседневных действиях индивида. Структура практики включает в себя такие компоненты, как потребность, цель, мотив, целеориентированная деятельность, средства, с помощью которых достигается цель, и результат деятельности⁴.

Под читательскими практиками понимаются принятые в культуре (традиционные/новые) способы и навыки обращения с книгами, иными печатными и электронными артефактами⁵.

Различают читательские практики по способам чтения – традиционные и новые и по степени автономности – управляемые и самостоятельные.

Чтение по заданию в школе – это управляемая практика чтения. Чтение для себя, когда ведущим мотивом является интерес к теме или жанру, – это самостоятельная практика чтения.

На вопрос «Как ты относишься к чтению?» были получены следующие ответы: опрошенные подростки любят читать, но им не хватает времени (51%), иногда читают что-нибудь легкое, чтобы развлечься (50%), читают для выполнения задания (43%), нравится читать, много читают (24%), читают только для получения информации (24%), не представляют жизни без книг (13%), не любят читать, считают чтение скучным занятием (10%).

Таким образом, ответы «нравится читать, много читаю», «не представляю себе жизни без книг» относятся к тем, для кого чтение является удовольствием и вошло в привычку. Это представляет собой так называемую самостоятельную практику подростка. А выбор позиций «не люблю читать», «читаю для выполнения задания», «только для получения информации» свидетельствует о том, что в основе таких практик школьника лежат уже не мотивы, а стимулы; это управляемая практика чтения со стороны родителей, учителей.

Другие варианты выбора, предложенные школьникам – «люблю читать, но не хватает времени», «иногда читаю что-нибудь легкое, чтобы развлечься», – свидетельствуют о том, что ведущий мотив – интерес к чтению у подростка может носить неустойчивый характер. При увеличении учебной нагрузки самостоятельная читательская практика может трансформироваться в управляемую.

К современным практикам чтения, которые связаны в первую очередь с появлением новых информационных технологий, можно отнести обращения к новым типам литературы (электронные книги, ридеры и т. п.), особым формам подачи информации (гипертекст, телетекст и т. д.), сообщением о книгах, литературных новинках, обсуждении статей на тематических форумах, в сообществах и блогах.

Мы считаем, что Интернет активизирует познавательную активность школьников: 92% подростков читает в Интернете самую различную информацию. Из них 43% много читают, 49% читают немного. Тематика чтения девочек и мальчиков в Интернете практически полностью соответствует тематике чтения печатной литературы – они читают материалы по темам, которые их особенно интересуют. Исключение составляют только новости и телепрограммы, одинаково популярные и у девочек, и у мальчиков.

Таблица 1

Чтение подростков в интернет-среде
(в процентах от количества опрошенных, N=1141)

	Пол		Всего
	Мальчик	Девочка	
Новости	47	47	47
Телепрограммы	21	21	21
Информация о знаменитостях	14	33	24
Электронные книги	19	23	21
Электронные журналы	7	12	9
Записи на форумах	27	26	27
Записи в сообществах	17	18	17
Тематические сайты	30	29	30
Блоги, дневники	7	16	11
О компьютерных играх	55	13	33
О спорте	38	8	22
Юмор	37	32	35
О фильмах, актерах	32	46	39
Фанфики	8	18	13
Сайты современных писателей	5	7	6
Литературные сайты	7	9	8
Музыкальные сайты	26	41	34
Электронные энциклопедии	14	12	13
Реклама	9	8	8
О товарах, магазинах	20	23	22
Не читаю, там мало интересного	4	4	4
Манга/аниме	1	1	1

Девочки гораздо больше мальчиков читают книги и журналы, как печатные, так и в электронном виде, также они читают фанфики⁶ – продолжения произведений о своих любимых героях, написанные энтузиастами сетевой литературы. Фанфик (от англ. fan – поклонник и fiction – художественная литература) – разновидность творчества поклонников популярных произведений искусства, производное литературное произведение, основанное на оригинальном произведении, использующее его идеи, сюжет и (или) персонажей. Фанфик может представлять собой продолже-

ние, предысторию, пародию, «альтернативную вселенную», кроссовер («переплетение» нескольких произведений) и т. д.

Мы пришли к выводу, что Интернет расширяет возможности для общения подростков, они активно используют сервисы, представленные во Всемирной сети. Активно взаимодействуют со сверстниками 77% опрошенных подростков, и только 6% подростков отметили, что совершенно не общаются в Сети, так как им хватает социальных связей со своими сверстниками в реальной жизни.

Исследование показало, что подростки, которым нравится читать и они много читают, в целом общаются в Интернете гораздо реже, чем те, кто читает для выполнения задания или читает что-нибудь легкое, чтобы развлечься. Среди тех, кто не любит читать и считает это занятие скучным, одинаковое количество общающихся в Интернете и тех, кто совершенно не общается. Тех же, кто не представляет жизни без книг, практически не привлекает общение в Интернете.

Результаты исследования позволили выявить пятерку самых популярных коммуникационных площадок – мест общения современных подростков: это социальные сети (86%); форумы (21%); сообщества (13%); блоги (11%); Skype (10%). Поскольку Skype является одним из самых популярных компьютерных программ, позволяющих осуществлять общение посредством голосовой и видеосвязи и текстовых сообщений, мы посчитали допустимым включить его в этот перечень.

Что касается гендерных предпочтений мест для общения в Сети, мы установили, что социальные сети (ВКонтакте.ру, Одноклассники.ру, Facebook) пользуются большей популярностью у девочек, тогда как форумы и сообщества одинаково привлекательны для подростков обоего пола. Ведение блогов и общение в них популярнее у девочек, чем у мальчиков. При этом Skype для общения мальчики используют активнее девочек.

В ходе исследования была проведена корреляция вопросов о местах общения подростков в Интернете и способах чтения книг из Интернета. Результаты показали, что подростки, предпочитающие общаться в социальных сетях, в большинстве читают электронные книги на экране компьютера (88%), на телефоне (93%) и распечатывают книги из Интернета (91%). Подростки, активно общающиеся на форумах (21%), предпочитают читать аудиокниги (50%) или использовать для этого мобильный телефон/коммуникатор (37%). Учащиеся, предпочитающие общение посредством интернет-мессенджеров (ICQ, Skype и др.), пользуются специальными устрой-

ствами для чтения книг (ридеры, КПК, iPad) (24%). А ученики, отдающие предпочтение общению в сообществах (13%), чаще всего читают на телефонах (24%) и распечатывают книги (20%).

Отдельные сообщества и форумы как «площадки общения» подростков им значительно уступают. Блоги (сетевые дневники) у подростков все же менее популярны, чем у молодежи – чаще их ведут студенты и выпускники вузов: «Бессменный средний блоггер последние два года – москвичка 22 лет. У нее 18 друзей (13 из них – взаимные), она участвует в 10 сообществах и ведет свой блог уже год и десять месяцев»⁷.

Регулярно просматривают сообщества больше половины подростков (59%), и лишь треть из всех опрошенных говорит о том, что им не интересна эта форма интернет-общения. Изучение разновидностей таких сообществ дает обширный список мест, где подростки могут получить новую информацию, найти единомышленников и новых друзей, прежде всего по своим личным интересам.

Тематика сообществ, предпочитаемых мальчиками и девочками, различается. Темы, вызывающие примерно одинаковый интерес, – это новые кинофильмы и мультфильмы. Мальчики больше интересуются техникой, компьютерными и другими играми в Интернете, тогда как девочек больше интересует искусство и литература. Таким образом, можно сделать вывод, что форма подачи информации (электронная или печатная) не влияет на гендерные предпочтения современных подростков.

Подростки назвали множество тем сообществ, в которых они предпочитают общаться, преимущественно с друзьями, знакомыми, сверстниками. Чаще всего общение в сообществе – это контакт со знакомыми, чьи предпочтения и интересы разделяются членами данного сообщества. Таким образом, значительную часть сообществ можно рассматривать как некие субкультурные площадки, что может привлечь подростков. Среди них есть и сообщества, где можно узнать и обсудить книги, а также «сетевые произведения», в том числе фанфикшен.

Подростки широко используют возможности Интернета для того, чтобы узнать о книгах, найти их, скачать, обсудить с людьми, увлеченными той же тематикой и литературой. Отметим, что сегодня большое количество продукции, создаваемой для детей, уже может быть оцифровано (книги, журналы, мультфильмы, телепередачи) или создается сразу в электронном виде (компьютерные игры, мультимедийные обучающие программы), таким образом, «цифровая вселенная» детства расширяется. Но наряду с полезны-

ми ресурсами в Интернете существует немало негативных и даже опасных для детей и подростков материалов.

К сожалению, механизмы фильтрации цифрового контента сегодня еще слишком несовершенны, фильтры, как правило, имеют те или иные ограничения и часто отсекают именно ту информацию, которая может быть полезна для развития личности, но при этом не являются помехой для доступа к опасной и негативной информации. Существенным условием для оптимального использования Интернета детьми и подростками является знание пользователями правил безопасности.

Дети и подростки сегодня нуждаются в том, чтобы поддерживать их чтение и познавательную активность с помощью новых информационно-коммуникационных технологий. Мировая практика демонстрирует положительные примеры активного использования Интернета для поддержки и популяризации чтения в новой электронной среде.

Примечания

- ¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-06-00831.
- ² См. подробнее: база данных Фонда «Общественное мнение». [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/> Подростки и Интернет. 2008 г. 1085 респондентов (дата обращения 19.09.2012).
- ³ *Чудинова В.П.* Чтение и читательские практики московских подростков: комплексное исследование / Российская государственная детская библиотека, отдел социологических исследований; Московский институт открытого образования, кафедра филологического образования / В.П. Чудинова, С.А. Шаповал, Е.А. Колосова, А.Ю. Губанова и др.; сост.: В.П. Чудинова. М., 2012.
- ⁴ Там же. С. 12.
- ⁵ *Колосова Е.А.* Практики детского чтения: результаты комплексного исследования / Российская государственная детская библиотека. М., 2011. С. 32–37.
- ⁶ Материал взят с сайта Википедия. Режим доступа: URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Фанфик>.
- ⁷ По данным информационного бюллетеня «Блогосфера Рунета. Весна 2009» (По данным Поиска по блогам Яндекса) // Электронный ресурс. URL: http://company.yandex.ru/researches/reports/ya_blogosphere_2009.xml (дата обращения 19.09.2012).

А.А. Жирикова, А.В. Сычев

ДЕТСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются детские общественные организации, которые, по мнению авторов, выступают неотъемлемой единицей построения гражданского общества в современной России. Отдельное внимание уделено проблемам, с которыми сталкиваются детские организации, – это их неравномерное распределение по стране, способы возникновения, ресурсообеспечение и взаимодействие с органами власти разных уровней.

Ключевые слова: дети, детские объединения, детские общественные организации, детское движение, семья, социализация, социальная адаптация, механизмы адаптации, гражданское общество, лидерство, власть, ресурсообеспечение.

Сообщество ровесников представляет собой важную часть образа жизни любого ребенка. Существует несколько взглядов на распространение компаний, группировок, объединений детей. Один из них определяет детское сообщество как область для времяпрепровождения, предполагается, что дети отдыхают в них от обучения и воспитания. Отдельные исследователи видят в этой сфере социального общения детей и юношества своего рода область применения способностей, которые ребенок обретает в своей семье. Существует позиция ряда ученых, педагогов и практиков, рассматривающих членство детей в официальных формальных детских объединениях как механизм социализации, приспособления к взрослой жизни. Такой позиции придерживаются авторы статьи «Молодежные и детские объединения как субъекты вторичной социализации: опыт регионального исследования»¹. Несмотря на то что в

начале работы констатируется, что такие организации – это институты гражданского общества, затем рассмотрение идет только с точки зрения агента социализации. Недостаточно аргументировано заявление, что молодежные и детские общественные объединения представляют собой значимую социальную силу, особенно влиятельную в регионах, где благодаря им социально активная молодежь имеет значительно больше шансов сделать профессиональную, политическую, общественную карьеру; отсутствует описание методов оценивания результативности и эффективности общественных объединений.

Мы полагаем, что все эти взгляды есть проявление недостаточного понимания значимости детского сообщества не только для детей, но и для социума, и в этой статье представлена наша позиция. Считаем, что постепенно детские общественные объединения становятся одним из ключевых элементов социального института – гражданского общества. Можно говорить о трех основных подходах к определению гражданского общества.

Согласно первому подходу, гражданское общество – синоним социального целого, обладающего определенными свойствами. Данное определение отождествляется с либеральными ценностями, такими как развитая демократия, правовое государство, разделение властей. Согласно второму подходу, акцент ставится не на обществе в целом, а на гражданах, каждый из которых обладает суммой социальных добродетелей: привержен свобод, равноправию, демократии, правам человека. В такой ситуации создаются гражданское общество деятельные и ответственные личности.

Третий подход отражает позицию, где в структуру гражданского общества государство не входит, а ядром гражданского общества выступают общественные организации, негосударственные некоммерческие организации (НКО) и неформальные объединения людей, включая семью.

Мы солидаризируемся с авторами, которые полагают, что основными институтами гражданского общества в современной России являются общественные организации и движения, политические партии, некоммерческие организации, общественное мнение, а его элементами – общественная экспертиза, СМИ, институт свободы слова, бизнес и др. Ресурсная база наиболее весома у политических партий и общественных организаций, менее политически ресурсными являются СМИ, институт общественного мнения, общественной экспертизы, институт свободы слова и др.² Детские объединения – наименее ресурсообеспеченные, при этом они представляют немалую группу населения России.

В настоящее время в России действует большое число детских общественных объединений самых разных видов и форм. По территориальному охвату можно выделить общероссийские, межрегиональные, региональные и местные объединения³. Широко распространены детские организации на базе школ: ученические комитеты, союзы, ассоциации, «республики» и др.⁴ Также современные детские объединения можно условно разделить и по направлениям их деятельности.

Среди детских общественных объединений выделяют: военно-патриотические, пионерские, тимуровские, социально-реабилитационные, скаутские организации, добровольческие (волонтерские) объединения помощи нуждающимся, старикам; «бизнес-клубы», профильные отряды, культурологические, трудовые объединения; экологические движения, движения «культура мира», спортивные, поисково-краеведческие, религиозные, национальные и иные.

Для формирования объективной картины о численности детских общественных объединений и организаций мы произвели самостоятельный анализ, который показал, что в России на сегодняшний день существует пять крупнейших детских общественных объединений.

1. СПО–ФДО – «Союз пионерских организаций – Федерация детских организаций», в состав которого входят 80 детских общественных объединений, в том числе 14 организаций из 11 зарубежных стран, два общероссийских объединения, два межрегиональных и 62 региональных объединения из 46 субъектов Российской Федерации (из них 9 региональных организаций Москвы и Московской области, 12 региональных организаций республик РФ, 41 региональных организаций краев и областей). Членами организаций, входящих в СПО–ФДО, являются более 2,3 млн человек⁵.

2. Ассоциация общественных объединений «Национальный совет молодежных и детских объединений России». Структурные подразделения ассоциации имеются в 56 субъектах РФ. Число членов в возрасте 10–30 лет, по данным на 2011 год, – 121 386 человек⁶.

3. ДИМСИ – Общероссийская общественная организация «Детские и молодежные социальные инициативы». Действует более 40 структурных подразделений в 36 субъектах Российской Федерации с численным составом 60 000 человек в возрасте от 10 до 30 лет⁷.

4. Общероссийская детская общественная организация «Общественная малая академия наук “Интеллект будущего”». Имеет

структурные подразделения в 57 субъектах РФ. Число членов в возрасте 7–18 лет – 21 371 чел.⁸

5. Скаутское движение, представленное в России тремя крупными организациями:

- «Национальная организация скаутского движения России» (НОСД);
- «Межрегиональная общественная детская и молодежная организация «Русский союз скаутов»;
- «Детская межрегиональная общественная организация Ассоциация девочек-скаутов» (АДС).

Численность названных скаутских организаций составляет более 10 тыс. чел. в 58 субъектах Российской Федерации.

Таким образом, мы рассмотрели пять крупнейших детских общественных объединений России, включающих в себя множество организаций и структурных подразделений, которых на сегодняшний день, по нашим подсчетам, около 300 – федерального, межрегионального и регионального уровней. Важной характеристикой современного общественного движения является его неравномерное распределение по стране. Большая часть детских объединений сосредоточена в крупных городах: Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Томске, Омске, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Волгограде, Саратове и некоторых других крупных экономических центрах, в столицах республик, входящих в состав Российской Федерации. Площадкой для формирования детских общественных объединений являются образовательные учреждения, прежде всего учреждения дополнительного образования детей, клубы по месту жительства, центры и учреждения для молодежи, а также государственные общеобразовательные учреждения, т. е. школы. В Москве по состоянию на август 2012 г. насчитывалось 797 детских общественных объединений. Количество детей, участвовавших в детских общественных объединениях города Москвы по состоянию на август 2012 г., – 73 797 человек. При этом взрослых организаторов – 8900 человек.

Определим четыре основных способа возникновения детских объединений.

1. Организации, возникшие на основе структурных подразделений ранее существовавших объединений, прежде всего городских и районных пионерских штабов. Они, как правило, частично сохранили собственность и кадровый потенциал, связи с бывшими активистами объединений, используют традиционные методические подходы к формированию программ, под-

держивают тесные взаимоотношения с региональной и местной властью.

2. Организации – подразделения межрегиональных и общероссийских объединений и движений. Они получили начальные ресурсы от создавших их структур, больше включены в межрегиональные связи с аналогичными организациями, чем с организациями и властями своего региона, чаще ориентируются на установление взаимовыгодного партнерства с бизнесом.

3. Новые детские организации, объединяющие своих членов на основании общности интересов. Это инициативные молодежные объединения, созданные самими молодыми людьми и ориентирующиеся на поддержание неформальных отношений.

4. Организации, создаваемые «сверху» взрослыми людьми либо для работы с детьми по собственным педагогическим проектам, либо для вовлечения молодежи в качестве статистов как сторонников той или иной идеи. В сущности, это псевдообщественные объединения и они не должны рассматриваться как элементы гражданского общества.

Формами взаимовлияния институтов гражданского общества и российской государственной власти являются: общественные советы, региональные и федеральные общественные палаты, гражданские форумы, институт омбудсмена, формы политического давления в виде гражданского неповиновения и протеста или солидарности, лоббизм и др.⁹ В отношении детского движения отметим, что здесь формами взаимовлияния выступают: участие в разработке и реализации целевых социальных программ или их отдельных мероприятий в порядке, установленном законами и иными правовыми актами органов государственной власти; участие в совместных акциях и мероприятиях; информационный обмен; методическая, консультативная, организационная форма взаимодействия; организация или участие в проведении форумов, конференций, семинаров, активax и др.; участие представителей детских организаций в работе экспертных групп, общественных советов при органах власти и др.

Как структура гражданского общества детские общественные организации города Москвы за первые семь месяцев 2012 г. приняли участие в 643 мероприятиях городского, окружного и районного уровней. Общее количество участников мероприятий составляет 154 959 человек. Можно более подробно говорить о направлениях деятельности, условно разделив их на 9 больших блоков, и вовлеченности туда участников: по патриотическому воспитанию

детей – 51 586 человек; добровольческая, волонтерская деятельность – 13 593 человек; мероприятия по сохранению экологии и ресурсосбережению, воспитанию нравственности – 23 012 человек; мероприятия по пропаганде здорового образа жизни и популяризации занятий физической культурой и спортом – 18 582 человек; мероприятия по развитию межрегионального и международного детского сотрудничества – 738 человек; мероприятия по защите интересов детей – 2915 человек; мероприятия, направленные на изучение родного края и развитие туризма, – 5286 человек; мероприятия, направленные на развитие лидерских качеств и детского самоуправления, – 14 330 человек; мероприятия по творческому и эстетическому воспитанию детей – 24 917 человек.

Основными формами ресурсообеспечения детского движения со стороны государства выступают: государственный или муниципальный контракт (договор) (в соответствии с Федеральным законом № 94-ФЗ от 21.07.05 г.); грант (субсидия), предоставляемый на конкурсной основе; целевое бюджетное финансирование на внеконкурсной основе; размещение социального заказа; поддержка через предоставление помещений, находящихся в государственной собственности, на условиях безвозмездного пользования или на льготных условиях, другие формы помощи (ходатайство, письмо, предоставление возможностей для распространения детского мнения и позиций детских общественных организаций и др.).

Так, в Москве только за последние годы гранты-субсидии получили 30 детских общественных объединений, имеющих статус юридического лица. Стоит отметить, что всего на 1 января 2012 г. в детском движении Москвы юридический статус имеют 45 детских общественных объединений. Общественные организации имеют возможность бесплатно информировать о своей деятельности общество, детей, родителей, государство с помощью газеты «Вместе Москва», журнала «Юный москвич XXI века», телепередачи «Новости детского движения Москвы», интернет-ресурса детского движения Москвы www.tema-ddm.ru.

Особая роль детских общественных организаций состоит в том, что именно они первыми встречаются на жизненном пути молодого человека и занимают положение «моста» между семьей и гражданским обществом, являются важным механизмом социальной адаптации и приобщения ребенка к активной гражданской позиции.

Современные общественные детские объединения можно рассмотреть как группы, представляющие различные слои обще-

ства, отличающиеся по уровню благосостояния, здоровья, месту жительства, национальной, профессиональной, образовательной, научной, трудовой принадлежности; как буфер между богатыми и бедными семьями, средство эффективной поддержки равных шансов для детей.

Особая функция детских объединений – подготовка лидеров, инициаторов, новаторов, сподвижников, своеобразный ресурс взрослого сегмента гражданского общества.

Лидерство – это специализированная активность по достижению целей в оптимизации социальных связей между людьми, формированию новых нравственных принципов и норм, расширяющих этические возможности человека¹⁰. С.В. Бобрышов определяет лидерство как «многогранный социально-психологический феномен, отражающий степень социально-ролевого, эмоционально-волевого и поведенческого взаимоприятия группы и лидера, а также механизм взаиморегулирования отношений между ними»¹¹.

Задача лидеров детских организаций, как правило, старших подростков или молодых людей, – мотивировать объединение детей на достижение его целей, на победу; привлечь абсолютное большинство юных к активному участию в его деятельности; организовать эффективную деятельность, опираясь на доверие подростков – участников объединения, собственную интуицию, потенциал сообщества. Сложная задача лидеров – обеспечить деловые связи, опыт взаимодействия и взаимопомощи с государственными и общественными структурами.

Ребенок, который социально адаптирован посредством детской общественной организации, приобретает ряд определенных навыков и компетенций, которые позволяют ему быть более адаптированным к взрослой жизни в целом. Здесь он получает знания о качестве выполненной социальной работы-поручения (не учебной, не обычного домашнего труда), опыт ответственности, который создает предпосылку для понимания ценности служения Отечеству. Это – патриотизм, гражданственность, организованность, трудолюбие, честность, скромность и ответственное исполнение обязанностей, великодушие и терпимость, достоинство и лояльность, этичность поступков, уважительное отношение к себе и к другим, активность и инициативность, самостоятельность, чувствительность, любопытство и многое другое. Исследования 2010 и 2011 гг., проведенные УМО ГБУ ДДОО¹², показали, что основными мотивами участия подростков в детских организа-

циях выступают: желание общаться (65% опрошенных), узнавать что-то новое для жизни (43%), весело и интересно проводить свободное время (41%), а также развивать свои интересы и таланты (47%, из них 55% девочек). Лишь 7,5% всех опрошенных считают, что организации не нужны.

Дети, которые считают себя участниками детского объединения (организации, движения), имеют более активную жизненную позицию, а также более зрелый и ответственный взгляд на решение современных проблем. На вопрос «Нужно ли знать историю Родины?» 71% детей, состоящих в ДОО, выбрали вариант ответа: «Знать историю Родины, своего народа необходимо, без этого нельзя понять сегодняшнюю жизнь». В то же время среди детей, не состоящих в ДОО, этот вариант ответа выбрали 62%. Из этой же группы 22% считают, что историю своего народа знать полезно, но не обязательно, и 15% считают, что «знать прошлое совсем не обязательно, лучше думать о настоящем и будущем». В то время как среди ребят, состоящих в ДОО, таких 17% и 11% соответственно. Распределение ответов на этот вопрос как нельзя лучше демонстрирует, что чувство патриотизма, исторической памяти, любви к своему народу, своей Родине лучше сформированы у детей, которые принимают участие в деятельности детской общественной организации, нежели у тех, кто не имеет к ней отношения.

Различными оказались приоритеты, которые выстраивают ребята в школьные годы. Респондентам был предложен список вариантов ответов, касающихся российских детей в школьные годы. Главная наша задача остается прежней – выяснить, отличаются ли ориентации и установки ребят, состоящих и не состоящих в детских общественных объединениях. Ребята из обеих групп на первое место ставят развитие личных способностей в школьные годы. Правда те, кто не состоит в ДОО, больше внимания уделяют этому (65% против 54%). В следующем ответе проявляются такие качества ребят, как альтруизм, гуманизм, великодушие и уважительное отношение к другим: «надо помогать людям, и старшим, и младшим – всем, кто в этом нуждается». Несмотря на то что ответ популярен у обеих категорий, ребята – члены ДОО выбирали его чаще, чем те, кто не состоит в ДОО, – 59% и 48% соответственно. Члены детских общественных объединений считают необходимым больше помогать своей семье (41% против 37%). Помощь Родине в школьные годы готовы оказать 45% школьников из ДОО, в то время как среди незадействованных в детской общественности респондентов этот вариант ответа набрал 33%.

Члены объединений более независимы от чужих суждений, они чаще выбирают в качестве девиза, правила жизни «Быть самим собой», чем те, кто не состоят в ДОО (63% против 57%). Дети из ДОО реже, чем дети, не состоящие в ДОО, выбирают вариант ответа «быть как все, не выделяться» (6% против 11%). У детей из ДОО больше развиты межличностные отношения, они более отзывчивые и дружелюбные, они чаще, чем дети, не состоящие в ДОО, выбирают суждения «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» (57% против 48%) и «Сам погибай, а товарища выручай» (41% против 37%). В два раза чаще дети – участники детских организаций выбирают вариант ответа «Уважай мнение другого, даже если ты с ним не соглашаешься» (46% против 29%), что говорит о развитом чувстве уважения и толерантности по отношению к окружающим. В то же время дети из ДОО большие максималисты: они чаще выбирают вариант ответа «правда сильнее всего» (45% против 37%). Единодушны обе группы детей в том, что старшие всегда правы, их мнение является авторитетным, к нему необходимо прислушиваться (по 23% обе группы).

Суждения эгоцентрического характера «Думай прежде всего о себе», «Моя хата с краю, ничего не знаю» отметили 8% нечленов ДОО и 5% детей из организаций.

У организованных подростков мы наблюдаем эмоциональное сопереживание, проявление чувств по отношению к различным негативным явлениям и событиям нашей жизни, определение собственной позиции. Например, респондентам было предложено ориентироваться в воображаемой ситуации: «В вашей школе можно услышать, как кого-то дразнят за его национальность. Как ты к этому относишься?»

В результате опроса мы получили следующие результаты. Чаще всего встречался вариант ответа «К сожалению, есть грубые и глупые люди, не надо на это обращать внимание». Его выбрали 45% детей, состоящих в детских организациях, и 46% не состоящих в них. На втором месте вариант ответа «Я буду обязательно бороться против этого, потому что это несправедливо». Его выбрали 28% детей, состоящих в детских общественных организациях, и 22% детей не состоящих в них. В то же время наиболее пассивный вариант ответа «Это возмутительно, но изменить это трудно» чаще выбирают дети, не состоящие в детских общественных организациях – 23% против 21% членов организаций. Это подтверждает тот факт, что дети, состоящие в детских объединениях, в конфликтных ситу-

ациях проявляют себя более активно, они чаще, чем другие, стремятся к восстановлению справедливости в обществе, чаще готовы помочь окружающим, что говорит о развитости таких качеств, как небезразличие, равнодушие, участие, внимание, к окружающему социуму.

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. (утверждена указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761) обозначила одну из насущных проблем в сфере детства – отсутствие действенных механизмов обеспечения участия детей в общественной жизни, в решении вопросов, затрагивающих их непосредственно. Мы полагаем, что таким механизмом должна стать деятельность детских объединений¹³.

Приоритетной задачей детского движения на настоящем этапе выступает взаимодействие с местными органами власти, взрослым гражданским обществом и частным бизнес-сектором. Это предпосылка развития гражданского общества в России, поскольку именно в детстве формируются основы социальных и гражданских качеств молодого поколения, отсутствие которых потом будет невозможно преодолеть.

Примечания

- ¹ Гуляихин В.Н., Галкин А.П., Васильева Е.Н. Молодежные и детские объединения как субъекты вторичной социализации: опыт регионального исследования // Социол. исслед. 2012. № 6. С. 127–132.
- ² Галкина Е.В. Гражданское общество в политическом пространстве современной России. Автореферат дис. ... доктора полит. наук. Краснодар, 2010. С. 22.
- ³ Федеральный закон «Об общественных объединениях» // Официальный сайт компании «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=78605> (дата обращения 16.08.2012); «О перспективах развития детского общественного движения в Российской Федерации» // Официальный сайт Совета Федерации РФ. URL: <http://www.council.gov.ru/events/parliament/item/123/index.html> (дата обращения 16.08.2012).
- ⁴ Мальцева Э. Детское движение в России. Уроки истории // Вестник Удмуртского университета, 2005. Вып. 9. URL: http://vestnik.udsu.ru/2005/2005-09/vuch_05_09_12.pdf (дата обращения 16.08.2012).
- ⁵ Сайт Международного союза детских общественных объединений «Союз пионерских организаций – Федерация детских организаций». Данные на 1 января 2010 г. URL: <http://www.upo-fco.ru/what/about> (дата обращения 16.08.2012).

- ⁶ Федеральный реестр молодежных и детских общественных объединений, пользующихся государственной поддержкой, по состоянию на 30 мая 2011 г. URL: <http://www.fadm.gov.ru/egovernment/354/> (дата обращения 16.08.2012).
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Галкина Е.В.* Указ. соч.
- ¹⁰ Основы социокинетики детства / Сост., ред. Т.В. Трухачева, А.Г. Кирпичник. М., 2009. С. 173.
- ¹¹ Детское движение. Словарь-справочник/ Сост. ред. Т.В. Трухачева, А. Г. Кирпичник. М., 2005. С. 147.
- ¹² Всероссийское социологическое исследование «Дети и детские организации в условиях модернизации общества» (проведено ГБУ ДДОО Комитета общественных связей г. Москвы. Рук. Майорова-Щеглова С.Н. Кравченко Л.В., 2010 г. Выборка № 1966, 13 регионов России, квотная по полу, возрасту, типу поселения. Метод – анкетирование подростков 10–15 лет) // Архив ГБУ ДДОО; Социологическое исследование «Родители о детях и детских организациях» (проведено ГБУ ДДОО. Рук. Майорова-Щеглова С.Н., Кравченко Л.В., 2011 г. Выборка N=722, выборка случайная, бесповторная. Представлены родители из всех округов Москвы. Метод – анкетирование) // Архив ГБУ ДДОО.
- ¹³ Указ «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» от 2 июня 2012 г. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения 16.08.2012).

В.П. Ткач

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕ ТРЕХ ЛЕТ

Статья посвящена исследованию социальных аспектов медиапотребления детей младше трех лет на основе анализа экспертных интервью родителей. Особое внимание уделено факторам, влияющим на объемы детского медиапотребления, и овладение навыками взаимодействия со средствами массовой информации.

Ключевые слова: медиапотребление, дети младше трех лет, родители, экспертный опрос, средства массовой информации.

Начиная с середины XX в. повседневные практики медиапотребления стали для социологов привычным объектом изучения. Сегодня средства массовой информации – телевидение, Интернет, пресса, радио – являются верными спутниками любого современного человека. Они играют огромную роль в процессе формирования мировоззрения, в образовании, в становлении общественного мнения. Причем знакомство с медиа начинается в очень раннем возрасте. Современный ребенок к трем годам приобретает, как правило, довольно значительный аудиовизуальный опыт: он активно пользуется телевизионной и компьютерной техникой, владеет навыками обращения с мобильным телефоном, может выйти в Интернет. Без сомнения, уровень осведомленности о различных медианосителях, а также степень владения ими зависят от целого ряда факторов, основными из которых выступают возраст, наличие медийных средств в семье и отношение родителей к медиаобразованию. Однако при любых условиях интерес, проявляемый детьми к медиа, остается неизменно высоким, превращая средства массо-

вой информации в неотъемлемую часть детской жизни. Исследование структуры детского медиапотребления позволяет выстраивать прогнозы дальнейшего развития медиасреды. Дети уже сегодня закладывают фундамент основных трендов потребления средств массовой информации. Пройдет не так много лет, и они будут определять облик страны, стиль жизни и основные характеристики медиапространства.

Работ, посвященных анализу специфики медиапотребления детей в возрасте до трех лет, практически не существует. Это связано прежде всего со сложностью получения информации от респондентов столь юного возраста. Недостаточный уровень развития коммуникативных способностей ребенка младше трех лет делает применение любых опросных методов невозможным. Даже проективные методы, требующие от детей навыков рисования, различения цветов, ролевых игр, рассчитаны, скорее, на возрастные особенности старших дошкольников. Кроме того, у детей до трех лет еще не сформировано понимание и оценка социальных явлений, поэтому задавать им вопросы напрямую не имеет смысла. В такой сложной исследовательской ситуации на помощь мог бы прийти метод наблюдения, который многие специалисты считают фактически единственным методом получения социологической информации в ситуации исследования детей младше 6 лет¹. Однако создать условия для наблюдения за медиапотреблением детей младше трех лет – нелегкая задача: ведь это тот возраст, когда ребенок большую часть времени проводит дома с семьей. Получить согласие родителей на участие в подобном исследовании достаточно сложно. Тем более, что для наблюдения за повседневными практиками медиапотребления может потребоваться длительное время. Также велика вероятность того, что присутствие постороннего взрослого наблюдателя заставит детей менять привычные для них модели поведения и приведет к некорректным результатам.

В итоге фактически единственным методом, позволяющим получить достоверную информацию о медиапотреблении детей в возрасте до трех лет, является опрос родителей, выступающих в качестве экспертов. Подобный экспертный опрос помогает достаточно широко осветить повседневные практики взаимодействия детей с современными медианосителями, раскрыть, как они изменялись по мере взросления ребенка, выяснить сложившиеся к этому возрасту детские медиапредпочтения, а также предоставляет информацию об отношении родителей к медиапотреблению детей и влиянию их позиции на специфику взаимоотношений ребенка с медиаканалами.

Нами был проведен экспертный опрос 30 родителей, имеющих детей младше трех лет. Вопросы задавались респондентам в процессе личного интервью, что позволяло обсудить особенно интересные аспекты, заострить внимание на отдельных ситуациях, раскрыть личную позицию родителя по отношению к анализируемой проблеме.

Медийная реальность окружает современного ребенка с рождения. И с самого раннего возраста дети начинают проявлять интерес к телевизору, компьютеру, мобильному телефону. Это неудивительно: все яркое, динамичное, громкое привлекает детское внимание. Как только у ребенка формируется способность фокусировать зрение, одним из первых объектов, притягивающим его взгляд, становится экран. Скорость усвоения детьми навыков пользования современной техникой не может не удивлять.

Современные родители делятся на два ярко выраженных лагеря. Одни считают, что медиапотребление способствует развитию или, по крайней мере, не вредит ребенку и одновременно дает взрослым немного свободного времени. Такие родители не препятствуют детскому медиапотреблению, а зачастую даже поощряют. «Эти дети с двух лет компьютером пользоваться умеют и всю жизнь в мониторы глядеть будут. Ну, может, какой-то ущерб зрению будет, если подолгу смотреть, но против прогресса не пойдешь, зато они умнее нас и более информативно подкованными будут». Другие выступают яркими противниками детского медиапотребления, обвиняя телевизор и компьютер в задержке развития, в проблемах со становлением речи и в повышенном нервном возбуждении ребенка. «У маминой подруги ребенок больной – аутизм. Она его днем маленького до года, чтобы заняться домашними делами, перед телевизором часто сажала. Как им потом врач сказала, сейчас это заболевание проявляется в 90% случаев под действием рекламы».

Зачастую выбор той или иной модели поведения напрямую связан с практикой медиапотребления, принятой в семье. Если взрослые сами с удовольствием в больших объемах смотрят телевизор или вечерами сидят за компьютером, то и отношение к детскому медиапотреблению является более лояльным. «Нас везде преследует телевизор. На кухне в стульчике сидим, кашу кушаем и смотрим утренние новости; когда в комнате на качельках катаемся, увлекаемся сериалами, а в спальне перед сном смотрим вечерний сериал». Причем объемы медиапотребления у многих родителей выросли именно после рождения ребенка, так как им приходится больше времени проводить дома, а телевизор и компьютер не дают почувствовать себя отрезанными от мира. «А как ей не давать компьютер, если

я сама постоянно в Интернете? Мне же тоже нужно знать, что я не в тюрьме». Если в семье уже есть дети постарше, то объемы медиапотребления младшего ребенка обычно выше, чем у других детей в том же возрасте, так как они имеют возможность присоединиться не только к родителям, сидящим за телевизором, но и к старшим братьям или сестрам. «Старшая дочь у нас поздно начала смотреть телевизор: около 3 лет, не раньше. Мы особо не ограничивали, просто телевизор сами редко смотрим, зато она занималась развивающими играми, лепкой, рисованием, пересказывала наизусть длинные сказки и стихотворения. Начала смотреть мультики советские добрые, к этому времени младшему был год, и вот он начал рано смотреть, любит смотреть телевизор, хотя мы ограничиваем, как можем». Во многих семьях медианосители служат способом развлечь детей, если родители не могут уделить им достаточного времени или просто нужно отвлечь ребенка. «У нас подъем в 7 утра, а я хочу спать еще, вот я кладу его к себе, включаю телевизор, и час-полтора у меня есть, чтобы еще поспать». В результате жизнь ребенка проходит под фон работающего компьютера или телевизора. «Я, наверное, отвратительная мать: у нас постоянно работает телевизор, причем ребенок даже его не смотрит, просто привычка – встал, включил. Отвлекается или на любимые мультики, или на развивающие программы, все остальное фон. Либо она выключает телевизор, включает ноутбук, ставит себе мультик и идет заниматься своими делами».

Надо отметить, что дети в таких семьях зачастую относятся к медиаустройствам более равнодушно, чем те, для кого телевизор и компьютер под запретом. «Наш как с утра просыпается и сразу за пульт, несет его мне, мол, включи, а я не разрешаю. Сразу обижается, плачет, может и истерику закатить. Я уже говорила: только “Спокойной ночи!” смотрим и один-два мультика в день, но не больше!» Как следствие, отношение родителей к детскому медиапотреблению не всегда коррелирует с количеством времени, которое ребенок проводит перед экраном. Велика доля семей, где родители не приветствуют активное телесмотрение или использование компьютера, но уступают требованиям детей или вынуждены подстраиваться под обстоятельства, в результате чего их ребенок проводит перед экраном достаточно много времени.

По объему медиапотребления всех детей можно условно разделить на три группы. Первая группа – это дети, которые либо совсем не смотрят телевизор и не пользуются компьютером, либо делают это крайне редко, от случая к случаю, но не больше часа в день. Ко второй группе относятся дети со средним уровнем медиапотребле-

ния – от часа до трех часов в день. И, наконец, третья группа – полная противоположность первой, сюда попали дети, чье медиапотребление не ограничивается родителями, либо эти попытки не приносят существенных результатов. Как следствие, эти дети проводят перед экраном свыше трех часов в день.

Попадание в ту или иную группу зависит не только от позиции родителей по отношению к детскому медиапотреблению, но и от возраста ребенка. Дети до года обычно оказываются перед экраном случайно, повседневных практик телесмотра или использования компьютера у них еще не появилось. Первые шаги в медиапотреблении начинаются после года, когда ребенок учится пользоваться пультом управления, сенсорным экраном мобильного телефона, а некоторые и компьютерной мышкой. В этот период многие дети переходят в группу со средним уровнем медиапотребления – от часа до трех в день. А после двух лет для некоторых компьютер, планшет и телевизор становятся основными видами досуга, в результате чего эти дети попадают в третью группу, проводя перед экраном более трех часов в сутки.

Ребенок, чье медиапотребление практически не ограничено, к трем годам обладает навыками использования современной техники, незначительно отличающимися от уровня взрослого пользователя. Он свободно переключает каналы на телевизоре, настраивает уровень громкости, использует все возможности DVD-плеера. Владение компьютером не ограничивается у таких детей просмотром видео, но также подразумевает умение пользоваться мышкой, поиск в Интернете, работу с файлами и папками. Мобильные телефоны и планшеты к этому возрасту освоены детьми зачастую лучше, чем взрослыми, за счет применения технологии «тачскрин», которая легка и интуитивно понятна в использовании. «Мой не просто любит сидеть мультики смотреть. Он играет в игры. Мышкой пользоваться он научился сто лет назад. Я даже не вспомню когда. А в “Злых птиц” он играет в миллион раз лучше, чем я, плюс гоняет на гонках. В планшетнике ему даже включать ничего не надо. Просто даешь, а дальше он сам. Включаешь Youtube, а он уже по памяти заходит, куда ему надо. Как он запоминает, читать-то ведь не умеет? Он в компе, планшетнике, телефоне как у себя дома. Вот они, современные дети! Теперь учит моего папу в компьютерные игры играть».

Ребенок до трех лет, не ограничиваемый в объемах медиапотребления, становится к этому возрасту активным интернет-пользователем. Он умеет пользоваться браузером, имеет любимые сайты, знает, как на них попасть, умеет смотреть онлайн-видео, у него есть

собственные, обычно созданные для него родителями закладки в Интернете, на компьютере есть свой специализированный скачанный из сети контент, который ребенок просматривает самостоятельно. «Сын сам включает Интернет, либо идет на Ivi.ru и смотрит там мультики, те, которые бесплатные, либо у него есть пара любимых закладок, к примеру Youtube или картинки с животными, либо просто лазит по Интернету, если на что-то интересное натывается, то зависает на этом сайте». Причем взрослые не ставят себе задачу научить этому ребенка, скорее даже наоборот, стараются совершать все необходимые действия самостоятельно, опасаясь за дорогую технику. Но дети на удивление легко овладевают новыми медианавыками, сложными даже для взрослых. «Удалила из закладок “Яндекс видео”, а то смотрит там не пойми что, так он заходит в настройки браузера, находит нужную ссылку в истории запросов и опять включает».

Компьютеры привлекают детей не только разнообразными возможностями Интернета, но и играми. Сейчас существует огромное количество развивающих компьютерных игр, в том числе предназначенных и для детей совсем маленького возраста. Многие родители не видят в подобных развлечениях ничего плохого, если ребенок не играет слишком долго. Однако дети чаще интересуются не специально созданными для их возраста познавательными играми, а играми для взрослых, содержание которых не всегда подходит для детского восприятия. Если взрослые периодически позволяют себе играть в компьютерные игры в присутствии ребенка, то можно быть уверенным, что это увлечение не обойдет и малыша. «Наш папа после работы любит засесть за комп и поиграть по сети в “Танчики”. Я думала, дочке это будет неинтересно, и особо внимания не обращала, а ее теперь от экрана не оттащишь, засыпаем каждый вечер под звуки рвущихся снарядов». Интересны детям не только компьютерные игры, но и игры на мобильных телефонах. Так как полноценно пользоваться сотовым ребенком еще не может, основное развлечение, которое ему доступно, – это игры. Их дети осваивают мгновенно. Особенно если речь идет о смартфоне с «тачскрином». «Пришлось отдать ребенку свой старый Iphone, а себе купить новый, он на нем и мультфильмы смотрит, и играет, и делает вид, что папе на работу звонит».

Естественно, любимым времяпрепровождением перед любым экраном остается просмотр мультимедийных фильмов. Но теперь дети смотрят их не только по телевизору, но также на компьютере, планшете или смартфоне. К трем годам у большинства детей уже проявились индивидуальные телепредпочтения. Кому-то больше нравятся старые полнометражные мультфильмы производства

студии «Disney», другие не могут так долго усидеть перед экраном и предпочитают короткие мультсериалы в стиле «Том и Джерри». Большой популярностью сейчас пользуются японские мультипликационные фильмы, сложные названия которых зачастую могут воспроизвести только сами юные зрители, а родители даже не пытаются их запомнить. И, конечно же, неизменным успехом пользуется отечественная мультипликация. Некоторые родители стараются растить своих детей только на советских мультфильмах, на которых были воспитаны они сами. Впрочем, современные российские мультипликационные сериалы, такие как «Маша и медведь» или «Смешарики», большинству взрослых также представляются достаточно удачными, а дети могут смотреть их бесконечно.

Все родители подтверждают любовь младшего поколения к рекламным роликам. «Как только слышит знакомую музыку, все бросает, несется к телевизору и замирает, чуть ли не открыв рот. Зато можно на все время рекламной паузы оставлять ее спокойно одну, никуда не убежит». Маленьких детей отличает слабая фиксация внимания: ребенок не способен увлечься чем-то на длительное время. Практически каждый рекламный ролик – это короткий законченный сюжет с небольшим числом персонажей. Яркая цветовая гамма и запоминающаяся мелодия притягивают детское внимание. Кроме того, постоянное повторение рекламных роликов, так раздражающее взрослых, привлекательно для юных зрителей, радующихся знакомому сюжету и персонажам.

Достаточно распространенный совместный телепросмотр приводит к тому, что дети видят и передачи, не предназначенные для их возраста. Родители стараются избежать подобных ситуаций, но удается это только тем, кто сам смог отказаться от телесмотра либо перенес его на ночное время, когда ребенок уже спит. В любом другом случае дети неизбежно становятся зрителями и сериалов, и новостей, и фильмов для взрослых, так как отвлечь ребенка на другие занятия, если в комнате включен телевизор или работает компьютер, по мнению большинства родителей практически невозможно. Причем с рождением ребенка во многих семьях практики телепотребления претерпели определенные трансформации: часть родителей стала смотреть телевизор больше, добавив к времени своего телесмотра время, которое проводят перед экраном их дети. Другая часть стала смотреть телевизор меньше, чтобы ограничить в телесмотрении своих детей.

Проблема, на которую жалуются многие родители, чьи дети освоили к трем годам современную технику, это отсутствие интере-

са к книгам. Ребенок привыкает к постоянной смене изображения, к мгновенной реакции на свои действия, к интересному звуковому сопровождению, которые характерны для использования компьютера, мобильного телефона или телевизора. «Сын еще может посмотреть книжку, если она издает какие-нибудь звуки, а иначе просто закрывает тут же и уходит». В книгах таким детям не хватает интерактивности и динамичности.

Современные дети живут в совершенно ином мире, чем жили в детстве их родители. Они больше общаются с компьютерами и телевизорами, чем со взрослыми или друг с другом, «поселившись» с самого раннего возраста в Интернете. Специфика такого интенсивного медиапотребления предопределяет многие особенности этого поколения. Во-первых, все более заметным становится преобладание виртуальной коммуникации над межличностной. Кроме того, идет процесс снижения авторитета родителей с одновременным усилением роли детей в качестве экспертов. Детям все более свойственна склонность к так называемому «клиповому мышлению»: более качественному усвоению информации, если она подается короткими яркими сюжетами. Новое поколение требует от любого медиа максимальной интерактивности и возможности для обсуждения полученной информации – социальной составляющей. Причем информация должна быть легко доступна в любой момент в любом месте. Это, вероятно, будет первое в полной мере «цифровое» поколение, представители которого никогда не жили в мире без доступа к сотне телевизионных каналов, широкополосного Интернета, повсеместно доступной Wi-fi связи, планшетов и смартфонов. Уже современные подростки в той или иной мере демонстрируют эти черты, но в детях, которым сейчас нет еще и трех лет, они проявятся в полном объеме. Нельзя охарактеризовать эти особенности как положительные или негативные, надо просто иметь в виду, что новое поколение принципиально отличается от предыдущих. Специфика этого поколения изменит не только сферу медиапотребления, но и наложит свой отпечаток на другие области повседневной жизни: ценностные ориентации, процесс коммуникации, практики потребления, мировоззрение людей в целом.

Примечания

---

¹ Щеглова С.Н. Как изучать детство? Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М.: ТО ЮНПРЕСС, 2000.

Методы и опыт социологического измерения

А.В. Стрельникова

СОЦИАЛЬНОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ: ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДА

Автор рассматривает социальное картографирование как одну из междисциплинарных методик, которая сейчас переживает всплеск интереса исследователей. Общим фоном такого повышенного интереса служит усиливающаяся «визуальность» социального мира в целом. Отмечается, что современные информационные технологии позволяют создавать многомерные, интерактивные разновидности карт, а возможности их использования в настоящее время выходят за пределы социальной географии и социологии города, охватывая практически все сферы повседневной жизни.

Ключевые слова: социальное картографирование, социология города, рисуночные методики, интерактивные карты.

Городское пространство заполнено знаками прошлого и настоящего, включая объекты архитектуры и искусства, рекламу, следы жизнедеятельности сообществ. Каждый из этих типов знаков может стать объектом внимания социолога, поскольку представления о повседневном пространстве используются индивидами для упорядочивания своего жизненного опыта. Именно поэтому различные методики, в основе которых лежит применение пространственных рисунков, карт и схем, достаточно активно используются в социальных науках, и интерес к ним в настоящее время возрастает.

Рисунки, ментальные карты, социальное картографирование. Сложившаяся традиция использования пространственных рисунков и картографических методик берет свое начало в работах Чикагской школы. В ходе проектов по изучению городской среды обычная карта Чикаго маркировалась в соответствии с социальными характери-

стиками городской среды (от популярности тех или иных городских мест до уровня преступности). Эти характеристики были получены в ходе серии наблюдений, результаты которых и наносились на карту. В результате социологические данные получали географическую привязку. Таким образом, социальное картографирование изначально понималось и как техническое подспорье для анализа, и как самостоятельный документ, повествующий о социальной реальности.

Следует различать собственно рисунки как образы пространства, рисунки – ментальные карты¹, в которых по просьбе исследователя структурно отображается определенная местность (территория, часть пространства), и непосредственно социальное картографирование, где схему пространства маркирует сам исследователь в соответствии с поставленными задачами (указывая на карте стоимость жилья, динамику политических протестов и т. д.). Ментальная карта города в отличие от рисунка города содержит схему пространства или, по крайней мере, отсылку к такой схеме, даже если ее масштаб (выбираемый информантом) произволен; в отличие от социального картографирования такая карта создается непосредственно информантом. Например, рисунок своего любимого места в городе или типичных городских маршрутов обычно наполнен личностным опытом, субъективными переживаниями. Он не обязательно совпадает с общей картиной и картографией города, поскольку отображает только те участки пространства, которые являются для индивида значимыми, ценными. Соответственно, исследователь может искать и интерпретировать визуальные образы, отражающие социальную среду респондента.

Примеры использования картографических методик. Картографические методики могут помочь в выявлении социальной обусловленности пространственных практик через наглядное отображение социальных границ. Так, в ряде эмпирических исследований были выделены группы горожан, различающиеся по преобладающим формам социальной активности и самоидентификации с определенными сегментами городской территории. Например, в исследовании Е.Ю. Герасимовой и С.А. Чуйкиной было обнаружено, что некоторые группы населения имеют излишне схематичное, стереотипизированное представление о социальных различиях по сравнению с другими жителями города. Так, рабочие, живущие на окраинах, считали, что для них предназначены новые районы, а центр города населяют «культурные люди», «интеллигенция»². В исследованиях А.Е. Карпова также были обнаружены различия в территориальной идентичности и, как следствие, в территориальном поведении горожан в зависимости от пола, возраста, образования, благосостояния³.

Примечательным выглядит наблюдение Н.В. Веселковой в ходе применения методики ментальных карт города: «Делясь впечатлениями по окончании рисования, информанты сетовали на свое незнание количества и официального названия районов, их размеров и соотношения друг с другом, местонахождения отдельных объектов и т. п.»⁴. Иными словами, все эти формальные, объективные категории оказались совершенно не важными для проживания в городе и для формирования его образа. Таким образом, данная группа методик помогает уточнить особенности восприятия городского пространства (отстраненное или личностное), описывает некоторые идентификационные аспекты, позволяет выявить символическую нагруженность различных элементов города.

a)

б)

Рис. 1. Примеры рисунков горожан

Использование схемы метро в социальном картографировании.

Наши эмпирические исследования показывают, что схема метро во многом влияет на формирование образа пространства Москвы. Это и значимый ориентир, и элемент, который масштабирует пространство: «У меня карта города, еще со времен института, ассоциируется исключительно с картой метрополитена, так и ориентируюсь иногда до сих пор. Ну и центр – это то место, где пересекаются больше всего кружочков... ну ты понимаешь, Пушкинская, Чеховская, Тверская».

Разного рода «изменения масштаба», связанные с метро, встречались нам неоднократно в ходе проводимых интервью. Например, люди не всегда могли четко сформулировать свой ответ о той или иной части города и начинали искать точки опоры в схеме транспорта: «Там, где заканчивается метро, там для меня уже начинается Подмосковье», «где Охотный ряд, там центр», «если ориентироваться по станциям метро, то это примерно где-то слева наверху. Митино, Планерная. Там точно не была ни разу».

Показательной выглядела ситуация с рассуждениями о том, живет ли сам респондент в центре города. Через описание личных ощущений («я в принципе себя комфортно чувствую в любом месте в центре... в пределах Садового кольца»; «центр – это то место, где найти человека, который подскажет дорогу, просто нереально, так как все снуют туда-сюда и все нездешние») субъективно воспринимаемые границы центра расширялись по направлению к месту проживания человека. Сначала описывался «единогласно понимаемый» центр столицы («Москва является столицей нашей страны, и каждый знает, что в центре находятся Красная площадь, Кремль, куранты, собор Василия Блаженного») как территория в пределах Садового кольца (исторический, административный, культурный центр). Далее границы центра субъективно расширялись с учетом того, сколько времени необходимо человеку, чтобы добраться от своего дома до центральных улиц.

Традиционные места для назначения встреч, особенно с незнакомцами, четко привязаны к схеме метро, причем, как правило, к центральным станциям: «Точно в центре... Я назначу у входа в м. Тверская»; «В центре зала на Пушкинской, ну в метро я имею в виду»; «На Китай-городе, в центре зала, на оранжевой»; «скорее всего это был бы центр Пушкинской подземки»; «Наверно ближе к моему дому, у метро Коломенская, ну или на Тверской».

Таким образом, в Москве метро является одним из главных и четко распознаваемых *путей*, по К. Линчу: «Пути – это коммуни-

кации, вдоль которых наблюдатель может перемещаться постоянно, периодически или только потенциально. Их роль могут играть улицы, тротуары, автомагистрали, железные дороги, каналы. Для многих это преобладающие элементы в их образе окружения: люди обозревают город, двигаясь по нему, относительно путей организуются все остальные элементы среды»⁵.

Московское метро выбирается как ориентир и место для романтических, дружеских и деловых встреч, а также используется в практиках неформальной экономики (например, для участников совместных закупок⁶, для частных продаж и обменов и т. д.). Подобная ориентированность горожан на метро характерна не для каждого мегаполиса. Так, А. Бикбов, сравнивая Москву и Париж, отмечает: «Зеркальная привязка ряда практик к оппозиции кафе/метро в Москве и Париже могла бы стать предметом самостоятельного анализа <...> встречи в Москве нередко назначаются на станции метро, и почти никогда в Париже (“это в принципе возможно, но странно”), но сразу в кафе, топографией которых парижанин должен владеть не хуже, чем москвич – топологией метро»⁷.

В рисунках маршрутов выделяются композиционные элементы, которые встречаются чаще всего: это перекрестки, названия станций и остановок, изображение различных видов транспорта, направление движения.

Интерактивные карты. В последние годы в связи с активным развитием Интернет-технологий появляются возможности для расширенного использования картографических практик. Эти процессы оказывают влияние и на модификацию социологических методов, таких как социальное картографирование. В частности, технические возможности многомерного отображения самых разных явлений социальной жизни привели к появлению *интерактивных карт*. Интерактивные карты – это динамичные визуальные материалы, отражающие различные внешне наблюдаемые аспекты общественной жизни и размещенные в той или иной схеме пространства. В отличие от традиционного картографирования подготовка интерактивной карты подразумевает, во-первых, наличие обратной связи между создателями карты и теми, кто ею пользуется, во-вторых, доступ к подобной карте осуществляется посредством сети Интернет, в-третьих, при подготовке интерактивной карты подразумевается отображение на ней неких многоуровневых динамических процессов и возможность дополнительных действий (например, возможность перехода от сегмента к сегменту карты и автоматическое переключение режима подачи информации о каждом

сегменте, наличие анимации). Одним из примеров может служить сервис «Мир карт», где представлены интерактивные карты как общего плана (плотность автодорог, прирост населения), так и тематически структурированные (социальная сфера, образование, экология, политическая активность)⁸.

В последние годы растут запросы на наполнение существующих карт субъективными составляющими, что приводит к развитию сегмента интерактивных карт, целиком создаваемых пользователями. В этом случае интересные объекты, а также комментарии к ним могут наноситься на виртуальную карту в реальном времени, для чего используются разнообразные интернет-сервисы и специализированные мобильные приложения для смартфонов. Например, пользователи социальных сетей могут отмечать свое актуальное местонахождение, включая географические координаты места и название объекта, а также добавлять фотографии и комментарии, причем данная «картографическая активность» становится сразу же доступна окружающим, которые также могут вовлекаться во взаимодействие по поводу наполнения карты⁹.

Таким образом, использование картографических методик становится все более популярным под влиянием «визуального поворота» в массовой культуре. Зародившись как социально-географическая методика, картирование пространственных объектов в настоящее время становится все более распространенным и в повседневной жизни. Визуальность социального мира находит свое отражение в современных информационных технологиях, которые позволяют создавать интерактивные разновидности карт. Такие карты подразумевают их использование среди самой широкой аудитории, становясь не только удобным инструментом визуализации и аналитической интерпретации, но и выполняя досугово-информационную функцию.

Примечания

---

¹ Н.В. Веселкова обращает внимание на то, что это понятие в настоящее время является размытым, поскольку под понятие ментальных карт подводятся разноплановые методические вариации рисунков о городе. В то же время должны существовать четкие методические критерии, уточняющие специфику именно ментальных карт. В своей работе она предлагает набор из таких критериев. См.: *Веселкова Н.В.* Ментальные карты города: вопросы методологии и практика

использования // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 2010. № 31. С. 5–29.

- ² Герасимова Е., Чуйкина С.А. Символические границы и «потребление» городского пространства (Ленинград, 1930-е годы) // Российское городское пространство: попытка осмысления. М.: МОНФ, 2000. С. 150.
- ³ Карпов А.Е. Имплотация городского пространства: проблема существования центра в городах современной России // Там же. С. 92–113; Карпов А.Е. Различение. Пространство в городе // Статьи и эссе. Социологическое обозрение. Т. 1. № 2. 2001. С. 58–71.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; Под ред. А.В.Иконникова. М.: Стройиздат, 1982 // URL: http://www.glazychev.ru/books/translations/Linch/Linch_2.htm (дата обращения 10.11.2012).
- ⁶ Практика совместных закупок (СП) стала популярной в последние 5–7 лет и представляет собой способ самоорганизации людей для выгодного приобретения различных товаров. Эта практика гендерно асимметрична (подавляющее большинство участников – женщины). В Москве встречи участников совместных закупок, связанные с передачей денег организатору и с последующей раздачей заказов, обычно происходят в метро.
- ⁷ Бикбов А. Москва / Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос. 2002. № 3–4.
- ⁸ Мир карт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirkart.ru> (дата обращения 02.10.2012).
- ⁹ См., например, сервис для смартфонов foursquare.com.

А.В. Кученкова

ОТНОШЕНИЕ К ПРАВУ НА ПРОТЕСТ В РАЗНЫХ СТРАНАХ: ОПЫТ ВТОРИЧНОГО АНАЛИЗА

В статье представлены результаты сравнительного анализа 32 стран по уровню одобрения населением протестного поведения. Выявляется, к каким типам политической культуры относятся страны с разной степенью поддержки населением политического протеста. В связи с этим рассматриваются понятие политического протеста, типология политических культур. В качестве метода анализа данных используется «сравнительный качественный анализ» Ч. Рейджина.

Ключевые слова: право на политический протест, политическая культура, «сравнительный качественный анализ».

В каждом государстве представители верховной власти заинтересованы в поддержании социальной стабильности в обществе, формировании и использовании легитимных каналов взаимодействия и коммуникации с народом и недопущении массовых акций протеста. Последние являются видом политической активности, способом выражения мнений, требований, недовольств и могут принимать различные формы: сбор подписей под коллективными обращениями, митинги, демонстрации, забастовки, голодовки, пикетирование государственных учреждений и др.

Для прогнозирования и предупреждения подобного рода акций необходимо отслеживать и оценивать настроение населения, степень недовольства людей собственным положением и деятельностью властей, отношение к различным формам протеста и готовность принять в них участие. Другим направлением в изучении протестного поведения являются исследования по выявлению ус-

ловий и факторов, способствующих проявлению этой формы политической активности.

В связи с существованием различных политических культур в разных странах актуальным представляется вопрос: являются ли факторы, детерминирующие отношение к протестному поведению, универсальными для всех стран? Для поиска ответа на него было проведено сравнительное исследование 32 стран, отличающихся не только по уровню поддержки населением протестных акций, но и по другим ключевым характеристикам политической культуры.

Протестное поведение как элемент политической культуры

Понятие политического протеста определяют по-разному. С точки зрения нормативного подхода¹ данный вид активности трактуется как нарушение общественного порядка, возникающее в условиях недостаточно развитой нормативной базы и практики использования легитимных каналов коммуникации граждан и представителей власти. В рамках социологии конфликта² протестное поведение рассматривается как форма проявления политического конфликта, способ выражения несогласия населения с действиями властей, «естественное проявление политической активности, направленной на радикальное совершенствование общества»³.

Какие бы дефиниции ни давались протестному поведению, оно в виде конкретных акций наряду с отношением к нему, готовностью граждан принимать участие в различных акциях, а также опытом участия в них и их распространенностью является частью политической культуры общества, находясь в тесной связи с ее другими элементами. Как известно, политическая культура представляет собой «совокупность ориентаций, убеждений и мнений, которые вносят последовательность и наделяют смыслом политический процесс и которые поставляют те основополагающие представления и нормы, которыми управляется поведение в политической системе»⁴. Тем самым речь идет о сложившихся в обществе нормах и практиках коммуникации граждан с представителями власти, реакции на их решения, критериях оценки политической ситуации, «распределение моделей ориентации на политические объекты среди ее членов»⁵, формирующихся в процессе политической социализации граждан в обществе, и, соответственно, зависящей от исторических и культурных особенностей государства.

На необходимость изучения социально-психологической составляющей политической культуры (знаний, мнений, чувств, оценок граждан) впервые обратили внимание Г. Алмонд и С. Верба.

В своем труде «Гражданская культура»⁶ они выделили три «идеальных» типа политических культур: «парохиальная» («приходская», «общинная»), «подчинения» («подданническая»), «участия». Тип политической культуры общества зависит от господствующего отношения к политическим институтам, участвующим в разработке политических решений, к структурам, реализующим эти решения, к акторам политических процессов, государству в целом. Если индивиды индифферентны по отношению ко всем четырем элементам, в обществе господствует «парохиальная» культура. В отличие от нее, для «подданнической» культуры характерна сформированная установка по отношению к системе в целом (т. е. к государству) и по отношению к принятым политическим решениям, при этом наблюдается пассивная позиция граждан, отсутствие интереса и возможности оказывать влияние на политическую жизнь. Наконец, культура «участия» предполагает активную позицию граждан, обладающих знаниями о политической сфере, следящих за процессами, в ней происходящими, и со сформированными установками по отношению ко всем четырем группам объектов.

В середине 1990-х годов голландские исследователи Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс⁷ усовершенствовали типологию Г. Алмонда и С. Вербы, выделив больше типов политической культуры. Кроме того, они соотнесли характеристики каждого типа с конкретными эмпирическими показателями. По их мнению, отношение к политической системе в целом может быть измерено как уровень политического интереса граждан, отношение к институтам, реализующим политические решения, т. е. уровень политического доверия, а отношение к личности (к себе как участнику политической жизни) – как участие в политических акциях. Сочетание высокого или низкого уровня всех трех составляющих определяет тип политической культуры, господствующий в обществе.

Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс выделили три типа пассивных политических культур («приходская», «подчинения», «наблюдателей») и шесть типов активных культур («протестная», «клиентистская», «автономная», «гражданская», «участия», «гражданского участия»). Первые три типа характеризуются низким уровнем участия населения в политической жизни, более того, уверенностью в невозможности оказывать влияние на власть. Кроме этого в «приходской» культуре низок уровень интереса граждан к политической сфере и степень доверия властям; более высокое значение последнего показателя характерно для культуры «подчинения». Наконец, «наблюдатели» демонстрируют высокий или средний уровень за-

интересованности в событиях и процессах политической жизни, при этом степень доверия к представителям власти может быть как высокой, так и низкой.

Все шесть активных типов политической культуры отличает активная гражданская позиция населения, которое убеждено, что может оказывать влияние на власть и участвует в политической жизни общества. Если при этом в обществе низок уровень интереса к политике, то такая культура будет либо «протестной» (при низком уровне доверия властям), либо «клиентистской» (при высоком уровне доверия). Если же степень заинтересованности граждан в политике находится на среднем уровне, то политическая культура в этих странах либо «автономная» (при недоверии к властям), либо «гражданская» (при высоком уровне доверия). Последние два типа культуры объединяет активное проявление интереса со стороны населения к сфере политики; если при этом граждане не доверяют властям, это будет свидетельствовать о распространенности культуры «участия», другая ситуация (когда граждане проявляют высокий уровень доверия к властям) представляет собой культуру «гражданского участия».

Следует отметить, что различные виды политических культур используются как «идеальные типы». Кроме того, в каждом обществе в разной пропорции сосуществуют несколько видов политических культур. Их соотношение и определяет общий облик отношения граждан страны к политическим вопросам, а также их участие в этой сфере жизни общества.

Отношение к протестному поведению, являясь частью политической культуры, находится в тесном взаимодействии с другими ее составляющими. Следовательно, изучение этого феномена предполагает рассмотрение его во взаимосвязи с другими установками (по отношению к представителям власти, к собственным политическим правам и др.).

Существуют различные теории, объясняющие механизмы и факторы протестного поведения, в каждой из которых на первый план выходят разные детерминанты, связанные как с условиями и особенностями развития общества, так и с индивидуальными особенностями людей и их участия в политической жизни. Одним из таковых подходов является *социально-психологический*⁸, в рамках которого возникновение акций политического протеста связано с личностными качествами людей: во-первых, с их вовлеченностью в политическую жизнь общества, с уверенностью в том, что индивидуальные действия могут оказывать влияние на политический процесс; во-вторых, с теми свойствами, которые влияют на граждан-

скую активность (склонность к доминированию, самоуважение, социальность). Наряду с указанными факторами протестного поведения выделяют следующие⁹: недоверие к представителям и органам власти, неудовлетворенность условиями и уровнем жизни, негативная оценка деятельности органов власти и ее отдельных представителей, негативное социальное самочувствие (отрицательное эмоциональное состояние и настроение, небольшой запас терпения), экономическое положение, обостренное чувство депривации.

Причем большое значение имеют не столько указанные факторы сами по себе, но их сочетания. Так, Е.И. Головаха и Н.В. Панина¹⁰ отмечают, что высокий уровень неудовлетворенности политикой властей и одновременно низкий уровень участия населения в «легитимных» формах коммуникации с представителями власти могут привести к увеличению стихийных форм массового участия населения в политическом процессе, в том числе в различных акциях протеста.

В нашем исследовании мы будем опираться на социально-психологический подход и проверять, сочетания каких характеристик, убеждений способствуют одобрению/неодобрению права на политический протест.

Эмпирическая база, вторичная концептуализация и методика анализа данных

Эмпирической базой исследования послужили данные Международной программы социальных исследований¹¹. Использовались результаты опроса 2006 г., посвященного изучению роли правительства в государстве и другим аспектам политической жизни общества. Опрос проводился в 32 странах с использованием стандартизированного вопросника, унифицированного для всех стран. Количество опрошенных в каждой стране колебалось от 993 до 2781 человек.

Для анализа данных, поиска и установления закономерностей использовался метод «сравнительного качественного анализа» Ч. Рейджина¹² (далее – СКА), позволяющий производить формализованный сравнительный анализ небольшого количества объектов, рассматривать группы объектов с противоположным значением целевого показателя и устанавливать сходства в их описаниях (общие для них сочетания характеристик). В результате все объекты разбиваются на пересекающиеся подгруппы, обладающие одинаковой комбинацией значений нескольких признаков.

В качестве целевого признака выступал показатель отношения населения к праву на политический протест – одобрение/неодо-

брение легализации различных протестных акций, направленных в адрес правительства государства. Было отобрано пять показателей, выступающих в роли *потенциальных детерминант* (не)одобрения права на протест: степень интереса к политике; уровень политической эффективности (уверенность в возможности «обычных» людей оказывать влияние на власть); уровень доверия к представителям власти; готовность соблюдать законы в любых обстоятельствах; участие в последних выборах государственного уровня (явка). Их выбор был обусловлен, с одной стороны, теоретическими представлениями (включались факторы, которые должны оказывать воздействие на отношение к протестному поведению), с другой стороны, ограниченным их набором в базе данных. Эмпирически было установлено, что включение других показателей (например, политические ориентации, самооценка экономического положения, удовлетворенность деятельностью правительства и др.) только ухудшало модель, не объясняя различия между странами. Кроме этого определяющим стало то, что метод СКА предполагает использование небольшого количество переменных.

Три показателя из пяти отобранных (а именно участие в последних выборах, интерес к политике и доверие к представителям власти) лежат в основе рассмотренной выше типологии политических культур Ф. Хьюнкса и Ф. Хикспурса и, по их мнению, определяют специфику политической культуры общества. Два других показателя – политическая эффективность (возможность оказывать влияние на власть) и готовность соблюдать законы в любых обстоятельствах – также связаны с отношением к акциям протеста. Последние являются каналом коммуникации с властью, возможностью высказать свое мнение, донести его до руководителей страны и государственных чиновников, тем самым оказывать влияние на власть. А готовность соблюдать законы в любых обстоятельствах является проявлением так называемого объективно-правомерного поведения¹³, а также стремлением к коллективному порядку в противовес индивидуальной свободе. Как показал Р. Инглхарт¹⁴, большинство стран, относящихся к демократическим, в основном демонстрируют не готовность подчиняться законам, а стремление действовать по обстоятельствам. Это свидетельствует об индивидуализации граждан этих стран, о том, что для них свобода личности важнее коллективного порядка и тем самым о демократичности этих стран, что, соответственно, должно приводить к одобрению права граждан на массовые акции протеста против действий правительства.

Преобразование исходных данных

В исходной базе данных были представлены ответы респондентов из 32 стран. Эти сведения нужно было обобщить, чтобы перейти к интегральным показателям по странам, т. е. чтобы в качестве единицы анализа рассматривался не респондент, а страна. В силу этого были введены групповые индексы, вычисленные для каждой страны на основе одномерных частотных распределений по переменным (эмпирическим индикаторам)¹⁵. Затем осуществлялся переход к дихотомическим признакам, разделение объектов (стран) на группы, поскольку для использования метода СКА с помощью булевой алгебры требуется, чтобы признаки, используемые для описания объектов, были дихотомическими¹⁶.

В результате предварительных вычислений и преобразований была сформирована матрица «объект–признак», где каждой строке соответствовала одна из 32 стран, а столбцам – шесть дихотомических переменных (одна целевая и пять детерминант). Каждая из них с двумя альтернативами: 1 означала высокий, а 0 – низкий уровень соответствующего показателя (например, высокий уровень интереса к политике, доверия властям, уверенности в возможности оказывать влияние на власть).

Прежде чем представить результаты применения метода СКА, рассмотрим, каким образом распределились страны по значениям рассматриваемых признаков (уровень одобрения права на протест, интерес к политике, доверие властям, готовность соблюдать законы и участие в последних выборах).

В европейских странах преобладает высокий уровень одобрения права на протест: из 18 европейских стран только в трех (Швейцария, Ирландия, Венгрия) количество респондентов, поддерживающих и не поддерживающих массовые акции протеста, оказалось примерно одинаковым. Среди остальных (неевропейских) стран высокий уровень одобрения права на акции протеста против правительства – в наиболее экономически развитых (таких, как США, Япония, Израиль). Безусловно, то или иное отношение к протестному поведению не является прямым индикатором готовности респондентов принимать участие в конкретных акциях протеста. Однако высокий уровень одобрения легализации этого вида политических действия (в качестве возможности реализации прав свободной личности), согласно Р. Инглхарту¹⁷, является одной из характеристик демократичного общества, в котором индивиды должны осознавать, что имеют право на выражение собственного

мнения, на различные каналы коммуникации с властью, в том числе такие массовые.

Низкий уровень интереса к политике характерен для стран третьего мира (Чили, Доминиканская Республика, Венесуэла, Уругвай, Южная Африка, Тайвань), Восточной Европы (Словения, Хорватия, Латвия, Венгрия, Польша, Россия), Юго-Западной Европы (Испания, Португалия). Высокий уровень интереса встречается в Северной и Центральной Европе, развитых неевропейских странах (США, Япония), а также на Филиппинах и в Новой Зеландии. Эти эмпирические данные согласуются с результатами других исследований. Например, по данным проекта «Европейское социальное исследование» в Скандинавских странах, центральной и континентальной Европе более половины граждан в той или иной степени интересуются политикой, в то время как в Средиземноморье таковых лишь около трети¹⁸. Теми же цифрами оперируют В. Рукавишников, Л. Халман, П. Эстер в сравнительном исследовании политических культур¹⁹.

Уровень политической эффективности оказался выше в двух европейских странах (Франция и Швейцария) и пяти неевропейских (Филиппины, Доминиканская Республика, Япония, Южная Корея, Венесуэла): это страны с самым разным уровнем экономического развития и экономического положения граждан. Согласно определению демократической культуры Г. Алмонда и С. Вербы²⁰, уверенность в возможности оказывать влияние на власть – одна из характеристик демократических обществ. Однако эмпирические данные говорят о том, что в большинстве стран этот показатель невысок, тем самым определение Г. Алмонда и С. Вербы не находит подтверждения. Возможно, это связано с тем, что свою дефиницию они сформулировали более полувека назад, некоторые ее аспекты утратили свою актуальность. Распределение значений показателя «политическая эффективность» не удается объяснить ни уровнем экономического развития страны, ни установленным политическим режимом. Тем не менее, этот показатель используется в эмпирических исследованиях как один из возможных факторов протестного поведения²¹. Признание невозможности оказать влияние на власть трактуется либо как подчинение и покорность граждан (полное доверие властям, отсутствие стремления влиять на власть), либо как их неверие в возможность прямой демократии (в силу того что власть закрыта и сосредоточена в руках чиновников).

Уровень доверия представителям власти выше в ряде стран Европы (Германия, Финляндия, Норвегия, Швейцария, Дания, Ир-

ландия, Нидерланды, Словения), в других странах (Новая Зеландия, Филиппины, Уругвай, Венесуэла, Южная Африка). Значения этого показателя оказались ниже в Восточной Европе (за исключением Словении), развитых неевропейских странах (США, Канада, Япония), неразвитых неевропейских странах (Чили, Доминиканская Республика). По европейским странам эти результаты согласуются с данными «Европейского социального исследования», фиксирующими более высокий уровень доверия политикам в странах Северной Европы, низкий – Восточной Европы.

Уровень готовности подчиняться законам при любых обстоятельствах выше в странах третьего мира (Чили, Доминиканская республика, Тайвань, Уругвай, Венесуэла, Южная Африка), некоторых европейских странах (Ирландия, Чехия, Дания, Испания, Польша, Португалия, Россия, Венгрия), Израиле, США. Более низкие значения этого индекса в странах Северной и Центральной Европы, а также в неевропейских развитых странах (Австралия, Канада, Япония, Южная Корея.). Явка на последние выборы государственного уровня выше всего в странах Северной и Центральной Европы (Финляндия, Норвегия, Швеция, Дания, Германия, Франция), а также в Новой Зеландии, Уругвае, Чили.

Взаимосвязь отношения к праву на протест и политической культуры

По значению целевого показателя (уровень одобрения права на протест) все страны были разбиты на две группы (с высоким и низким уровнем поддержки протестных акций), каждая из которых рассматривалась по отдельности.

Группа стран с высоким уровнем одобрения права на протестное поведение включала 20 стран из 32. По результатам анализа с помощью СКА выделено четыре пересекающихся подгруппы стран, для каждой из которых наличие высокого уровня одобрения протестного поведения объясняется разными комбинациями значений независимых переменных.

В *первой подгруппе* (куда вошли Чехия, Израиль, США, Франция, Япония, Швеция) положительное отношение к праву на различные акции протеста детерминировано сочетанием высокого интереса граждан к политике и низкого доверия к представителям власти (в табл. 1 условно записано 1*0**). Население этих стран проявляет заинтересованность к сфере политики, безразличие, занимая активную позицию, что проявляется, в том числе, и поддержкой права на

политический протест. Интересуясь политикой и не доверяя власти, граждане хотят иметь право на выражение своего мнения через различные каналы. Это характерно для культуры «наблюдателей» или «участия» (по классификации Ф. Хьюнкса и Ф. Хикспурса²²) в зависимости от активности граждан в политической сфере (участия/неучастия). При этом сочетание этих двух культур («наблюдателей» и «участия») в одном обществе – это и есть культура гражданского участия, наиболее стабильная и демократичная.

Таблица 1

Группы стран с высоким уровнем одобрения права на протест

	Страны	Интерес к политике	Влияние на власть	Доверие к властям	Подчинение законам	Участие в выборах
1	Чехия, Израиль, США, Франция, Япония, Швеция	1	*	0	*	*
2	Хорватия, Латвия, Словения, Нидерланды, Германия, Финляндия, Норвегия, Новая Зеландия	*	0	*	0	*
3	Дания, Уругвай, Германия, Норвегия, Финляндия, Новая Зеландия	*	*	1	*	1
4	Хорватия, Латвия, Чехия, Израиль, США, Испания, Португалия, Польша, Россия	*	0	0	*	0

Для представителей *второй подгруппы* (Хорватия, Латвия, Словения, Нидерланды, Германия, Финляндия, Норвегия, Новая Зеландия) характерно сочетание низкого уровня политической активности, невысокой степени готовности соблюдать законы при любых обстоятельствах (*0*0*). Такие характеристики являются отличительными чертами стран Европы (большинство из которых обладает ими). Это – проявление здравого скептицизма по отношению к политической сфере, осознание ее недостатков, отсутствие иллюзий, что «средний» человек оказывает значительное влияние на политику. Высокий уровень индивидуализма и неверие в возможность рядового гражданина повлиять на власть свидетельствуют о важности свободы личности, о необходимости влиять на власть хотя бы через акции протеста, если менее радикальными способами этого нельзя добиться.

Для стран *третьей подгруппы* (Дания и Уругвай, Германия, Финляндия, Норвегия, Новая Зеландия) одобрение протестного поведения связано с высоким уровнем доверия властям и высокой явкой на последние парламентские выборы (**111). Тем самым граждане этих стран проявляют активную и лояльную позицию по отношению к политической сфере и используют легитимные каналы коммуникации с властью. Вероятно, чтобы расширить круг таких каналов, одобряют узаконивание различных форм политического протеста. Согласно Ф. Хьюнксу и Ф. Хукспурсу²³, высокий уровень доверия и участия в политической жизни характерен для активной политической культуры – либо клиентистской, либо гражданского участия.

Другие четыре страны (Испания, Португалия, Польша, Россия) выделяются в отдельную *четвертую подгруппу* со следующими характеристиками: низкий уровень политической эффективности и доверия к властям, низкая явка на выборы (*00*0). Таким же сочетанием значений независимых переменных обладают три страны из первой подгруппы (Чехия, Израиль, США) и две страны из второй подгруппы (Хорватия, Латвия). Четвертый типологический синдром характеризуется пассивностью граждан в политической сфере (низким уровнем участия в парламентских выборах и невысокой заинтересованностью в политических процессах и событиях), осознанием невозможности оказать влияние на власть. Такое сочетание характеристик, как низкий уровень влияния, доверия и участия, характерен для «приходской» культуры или культуры «наблюдателей» (по классификации Ф. Хьюнкса и Ф. Хикспурса).

К четвертой подгруппе относятся в основном страны Восточной и Южной Европы. С точки зрения теории в странах, имеющих не очень большой опыт в построении демократии (к которым относят Восточную и Южную Европу), интерес к политике бывает и высоким, а вот участие ниже, чем в странах с развитой экономикой и демократией. Для них характерно неверие в возможность повлиять на власть легитимными способами. В этом случае исключением являются только США и Израиль. Но они относятся к первой подгруппе, и граждане этих стран проявляют высокую степень интереса к политике.

В группу стран с *низкой* долей лиц, одобряющих право на протест, входило 12 стран, на основе сравнения которых с помощью метода СКА выделено пять типологических синдромов (см. табл. 2).

В первую подгруппу вошли страны с низким уровнем интереса к политике и высокой политической эффективностью (01***): Доминиканская Республика, Южная Корея, Венесуэла. Граждане этих государств, с одной стороны, не проявляют высокого уровня заинтересованности в политике, а с другой – большинство полагает, что «средний» человек может оказывать влияние на власть. Сочетание таких характеристик является отличительной чертой культуры «подчинения», или «клиентистской» культуры (по классификации Ф. Хьюнкса и Ф. Хикспурса)²⁴.

Для стран второй подгруппы (Швейцария, Филиппины, Венесуэла) детерминантом низкого уровня поддержки права на протест является сочетание высокой политической эффективности и доверия к представителям власти (*11**). Тем самым для этих государств достаточно тех каналов взаимодействия с властью, которые у них есть, политические деятели оправдывают доверие большинства граждан. В результате население этих стран не выражает активной поддержки праву на протест против правительства. То, что такие разные страны попали в одну группу, может показаться противоречивым. Безусловно, нельзя утверждать, что и в Швейцарии, и на Филиппинах, и в Венесуэле политическая культура развивается одинаково. Однако следует помнить, что в исследовании речь идет о субъективных представлениях граждан каждой страны, а не об объективных показателях экономического развития стран и политического строя.

Таблица 2

Группы стран с низким уровнем одобрения права на протест

№	Страны	Интерес к политике	Влияние на власть	Доверие властям	Подчинение законам	Участие в выборах
1	Доминиканская Республика, Южная Корея, Венесуэла	0	1	*	*	*
2	Филиппины, Венесуэла, Швейцария	*	1	1	*	*
3	Чили, Доминиканская Республика, Венгрия, Тайвань	0	*	0	1	*
4	Ирландия, Южная Африка, Венесуэла	*	*	1	1	0
5	Австралия, Канада	*	*	1	0	1

В третьей подгруппе (Чили, Доминиканская Республика, Венгрия, Тайвань) отсутствие поддержки права на протест объясняется низким уровнем интереса к политике, низким уровнем доверия к представителям власти, высоким уровнем готовности соблюдать законы (0*01*). Этот тип демонстрирует наличие «приходской» культуры, характерной для стран с низким экономическим развитием, когда для граждан на первое место выходят проблемы обеспечения собственного существования, а не политический строй и участие в принятии политических решений.

В четвертую подгруппу вошли Ирландия, Венесуэла, Южная Африка. Для этих стран общими характеристиками являются высокий уровень доверия к властям, готовность соблюдать законы, низкая явка на последние выборы (**110). Для представителей данной подгруппы характерно некоторое безразличие населения к политической жизни общества, пассивность граждан и при этом готовность подчиняться властям, что характерно для политических культур «подчинения» и «наблюдения».

Австралия и Канада выделяются в отдельную, пятую, подгруппу, для которой характерны высокий уровень доверия к властям, высокая явка на последние парламентские выборы, низкий уровень готовности соблюдать законы в любых ситуациях. При такой комбинации условий у граждан, вероятно, не возникает потребности в массовых акциях протеста против правительства, а значит, и в узаконивании этой формы политического участия. Существующих и функционирующих каналов взаимодействия с властью оказывается достаточно.

Итак, проведенное исследование позволило продемонстрировать, что высокий или низкий уровень одобрения протестного поведения в странах зависит от различных комбинаций факторов. Для стран с высоким уровнем одобрения права на протест характерен высокий уровень интереса к политике и низкий уровень влияния на власть; для стран с низким уровнем одобрения права на протест, наоборот, значения этих признаков противоположны. Другие три характеристики (доверие к властям, готовность соблюдать законы, явка на последние выборы) принимают различные значения (0 и 1 – низкий и высокий уровень соответственно) для стран и с высокой, и с низкой долей лиц, поддерживающих легализацию массовых акций протеста. Таким образом, рассматриваемые признаки по отдельности не имеют решающего влияния на значение целевого показателя, однако в комбинации друг с другом их роль изменяется – усиливается. Поэтому полученные характеристики подгрупп

стран важно рассматривать именно в виде сочетаний значений нескольких признаков.

Соотнося уровень поддержки протестного поведения с той или иной политической культурой, можно отметить, что одобрение протеста в одних странах связано с наличием характерных черт активной политической культуры («гражданского участия», «клиентистской»), в других странах – пассивной (культуры «наблюдателей», «приходской»). В случае с низким уровнем поддержки права на акции протеста ситуация более однородна: все страны обладают чертами пассивной политической культуры («подчинения», «наблюдения», «приходской»).

Примечания

- ¹ Назаров М.М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 48.
- ² Там же.
- ³ Головаха Е.И., Панина Н.В. Потенциал протеста украинского общества // Социологические исследования. 1999. № 10. С. 31.
- ⁴ Pye L. Political Culture // International Encyclopedia of Social Sciences. N.Y., 1961. Vol. 12. Цит. по: Смирнов М. Теория политической культуры: характеристики и применимость в российских условиях // Власть. 2011. № 1. С. 77.
- ⁵ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Полития. 2010. № 2. С. 132.
- ⁶ Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.
- ⁷ Heunks F., Hikspoors F. Political culture 1960–1990 // Moor I. Values in Western societies. Tilburg: Tilburg University Press, 1995. P. 51–82.
- ⁸ Резник А. Динамика факторов протестных практик населения Украины // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. № 3. С. 100–125.
- ⁹ См. напр.: Головаха Е.И., Панина Н.В. Указ. соч.; Назаров М.М. Указ. соч.
- ¹⁰ Головаха Е.И., Панина Н.В. Указ. соч. С. 32.
- ¹¹ International Social Survey Programme 2006: Role of Government. ZA4700. Data file Vers. 1.0.0 // GESIS Data Archive. [Electronic resource]. Germany, Cologne, cop. 2008. Mode access: <http://zcat.gesis.org/webview/index.jsp?object=http://zcat.gesis.org/obj/fStudy/ZA4700> (дата обращения 10.09.2012).
- ¹² Ragin C.C. The comparative method: Moving beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1987.

- ¹³ *Зубарева Е.Ю.* Правомерное поведение: подходы к определению дефиниции, социальная значимость и типология // Сибирский юридический вестник. 2005. № 1. С. 18–20.
- ¹⁴ *Инглхарт Р.* Модернизация, культурные изменения и демократическая последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Либеральная миссия, 2011.
- ¹⁵ Групповые индексы вычислены по формулам, представленным в: *Татарова Г.Г.* Методология анализа данных в социологии (введение). М.: NOTA BENE, 1999.
- ¹⁶ *Кученкова А.В.* Особенности логико-комбинаторных методов как средств многомерного анализа данных // Вестник РГГУ. 2012. № 2. С. 113–130.
- ¹⁷ *Инглхарт Р.* Указ. соч. С. 377.
- ¹⁸ Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / Под общ. ред. А.В. Андреевской, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009. С. 101.
- ¹⁹ *Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: Совпадение, 1998. С. 173.
- ²⁰ *Алмонд Г., Верба С.* Указ. соч. С. 122–144.
- ²¹ Напр.: *Резник А.* Указ. соч.
- ²² *Heunks F., Hikspoors F.* Op. cit.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Ibid.

Г.В. Баранова, А.А. Баранов

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ (ОПЫТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Определяются факторы, оказывающие влияние на проявление и развитие социальной активности, ее направленность на нравственно ориентированное развитие социальных институтов, улучшение условий духовной, политической, экономической жизни людей. В статье выявляются конструктивные и деструктивные формы социальной активности.

Ключевые слова: социальная активность, формы социальной активности, социально-политическая активность, социальная напряженность.

Становление в Российской Федерации гражданского общества является важнейшей предпосылкой и одновременно фактором формирования политического строя демократического типа. Повышение социальной активности, направленной на решение проблем, нацеленных на целесообразное преобразование общества, является одним из важнейших условий его эволюционного развития и его социальных институтов, таких как государство, экономика, образование, семья.

Однако, хотя «демократические институты в целом сформированы и стабилизированы, их качество весьма далеко от идеала. Гражданское общество слабо, уровень самоорганизации и самоуправления невысок»¹. Для решения этой проблемы необходима внутренняя переориентация государства параллельно с решением задач по совершенствованию основных институтов общества, развития демократии, сплочения людей, включения населения во все сферы управления государством, развития конструктивных форм социальной активности (далее – СА).

С этой целью авторами исследуются формы и виды СА населения; определяются ее позитивные и негативные функции; выявляются факторы, влияющие на формирование ее конструктивных и деструктивных форм; характеризуются условия, при которых СА граждан направлена на нравственно ориентированное развитие социальных институтов, улучшение условий духовной, интеллектуальной, научной, политической, экономической и других аспектов жизни людей, что в конечном счете содействует становлению гражданского общества.

Общее исчерпывающее и в то же время предельно лаконичное определение активности, позволяющее логично интерпретировать его в плоскости «активность личности», предлагает И. Кант в «Критике чистого разума». Активность определяется им как причинность причины. В плане активности личности она может быть осмыслена как «причинность» личности по отношению к осуществляемой им самим деятельности – как ее «индивидуальная» образующая².

Современное толкование исходит из того, что *социальная активность* непосредственно связана с деятельностью, является ее частью, динамической составляющей, реализуемой ситуативно, т. е. в нужный момент времени и пространства. Активность становится видимой в процессах инициации деятельности, ее осуществления, контроля над ее динамикой. В свою очередь цель деятельности определяется потребностями личности или общества.

Тогда, соотнеся понятия «активность личности» и ее «деятельность», под деятельностью можно понимать единство целенаправленной и целеполагающей активности человека, реализующей и развивающей его отношение к существующему положению. То есть деятельность субъекта всегда связана с некоторой потребностью. Исходя из вида потребности, различают материальную и духовную деятельность. Удовлетворение потребности вызывает поисковую активность, переходящую в мотив деятельности. При этом следует отметить сложность, неоднозначность, порой противоречивость этого процесса.

В зависимости от существующей общественно-экономической формации в тот или иной исторический период развития общества СА проявляется в разных формах и видах, являясь важнейшей сферой и особым уровнем деятельности людей. Она проявляется как совокупность форм деятельности человека, оставаясь при этом объективной реальностью, рассматривается как «степень проявления его сил, возможностей и способностей как члена коллектива, члена общества»³.

Достаточно емкий методологический смысл социальной активности представлен в ее определении В.З. Коганом. «Социальная активность – это сознательная и целенаправленная деятельность личности и ее целостно-социально-психологическое качество, которые, будучи диалектически взаимообусловлены, определяют и характеризуют степень или меру персонального воздействия субъекта на предмет, процессы и явления окружающей действительности»⁴.

Из определения следует, что СА проявляется в «форме» *осознанной деятельности* социальных субъектов. При этом одним из существенных концептуальных методологических моментов следует выделить тот факт, что результатом осознанной деятельности социальных субъектов является их воздействие (в определенной степени) на предмет, процессы и явления окружающей действительности, т. е. их преобразование.

Если обобщить сказанное, то для методологической и методической интерпретации СА нужно иметь в виду следующее.

Первая составляющая СА – «социально-психологическая готовность личности к деятельности». Выделение готовности личности к выполнению социально значимой деятельности, безусловно, является важной составляющей социальной активности. С такой точки зрения она является априорно заданной, объективной реальностью, «энергией» деятельности социальных субъектов. Вместе с тем это неотъемлемая и важная составляющая СА. Она имеет две стадии формирования социальной деятельности: *латентная* стадия, когда формируются и предметно обозначаются предпочтения, установки, потребности, определяются мотивы; *переходная* стадия, когда развиваются и определяются отношения к окружающей ситуации. На этой стадии мотивы «порождают» цели и формируются средства изменения ситуации.

Вторая составляющая – «проявляется в соответствующих актах поведения и представляет собой целенаправленную творческую социальную деятельность». Это стадия реализации (осуществления) целенаправленной деятельности, проявляющаяся в разных видах. И тогда СА выступает, по нашему мнению, как «форма» деятельности социальных субъектов. При этом происходит воздействие на окружающую среду, возможно изменение существующей ситуации.

Такая интерпретация СА позволяет сделать вывод, что она представляет собой *объективную реальность*, присущую человеку, социальной группе, обществу, с одной стороны, и феномен, являю-

щийся «формой» деятельности социальных субъектов и отражающего состояние общества, с другой стороны.

Изучение СА с этой позиции позволяет определить ее различные виды, которые обусловлены комплексом разнообразных внешних и внутренних факторов. Вступая в сложное взаимодействие, они могут усиливать или ослаблять друг друга и тем самым влиять на развитие общества.

На возникновение и проявление социальной активности влияют как *внешние* детерминанты (общественно-экономические формации, их институты, наука, культура и право), задающие формирование социальной среды, так и внутренние, в состав которых входят: нравственный, интеллектуальный, культурный, информационно-энергетический и другие потенциалы социальных субъектов.

Кроме того, на развитие СА оказывают влияние объективные и субъективные факторы.

В *объективные* факторы входят:

- экономическое развитие, уровень жизни. Наличие ресурсов активизирует «борьбу» за них, в которую тем или иным образом втягивается население. Как правило, чем разнообразнее виды и формы СА на экономически развитых территориях, тем больше сфер ее проявления и реализации. Однако, как показывают результаты социологических опросов⁵, однозначной связи между экономическим развитием, уровнем жизни и развитием форм СА нет;
- наличие и острота проблем, существующих на федеральном и региональном уровнях, характер их восприятия населением. Но при этом появление проблем (качество товаров и услуг, цены, коррупция и конфликтные ситуации, вплоть до криминальных) или осознание их большинством населения вызывает в разных случаях различные формы и виды СА;
- исторические особенности духовной сферы и менталитета людей, задающие присущие им потенциальные и реальные противоречия. Эти особенности следует учитывать при разработке стратегий и тактик развития страны и регионов.

Естественно, что необходимо принимать во внимание влияние на проявление, развитие и реализацию СА городской и сельской среды, а также плотность населения.

К *субъективным* факторам, влияющим на СА и формы ее проявления, относятся сформировавшиеся социально-психологиче-

ские установки граждан, заключающиеся в доверии или недоверии к власти; в ощущении зависимости от власти; в способности принимать на себя ответственность за решение насущных проблем.

Такая интерпретация методологии анализа СА позволяет выделить несколько ее видов в зависимости от жизненных установок.

- 1) Инициативная, общественно-полезная. Этот вид СА основан прежде всего на инициативе, т. е. социальной деятельности личностей и социальных групп, направленной на изменение и развитие окружающей действительности по созданию более благоприятных условий жизнедеятельности. Она выражается в форме распространения передовых идей (просветительство); выдвижения новых идей и знаний; попыток корректировки действий властей; участия в сходках граждан; в работе общественных организаций, в референдумах, решении проблем ЖКХ, благоустройстве территории, организации досуга и культурно-массовых мероприятий; охране окружающей среды; благотворительной деятельности; обеспечения охраны общественного порядка и личной безопасности граждан; участия в решении вопросов и проблем муниципального сообщества и т. п. Важным условием (равно как и целью) такого вида СА является партнерское взаимодействие органов управления (властей) и населения.
- 2) Иждивенческая социальная активность. Ее суть заключается в перекладывании решения проблем на других и выражается в форме коллективных жалоб, прошений и т. п.
- 3) Демонстративная социальная активность основана на использовании и реализации рекламных или политических проектов. Выражается в форме имитации самостоятельной активности за счет нанятых и оплаченных активистов, публикации в СМИ и других методов.
- 4) Протестная активность. Направлена на выражение недовольства, противостояние планам и действиям властей. При этом социальной группой могут как предлагаться, так и не предлагаться альтернативные варианты. Выражается в формах демонстраций, митингов, пикетов, согласованного бойкота выборов, протестного голосования на выборах, голодовок, блокировок, вплоть до вооруженных конфликтов.

С учетом изложенного выше напрашивается вывод, что СА по ее функциональности может иметь как позитивную (конструктивную), так и негативную (деструктивную) форму, каждая из которых проявляется в разных видах. При этом цель социальной активности

определяется духовными, интеллектуальными, материальными потребностями и предпочтениями личности и/или общества.

В целом в современной России нет дефицита людей, ориентированных на активное социальное поведение. Значительную часть населения составляют люди с отчетливо выраженными мотивациями и высокой ориентацией на социальную мобильность. Однако носители этих ориентаций не образуют какой-то социальной группы: это скорее конгломерат множества групп с разными возможностями, условиями и ориентирами реализации своей активности. На первый план в мотивации выходят отдельные цели и критерии жизненного успеха (богатство, творческая самореализация, стремление к независимости, стремление «жить не хуже других», желание честно прожить жизнь и т. п.). Кроме того, важно отметить, что в современном обществе малозначимыми являются духовные ценности. Снижение духовности к предельно низкому уровню в обществе и в деятельности людей ведет к кризису морали, возникновению своеобразного морального вакуума, что вызывает нарушение гармоничности в обществе и, по мнению В.В. Налимова, приводит к его гибели⁶.

Следует отметить «сверхиндивидуализацию» российского массового сознания в связи с тем, что она значительно снижает потенциал активности граждан. Можно сказать, что конструктивная СА населения сегодня является крайне низкой. Проведенные исследования⁷ показали, что за исключением участия в выборах только 25% граждан участвуют в других формах организации жизнедеятельности. А $\frac{3}{4}$ граждан считают, что их активность ничего не изменит. Всего треть опрошенных считают важным участие населения в решении вопросов местной жизни.

В кризисных условиях современного общества значительное большинство населения стремится приспособиться к переменчивой общественной ситуации, переждать плохие времена. В большей степени проявляются такие виды СА, как иждивенческая и демонстративная. Пытаясь решать свои проблемы, отдельные граждане или социальные группы вынуждены обращаться к властям с просьбами о помощи. Функцией такого рода активности, выраженной в форме жалоб, прошений, публикаций СМИ и т. п. является информационная составляющая, которая 1) содействует выявлению и вскрытию негативных моментов и тенденций развития социальной и политической жизни общества; 2) привлекает внимание к нерешенным проблемам и трудностям общественного развития; 3) указывает на то, что в привычных общественных связях и отношениях что-то расстроилось, что-то нуждается в серьезных преобразованиях. Данные

опроса свидетельствуют, что на сегодняшний день органы управления не являются «формой непосредственного участия населения». Напротив, между властями и населением «лежит пропасть».

Отношение населения к органам управления, в том числе и местного самоуправления, характеризуется преимущественно отстраненностью от властей, неверием в бескорыстие их руководителей, в их желание и возможности решать проблемы жителей. В пользу такого утверждения говорят следующие наши данные, полученные при опросе населения Орловской области: 60% оценили деятельность органов власти низко и очень низко; доля же поставивших высокие оценки составила менее 2%; только 1,2%–1,4% опрошенных отметили рост доверия к местной власти в 2006–2010 гг.; у 44% доверие к ней снизилось, а у 25,8% не изменилось.

Очевидно, что «хромает» одно из условий, заключающееся в партнерском взаимодействии властей и населения.

Предрасположенность к самоорганизации в социальных группах крайне низка. Это проявляется во всех сферах социальной деятельности: трудовой, экономической, в сфере культуры и быта, общественно-политической. Готовность к солидарным действиям больше характерна для групп, ориентированных на пассивное поведение. Причем у большинства групп активность ориентирована не на конструктивные гражданские формы активности, а зачастую на конфликтные действия.

Особенно актуально и злободневно проявление деструктивных форм СА. В течение последних десятилетий резко возрос интерес к неинституционализированной политике, вызванный широким распространением в стабильных демократиях так называемых новых общественных движений. Феномен СА в современном мире приобрел широкий размах и часто весьма неожиданные формы протеста в виде рисков и угроз, негативно влияющих на стабильность современного общества, став, таким образом, не только актуальной, но острой проблемой с социально-политической точки зрения.

Поэтому в рамках проводимых исследований авторами осуществляется детальный анализ СА в плоскости общественно-политической сферы, обозначая ее как *социально-политическую активность* (далее – СПА).

Исследования СПА, форм ее проявления позволили выявить социальные группы населения, образованные по национальным, конфессиональным, партийным, профессиональным и другим признакам. Неудовлетворенность и несоответствие целей и интересов

социальных субъектов (людей, групп) в процессе их взаимодействия между собой и с властью порождают социальную напряженность, которая в свою очередь способна вызвать в обществе негативные изменения. Анализ деятельности социальных групп позволяет сделать вывод, что всякое изменение форм и методов проводимой политики неизбежно влияет на особенности проявления СПА. При этом она переходит из одной стадии в другую, меняя формы проявления – от конструктивных в виде разного рода СА, являющейся движущей силой обновления социальной системы, необходимой для эволюционного развития общества, до деструктивных в виде разного рода протестных действий, ведущих к беспорядку и нестабильности.

Наибольшую опасность для эволюционного протекания процессов в социуме представляет рост социальной напряженности, приводящий к поляризации интересов социальных групп и ее выходу на уровень конфликтных взаимодействий. При этом следует сказать, что социальную напряженность следует рассматривать в ассоциации с конфликтом, но не отождествлять с ним. Она всегда присуща обществу, даже если не выражена в явном виде, но находится в латентной стадии развития. Социальная напряженность выступает феноменом на определенной стадии своего развития, когда формы ее проявления позволяют наблюдать эту объективную реальность как явление, которое олицетворяет столкновение интересов социальных групп и общностей, не удовлетворенных социальным статусом и выполняемой социальной ролью в обществе. Она имеет историю развития, меняет формы своего проявления от латентных до открытых, вплоть до социального конфликта. Такое представление социальной напряженности с точки зрения объективной реальности позволяет говорить о том, что в обществе возможна *бесконфликтная конструктивная* форма проявления и преодоления социальных противоречий, имеющая большое значение для формирования и развития гражданского общества.

Детальное исследование авторами социальной напряженности и СПА в регионах России (2005–2012 гг.), особенностей форм ее проявления позволяет сделать вывод, что между ними существует тесная взаимосвязь. В этом контексте социальная напряженность рассматривается как «энергия» деятельности социальных субъектов, в то время как СПА – как «форма» их деятельности. СПА определяется как *совокупность форм сознательной деятельности личностей, социальных групп и обществ, направленной на целесообразное преобразование социально-экономической и общественно-политической действительности в соответствии с их предпочтениями и потребностями.*

Детальный анализ и прогнозирование социальной напряженности и социально-политической активности в регионах Российской Федерации, проведенные в рамках научно-исследовательских работ, позволили разработать инструментарий, дающий возможность на основе расчетных показателей устанавливать количественно-качественное соответствие между уровнями СН и СПА как формой проявления первой. Сравнительный анализ СПА в разных регионах России выделил характеристики, влияющие на степень ее деструктивности и уровень дестабилизации общества. На основе математического моделирования построена модель оценки и прогнозирования протестной активности в регионах России⁸.

Одним из первостепенных решений проблем развития конструктивной СПА является взаимодействие власти с общественными образованиями. Учитывая региональные особенности российского общества, следует сказать, что одним из важных социальных институтов, который может оказать стимулирующее влияние на развитие СПА, является местное самоуправление. Оно по своей сути представляет не только первый уровень власти, но и важнейший элемент гражданского общества, реальную школу СПА, инструмент вовлечения граждан в решение вопросов жизнеобеспечения, улучшения условий духовной, интеллектуальной, научной, политической, экономической жизни на уровне конкретных муниципальных образований. Повышению конструктивной СПА населения способствует наличие структур, направленных на обучение специалистов для общественных организаций, осуществление между ними информационного обмена, создание «площадок» для переговоров общественности и власти, а также постоянно действующих механизмов финансовой, имущественной и организационной поддержки общественности, проводимой органами власти.

Примечания

- ¹ *Медведев Д.А.* Россия, вперед! // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/5413> (дата обращения 7.08.2012).
- ² *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Наука, 1999.
- ³ *Канто А.С.* Социальная активность как нравственная черта личности. Киев, 1968; *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.

- ⁴ *Коган В.З.* Теория информационного взаимодействия: Филос.-социол. очерки. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991.
- ⁵ *Баранова Г.В.* Разработка методики оценки уровня протестного потенциала населения в регионах РФ и краткосрочного прогнозирования протестной активности // Г.В. Баранова, В.А. Фролов. Разработка методик и программных средств анализа и прогнозирования протестного потенциала населения в регионах Российской Федерации и его протестной активности (шифр: Мониторинг-ПА): Научно-исследовательская работа. Орел: НИЦ ФСО России, 2009.
- ⁶ *Налимов В.В.* На грани третьего тысячелетия: что осмыслили мы, приближаясь к XXI веку / В.В. Налимов, Ж.А. Дрогалина. М: Лабиринт, 1994. С. 12.
- ⁷ *Баранова Г.В.* Указ. соч; *Баранова Г.В.* Разработка методики мониторинга протестной активности населения в субъектах Российской Федерации // Г.В. Баранова, М.С. Бондарчук, В.А. Фролов. Разработка программного средства информационной системы мониторинга протестной активности населения в субъектах Российской Федерации (шифр: «ИАС Реформы-протест»). Орел: НИЦ ФСО России, 2010.
- ⁸ Там же.

М.А. Новиков

ТИПИЗАЦИЯ – ИНСТРУМЕНТ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ А. ШЮЦА

Цель статьи – экспликация концептуальных оснований типологического метода, его принципов и процедуры как ключевого инструмента познания социального в феноменологической социологии.

Ключевые слова: типизация, феноменологическая социология, А. Шюц, теория социального действия, отношения лицом к лицу.

Типизация как методологический инструмент социального познания восходит к концепции «идеальных типов» Макса Вебера. В статье мы не будем затрагивать веберовскую проблематику ввиду того, что она достаточно разработана в трудах как зарубежных, так и отечественных авторов, а обратимся к проблемному полю феноменологической социологии. Для того чтобы определить методологическую необходимость в типизации как инструменте познания, нам необходимо прежде всего артикулировать различие, которое Шюц проводит между позицией партнера, действующего по социальному взаимодействию, и позицией социолога как наблюдателя.

Социолог занимает позицию незаинтересованного безучастного наблюдателя социального действия. Он безучастен в том смысле, что не действует в изучаемой ситуации, не является участником социальных отношений, но лишь наблюдает их, они имеют для него познавательный, а не практический интерес. Его система релевантностей является отличной от системы действующего и его партнера по взаимодействию. Социолог выступает в качестве ученого и, следовательно, пытается как можно точнее исследовать

социальный мир, в то время как действующий переживает мир своей повседневной жизни как поле актуальных и потенциальных действий и лишь во вторую очередь как объект своего мышления. «Чтобы стать социальным ученым, наблюдатель должен заставить свой разум покинуть социальный мир, отбросить какой бы то ни было практический интерес к нему и ограничиться в своих мотивах для-того-чтобы честным описанием и объяснением того социального мира, который он наблюдает»¹.

Что это значит – «заставить свой разум покинуть социальный мир»? Здесь Шюц утверждает, что социальному ученому как наблюдателю необходимо выйти за пределы своей собственной биографически детерминированной ситуации и «погрузиться» в организованную систему значений, которую Шюц обозначает как «корпус науки». Тем самым достигается упразднение прежней господствующей системы релевантностей: социолог более не рассматривает свое положение в социальном мире и связанную с ним систему релевантностей как определяющие для его запаса наличного знания. Теперь его запас наличного знания составляет освоенная им часть «корпуса науки». Именно корпус науки задает исследователю набор всевозможных конструктов (абстракций, формализаций, идеализаций и т. д.), релевантных для решения той или иной научной проблемы. Запас научного знания имеет иную структуру, чем структура запаса наличного знания, действующего в социальном мире. Другими словами, ученый совершает своего рода «скачок», переход из мира повседневной жизни в мир научного теоретизирования, в мир научной теории. Подобный прорыв в сферу теоретического мышления невозможен без соответствующего эпохэ научной установки. В этом эпохэ ученый заключает в скобки:

- свою собственную субъективность как психофизическую телесность;
- свое тело как нулевую точку системы координат Я в мире повседневной жизни;
- всю систему структурирования реальности мира повседневной жизни, производную от нулевой точки системы координат Я и сферы кинестетических манипулятивных движений (мир в пределах нашей досягаемости, мир в пределах восстаивимой досягаемости и мир в пределах достижимой досягаемости);
- фундаментальную тревогу.

Теперь охарактеризуем ситуацию с позиции партнера, действующего по социальному взаимодействию. Последний вступает с

действующим в отношении «лицом к лицу». Здесь основатель феноменологической социологии уточняет, что использует данный термин в ином значении, нежели то, которое придал ему Кули. Шюц понимает под этим типом социальных отношений те отношения, в которых действующий и его партнер разделяют общее пространство и время. Под это определение, как пишет Шюц, в равной степени подпадают и доверительная беседа с другом в кафе за чашечкой кофе, и ни к чему не обязывающий разговор случайных попутчиков в купе поезда. Пребывание с Другим в общем пространстве означает, что как мне, так и Другому в равной степени доступен определенный сектор внешнего мира. Помимо этого наблюдению каждого из нас доступны тело, жесты и мимика Другого. Исключительность отношений лицом-к-лицу может быть кратко охарактеризована следующим образом. Во-первых, Шюц полагает, что все прочие социальные отношения являются производными от отношения лицом-к-лицу. Во-вторых, только в данном социальном отношении я воспринимаю Другого как целостность, как нерасчлененное единство и разделяю с ним общее «живое настоящее». В иных формах социальных отношений Другой переживается только частично, как исполнитель той или иной социальной роли.

Итак, социальный ученый как наблюдатель не вступает в отношения лицом-к-лицу с действующим, он не вовлечен в сложный «зеркальный» процесс отражения, характерный для взаимодействия действующего и его партнера, в котором мотивы для-того-чтобы действующего становятся понятными его партнеру как мотивы потому-что его собственного действия. Следовательно, социолог не может разделить живое настоящее с Другим и, таким образом, не может «схватить» мотивы для-того-чтобы действующего лица. В связи с этим встает следующий вопрос: «Как вообще возможно, что мыслитель-одиночка, стоящий в своей теоретической установке незаинтересованности вне всяких социальных отношений, находит подход к миру повседневной жизни, в котором люди с естественной установкой работают среди своих собратьев, да и к самой естественной установке, которую теоретик обязан отбросить?»²

Шюц на этот вопрос дает следующий ответ: для социальной науки остается лишь путь конструирования типов осуществления действия посредством понимания типических мотивов действующего. Руководствуясь своей идеей конструкторов второго порядка, социолог должен разработать своего рода искусственный инструментарий, как пишет об этом сам Шюц. Роль этого искусственного инструментария следующая: он заменяет интересубъективный жиз-

ненный мир некой моделью, моделью мира повседневной жизни. Иными словами, социолог конструирует образцы типичного осуществления действия и, основываясь на них, строит соответствующие персональные идеальные типы. Сама возможность подобного конструирования фундирована типизацией как одной из ключевых структур жизненного мира: «В организации социального мира человеком, наивно в нем живущим, мы уже обнаруживаем ядро той системы типов и типичных отношений, которую мы позже во всей ее разветвленности увидим как сущностный элемент научного метода»³.

Таким образом, источник типизирующих процедур социологического знания Шюц фиксирует в типизации как структуре жизненного мира. В социальных отношениях и взаимодействиях, разворачивающихся в мире повседневной жизни, Другой как партнер действующего неизбежно подвергается типизации (формированию конструкторов типичного поведения, конструкторов типичных мотивов и т. д.). Здесь Шюц приводит пример с почтовым служащим: «Опуская письмо в почтовый ящик, я ожидаю, что неизвестный мне человек, называемый почтовым служащим, будет действовать типичным, хотя и не вполне понятным мне образом, в результате чего мое письмо достигнет адресата за разумное время»⁴.

В биографически детерминированных ситуациях в мире повседневной жизни мы постоянно осуществляем типизации. Сама типизация выступает как универсальная структура субъективной ориентации в социальном мире повседневной жизни. Каждый шаг, предпринимаемый действующим на пути интенционального истолкования мира повседневной жизни, основан на запасе прошлого опыта, как непосредственно его личного, так и опыта, сообщенного ему родителями, учителями, друзьями и т. д. Весь этот запас опыта оформляется в своего рода единство в форме запаса наличного знания, который и позволяет истолковывать и действовать в мире повседневной жизни. Сама возможность того, что с помощью запаса наличного знания действующий производит определение ситуаций и успешно действует в них, фундирована тем, что предметы и события в жизненном мире с самого начала выступают в своей типичности. Социальный мир повседневной жизни любого человека организован в категориях интимности и анонимности, знакомого и чужого, а значит, типизирован. Эта типизация нарастает тем больше, чем больше личность другого человека растворяется в нераскрытой анонимности его функции. Очевидно, что увеличение анонимности социального отношения влечет за собой уменьшение

полноты содержания социального типа, т. е. чем более анонимным становится типизируемый конструкт, тем меньше уникальных черт личности и паттернов ее поведения входят в типизацию как релевантные наличным целям, которые и направляют процесс типизации. Тем самым возникающий конструкт становится все более и более анонимным. Шюц полагает, что возрастание степени анонимности приводит к замене персонального (субъективного) типа (объективным) типом осуществления действия. «Полное обезличивание предполагает, что индивиды взаимозаменяемы и идеальный тип осуществления действия относится к поведению кого бы то ни было, чьи действия соответствуют типизированным в конструкте»⁵.

Проблема заключается в том, что содержание персонального идеального типа ограничено элементами и структурами, соотносящимися с образцами типичного осуществления действия, которые наблюдает социальный ученый. Социолог приписывает персональному идеальному типу набор типичных мотивов для-того-чтобы, соответствующих целям сконструированных образцов типичного осуществления действия, и набор типичных мотивов потому-что, «наконец, в идеальный тип вносятся такие сегменты жизненных планов и такие запасы опыта, которые представляются необходимыми для воображаемых горизонтов и фоновых знаний действующего...»⁶

Подобные персональные идеальные типы, безусловно, являются лишь моделями людей, действующих в той или иной биографически детерминированной ситуации. У них нет собственной истории, кроме той, которой их мог наделить социальный ученый. Строго говоря, они наделены лишь тем запасом наличного знания, который позволяет сделать их действия понятными в смысле постулата субъективной интерпретации, как если бы данные действия осуществлялись реальными действующими лицами в социальном мире. Персональный идеальный тип помещен не в реальную биографически детерминированную ситуацию, разворачивающуюся в социальном мире, а в ситуацию, сконструированную исследователем, которая содержит все элементы, релевантные для осуществления, исполнения данного типического действия. Кроме того, персональный идеальный тип не подчинен онтологическим условиям человеческого существования, он не способен выйти за рамки, поставленные его создателем. Следовательно, у него нет и альтернатив, кроме тех, которые предоставил ему социальный ученый; в этом смысле персональный идеальный тип являет собой

всего лишь модель, лишенную спонтанности и собственного волеизъявления. «Он всего лишь производное его типичной функции, поскольку приданное ему вымышленное сознание содержит лишь элементы, необходимые для того, чтобы придать этим функциям субъективное значение...»⁷

Шюц пишет, что отношения между социальным ученым и персональным идеальным типом, созданным им, есть репрезентация на другом уровне «старой» проблемы взаимоотношений между Богом и творением. Несмотря на то что персональный идеальный тип действует в соответствии с целями, которые задал ученый, предполагается, что сами действия, предпринимаемые им, самостоятельны. Персональный идеальный тип содержит лишь те элементы, которые социальный ученый посчитал относящимися к данному действию, те средства, которые делают возможным осуществление данного действия для достижения его цели. Таким образом, мы имеем своего рода «предустановленную гармонию», которая оказывается возможной потому, что и персональный идеальный тип, и сама ситуация суть конструкты, произведенные ученым.

Итак, ученый производит своего рода реконструкцию жизненного мира или некоего социального феномена. Эта реконструкция в полной мере согласуется с постулатом субъективной интерпретации. С самого начала наш персональный идеальный тип «представляется как наделенный тем же самым специфическим знанием ситуации – в том числе средств и условий, – которым обладало бы в реальном социальном мире реальное действующее лицо; с самого начала субъективные мотивы реального действующего, выполняющего типичное действие, имплантируются в качестве постоянных элементов в воображаемое сознание идеально-типического действующего; и с самого начала идеальному типу действующего лица предначертано играть ту роль, которую должен был бы принять для выполнения типичного действия действующий в социальном мире»⁸.

Социология как наука об истолковании и объяснении человеческого действия должна начинать с описания базовых структур донаучного знания и действия в жизненном мире, который является само собой разумеющимся. В этом смысле исходным пунктом феноменологической социологии оказывается анализ процесса приобретения человеком социального опыта. Здесь типизация и играет свою центральную роль. Дальнейшая разработка проблематики типизации как инструмента познания является одним из

ключевых условий преодоления затруднений социологической методологии. Это позволит идеально-типическому познанию перестать быть противоречивым комплексом дифференцированных представлений и стать реально функционирующим инструментом в познании действительности.

Примечания

- ¹ *Шюц А.* Социальный мир и теория социального действия // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 111.
- ² *Шюц А.* О множественных реальностях // Там же. С. 447.
- ³ *Шюц А.* Проблема рациональности в социальном мире // Там же. С. 77.
- ⁴ *Шюц А.* Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Там же. С. 20.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Шюц А.* Социальный мир и теория социального действия // Там же. С. 112.
- ⁷ *Шюц А.* Обыденная и научная интерпретация человеческого действия. Там же. С. 41–42.
- ⁸ *Шюц А.* Социальный мир и теория социального действия. Там же. С. 113.

С.В. Докука

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена исследованию феномена индивидуализма в современном западном обществе. Выявлены причины индивидуализма, возникающего в индустриальном урбанизированном социуме. Рассмотрены этнометрические данные, иллюстрирующие уровень индивидуализма в различных регионах мира. Актуальность статьи обусловлена трансформациями индивидуалистического стиля жизни, происходящими в информационном обществе.

Ключевые слова: индивидуализм, коллективизм, информационное общество, коммуникации, социальные сети.

Индивидуализм находит все большее распространение в современном обществе, и соответствующие жизненные стратегии оказываются в фокусе внимания социологов. Возникновение индивидуалистического мировоззрения, нацеленного на изучение человека и личности, можно проследить уже в учениях, возникших в античности. Так, большое внимание личности уделяли киники, стоики и эпикурейцы. Уже тогда софист Протагор произнес знаменитую максиму: «Человек – мера всех вещей», которая нашла отклик у многих мыслителей того времени.

Формирование концепции индивидуализма

Современная концепция индивидуализма как философского течения начала свое становление в период Возрождения, а окончательно оформилась ближе к Новому времени, утвердив самоценность индивидуальной человеческой души, ее принципиальную

несводимость к другим смыслам и ценностям бытия¹. Наиболее известные работы в этой области принадлежат Т. Гоббсу, Дж. Локку, Д. Юму, Ж.-Ж. Руссо и другим.

Большое влияние на развитие концепции индивидуализма оказали труды и таких либеральных экономистов, как Адам Смит, Давид Рикардо, Джон-Стюарт Милль, Иеремия Бентам и другие. В работах этих авторов подчеркивался приоритет личных целей и интересов над коллективными. При этом, как отмечалось экономистами-классиками, стремясь к исключительно личной выгоде, индивид попутно будет приносить пользу обществу, как если бы он стремился к исключительно общему благу.

Впервые о распространении индивидуализма заговорил А. Токвиль в работе «Демократия в Америке» (1864)². Стоит отметить, что автор проводил четкие различия между понятиями «эгоизм» и «индивидуализм». Первый термин он определял как «древний, как сам мир, порок», в то время как индивидуализм в представлении Токвиля «это взвешенное спокойное чувство, побуждающее каждого гражданина изолировать себя от массы себе подобных и замыкаться в узком семейном и дружеском круге»³. Вместе с тем французский мыслитель отмечал, что «с течением длительного времени он [индивидуализм] поражает и убивает и все остальное и в конечном счете сам превращается в эгоизм»⁴. Истоки индивидуалистического стиля жизни Токвиль выявил в демократическом строе, и предрек, что «индивидуализм ... будет усиливаться по мере выравнивания условий существования людей»⁵.

В соответствии с этой концепцией в традиционном обществе люди почти всегда тесно связаны с событиями и людьми, находящимися за пределами их частной жизни. На этом этапе развития общества положение индивидов строго определено: «У всякого имеется некто, стоящий над ним, в чьем покровительстве он нуждается, и некто, находящийся ниже его самого, от кого он может требовать сотрудничества»⁶. В демократическом индустриальном обществе обязанности каждого индивида перед всем человечеством осознаются значительно сильнее, но вот четко детерминированных отношений, аналогичных существующим в традиционном обществе, там куда меньше. В итоге, по Токвилю, «чувства, влекущие людей друг к другу, становятся не столь крепки»⁷, то есть социальные связи ослабевают.

Данная теория во многом схожа с концепцией Дюркгейма, посвященной солидарности⁸. По Дюркгейму, социальная солидарность подразделяется на два типа – механическую и органическую,

превалирующие в традиционном и индустриальном обществах соответственно. При доминировании механической солидарности личность буквально поглощается коллективом, а в обществе доминирует коллективное сознание. На смену такому «архаическому» типу солидарности, характерному для традиционных обществ, приходит прогрессивная органическая солидарность, при которой каждый индивид уже рассматривается как личность. Признавая достоинства и важность органической солидарности, Дюркгейм, тем не менее, отмечал важность укрепления и социальных связей и развивал идею создания профессиональных корпораций.

Многие исследователи XX в. связывали развитие и распространение индивидуализма с научно-техническим прогрессом. Так, американский психолог Джером Брунер отмечает противоположность коллективистских ценностей (свойственных для традиционных обществ) и индивидуалистических настроений (актуальных в XX в.). По мнению Брунера, именно вера человека в свои силы, в возможность управлять природой и воздействовать на окружающий мир привела к развитию индивидуализма. В традиционных обществах, не имея возможности повлиять на внешние условия, люди были склонны к коллективному образу жизни и единству с окружающей средой. В то же время, став хозяевами своей судьбы в индустриальном мире, люди обнаружили в себе склонность к индивидуализму⁹.

Здесь также следует отметить и роль урбанизации, идущей параллельно индустриализации, в становлении индивидуализма. Как отмечает Луис Вирт в работе «Урбанизм как образ жизни», «...контакты в городе, даже если происходят лицом к лицу, являются безличными, поверхностными, мимолетными и сегментарными. Скрытность, равнодушие и безразличный вид, проявляемые горожанами во взаимоотношениях друг с другом, можно, таким образом, рассматривать как средства, помогающие им оградить себя от личных притязаний и ожиданий других»¹⁰. Роберт Парк также подчеркивает смену ценностных ориентаций жителей города и движение в сторону индивидуализма: «Крестьянин, который приезжает в город, чтобы работать и жить там, несомненно освобождается от контроля обычаев своих предков, но вместе с тем его больше не поддерживает коллективная мудрость крестьянской общины. Он теперь сам по себе»¹¹.

Оригинальную и неоднозначную теорию, объясняющую возникновение и распространение индивидуалистического стиля жизни, предложил канадский культуролог Маршалл Маклюэн.

В соответствии с теорией Маклюэна характер социума и человеческого взаимодействия определяются способом и характером коммуникации, используемыми в данном обществе. «Духовный и материальный прогресс человечества определяют не орудия труда или освоение природы, не экономика, политика или культура, а технология социальной коммуникации, т. е. коммуникационные каналы, которыми располагают люди»¹², – отмечает канадский культуролог. В работе «Галактика Гутенберга» исследователь анализирует, каким образом печатная культура изменила характер мышления и стиль жизни человека, и приходит к выводу, что технология печати также стала одной из первых технологий массового производства и во многом способствовала становлению технологических процессов, а затем и «унифицированной товарной культуры»¹³. Кроме того, Маклюэн отмечает, что «книгопечатание явилось средством и основанием развития индивидуализма и общественного самовыражения. Более того, оно способствовало воспитанию традиций частной собственности и приватности, а также наглядному проявлению разнообразных форм “замкнутости”»¹⁴.

Этнометрические исследования индивидуализма

Во второй половине XX в. индивидуализм стал привлекать все большее внимание социологов и социальных психологов. Стоит отметить, что качественные исследования сформировали убеждение в том, что в странах Запада преобладают индивидуалистические ориентации, а на Востоке доминируют ценности коллективизма. Впервые количественное сравнение различных культур по этому параметру было проведено голландским психологом Гиртом Хофстедом¹⁵. Под индивидуализмом Хофстед понимал «показатель того, предпочитают ли люди заботиться о себе и собственных семьях, либо имеют склонность объединяться в некие группы, которые несут ответственность за человека в обмен на его лояльность к группе»¹⁶. В результате широкомасштабных исследований было выявлено, что наиболее «индивидуализированными» оказались такие страны, как США, Австралия и Великобритания. Уровень индивидуализма в этих государствах составил около 89–91 балла из 100 возможных. Большинство стран континентальной Европы также оказались «индивидуализированными», хоть и не в такой степени, как англосаксонские государства. Так, в Италии параметр равен 76, во Франции – 71, в Норвегии – 69, в Швейцарии – 68, в

Испании – 51. Наша страна, оказалась куда более «коллективистской», по сравнению с Европой и Северной Америкой: исследователи оценили уровень индивидуализма в России в 39 баллов. В то же время страны Азии продемонстрировали еще больший уровень коллективизма. Так, в Китае параметр индивидуализма составил 20 баллов, в Таиланде – 20, в Тайване – 17, в Пакистане – 14.

Исследования Хофстеда сразу получили признание и послужили стимулом для развития других методик исследования характеристик различных культур. Достаточно широкую популярность приобрели исследования Фонса Тромпенаарса. Методология исследования Тромпенаарса существенно отличается от методологии, используемой Хофстедом, что накладывает некоторый отпечаток на результаты. Так, в соответствии с результатами исследования¹⁷, наиболее «индивидуализированным» государством оказался Израиль с 89 баллами из 100. США и Канада вполне закономерно занимают высокие позиции в списке, однако, что удивительно, Великобритания оказывается на двенадцатой позиции с 61 баллом, уступая многим государствам Центральной Европы. Не менее удивительным оказывается и тот факт, что с Великобританией соседствует Россия, набравшая по методологии Тромпенаарса 60 баллов. В остальном же никаких неожиданностей не происходит – азиатские государства остаются «коллективистскими», набирая по шкале индивидуализма не более 45 баллов. Так, в Китае параметр, характеризующий уровень индивидуализма, равен 41, в Японии и в Индонезии по 38.

Легко заметить, что разные методики сильно различаются в деталях, однако в целом прослеживается явное разделение на индивидуалистический Запад и коллективистский Восток. При этом место России в этой системе координат крайне неоднозначно: после перестройки и распада СССР в россиянах гораздо ярче проявляется индивидуализм.

Индивидуализм в западном обществе

Конец XX в. был ознаменован высоким ростом индивидуализма, и многие ученые, эксперты и общественные деятели выражали серьезную озабоченность в связи с низким уровнем альтруистических и солидаристских ценностей, превалированием эгоистических мотиваций и гипертрофированным индивидуализмом.

Так, социолог Энтони Гидденс¹⁸ с опасением фиксирует переход к «жизненной политике», ориентированной на выбор жиз-

ненного стиля и реализацию личных проектов, а не коллективных. Ульрих Бек¹⁹ находит корни распространяющейся индивидуализации в социальной структуре и подчеркивает, что «современное общество интегрирует человека в свои функциональные системы не как целостную личность, наоборот, оно в гораздо большей степени вынуждено, чтобы индивиды были как раз не интегрированы, а принимали бы в нем участие лишь частично и эпизодически в качестве перманентных странников среди функциональных миров»²⁰. Французский социолог Жиль Липовецки в интервью «Независимой газете» подчеркивает, что борьба за коллективистские ценности осталась в прошлом, а сегодня «люди будут искать индивидуальное решение своих индивидуальных проблем. Люди пойдут к психоаналитику, отправятся в путешествие или примут какие-то препараты от депрессии скорее, чем затеют революцию»²¹.

Рассуждая о современном индивидуализме, нельзя обойти вниманием польского социального философа Зигмунта Баумана. В работе «Текущая современность» ученый отмечает, что «современное общество существует в непрерывной “индивидуализации”»²². При этом, как подчеркивает Бауман, «несомненно, теперь, как и прежде – в текучей и легкой, так же как в твердой и тяжелой стадии современности, – индивидуализация – это судьба, а не предмет выбора. В царстве индивидуальной свободы выбора возможность избежать индивидуализации и отказаться от участия в индивидуализации не предусмотрена»²³. В работе «Свобода» Бауман также отмечает, что западный индивидуализм дает импульс «смотреть на “собственное я” как на предмет нежной заботы и культивации»²⁴. Показательно, что социолог не видит выхода из сложившегося положения и уверен в том, что «индивидуализация укоренилась навек»²⁵. Таким образом, к началу XXI в. большая часть научного сообщества укрепила во мнении, что западный мир будет и дальше развиваться в соответствии с концепцией «индивидуализированного общества».

Виртуальные общности

Однако в первых десятилетиях XXI в. мы видим не тотальное разобщение людей, а наблюдаем формирование новых общностей, создаваемых теми самыми «индивидуалистами», только уже в виртуальном пространстве.

Первые интернет-сообщества появились в начале 1990-х годов, однако на тот момент участвовать в них могли лишь немногие из-за высокой стоимости доступа к Интернету. В 2000-х годах си-

туация стала принципиально меняться, и сегодня, по данным International Telecommunication Union, Интернетом пользуются уже более 2 млрд человек. Доступ ко Всемирной сети стал дешевым в большинстве государств, при этом в Интернет можно попасть не только через персональный компьютер, но и с помощью гораздо более дешевого сотового телефона.

Очень показательным, что самым популярным видом активности в Интернете сегодня стало общение в виртуальных сообществах, а именно – в социальных сетях. Первый социальный сервис подобного рода – Classmates.com – возник еще в 1995 г. и оказался весьма успешным. Однако настоящий бум социальных сетей начался в 2003–2004 гг. с появлением таких сайтов, как MySpace, LinkedIn, Twitter и, разумеется, Facebook, который является самой популярной соцсетью в мире и, по данным checkfacebook.com, насчитывает более 850 млн уникальных пользователей. Другими словами, почти каждый второй интернет-пользователь зарегистрирован в Facebook!

Подобные интернет-ресурсы ориентированы на презентацию идентичностей пользователей и в короткий срок стали очень востребованы. Ключевым идентификатором пользователя соцсети является личный профиль, содержащий персональную информацию, на основании которой участники сервиса находят своих друзей и знакомых. Как правило, участники социальной сети – те самые западные «индивидуалисты», стремящиеся к уединению, – охотно указывают свое имя и фамилию, дату и место рождения, место учебы и работы, а также выкладывают личные фотографии.

Надо сказать, что общение в социальных сетях предельно интенсивно. Участники не просто «видят» друг друга на сайте, но и постоянно коммуницируют: обновляют статусы, добавляют фотографии, оставляют комментарии к фото- и видеоконтенту, пишут друг другу сообщения, рекомендуют какие-то продукты и т. д. Подобное поведение наталкивает на мысль о том, что для предельно индивидуализированных и разобщенных индивидов социальные сервисы выполняют функцию виртуального «места встречи».

В данном случае уместно вспомнить высказывание Маршала Маклюэна о том, что «решение человека модифицировать используемую им визуальную технологию посредством обращения к технологии электрической неизбежно приводит к трансформации индивидуализма»²⁶. Показательно, что Маклюэн не говорит о редукции индивидуализма и замене его новой формой «виртуального коллективизма» – не следует тешить себя надеждами о становле-

нии социума с «коллективистскими ценностями», основными целями участников нашего общества остается личное благосостояние и индивидуальная успешность. Скорее имеет смысл говорить о том, что «воздействие новой электрической технологии формирует... потребность в тотальной взаимосвязи и взаимозависимости людей»²⁷. И, учитывая все более активную экспансию цифровой техники, можно предположить, что эта тенденция продолжится.

Примечания

- ¹ Андреев А., Селиванов А. Западный индивидуализм и русская традиция [Электронный ресурс] // Сайт «Библиотека Гумер» URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/and_zapind.php (Дата обращения 12.04.2012).
- ² Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2000.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда М.: Наука, 1991.
- ⁹ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
- ¹⁰ Вирт Л. Избранные работы по социологии. М., 2005. С. 93–118.
- ¹¹ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М., 2005. С. 496.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Латова Н., Латов Ю. Этнометрические подходы к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей. [Электронный ресурс] // Сайт «Инновационная образовательная программа». [М.: 2007] http://ior.rea.ru/UserFiles/ior/megorg/extra/latov_ve.pdf (Дата обращения 13.04.2012).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Trompenaars F. Resolving International Conflict: Culture and Business Strategy // London Business School. 1996. Vol. 7; Trompenaars F., Hampden-Turner Ch. When Two Worlds Collide // Intercultural Management Consulting. 2000. Vol. 3.
- ¹⁸ Giddens A. Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. Stanford, 1991. P. 245.
- ¹⁹ Бек У. Собственная жизнь в развязанном мире: индивидуализация, глобализация и политика. [Электронный ресурс] // Сайт факультета социологии Санкт-

Петербургского государственного университета [М.: 2010]. http://hq.soc.ru/publications/pts/bek_3.shtml (Дата обращения 12.04.2012).

²⁰ Там же.

²¹ Интервью Липовецки Ж. «Анатомия роскоши» [Электронный ресурс] // Сайт «Независимой газеты» http://www.ng.ru/saturday/2007-04-27/18_anatomy.html (Дата обращения 13.04.2012).

²² *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

²³ Там же.

²⁴ *Бауман З.* Свобода. М.: Новое издательство, 2006.

²⁵ *Бауман З.* Текучая современность.

²⁶ *Маклюэн М.* Указ. соч.

²⁷ Там же.

ABSTRACTS

N.V. Romanovskiy

THE “NEW” AND “OLD” INTELLIGENTSIA: CONTINUING THE THEME

Analyses the role of national elite (for the entire period of the existence of this social stratum) in the chain of events in the history of Russia. The conclusion is that the core group of intellectuals have failed to withdraw from the country a series of tragedies and disasters specific to the history of Russia in the XIX–XXI centuries. Identified and discussed some of the essential features of the old and the new intelligentsia contributed to this course of history.

Key words: old intelligentsia, new intelligentsia, Modern History of Russia, features of intelligentsia, forming of intelligentsia.

N.M. Velikaya, A.A. Goloseyeva

ACTUAL ARTS IN THE CULTURAL SPACE OF MODERN RUSSIA: SOCIOLOGICAL APPROACH

Features of institutionalisation and self-presentation of different forms and types of actual art in modern Russia has been analysing in this article. Grounded on experts interviews main criteria of actual arts were marked out. Finding out peculiarities of contemporary art, authors pay attention to the social context of actual arts, reasons of its radicalisation and appearance zones of conflicts during process of perception. It is shown that interaction and provocative character of contemporary arts create special communicative environment, which let to include audience in to creation.

Key words: sociology of art, contemporary art, cultural projects, and art objects.

F. Sacca

GLOCALISM OF POLITICAL CULTURES

This article is a translation of an article of Italian sociologist Prof. F. Sacca on the problem of the glocality of political culture.

Key words: communication, political culture, globalism and localism.

I.N. Babich

READING AS A MEAN OF SOCIALIZATION IN A TRANSFORMING SOCIETY

In order to adapt the young generation in the changing world it is necessary to have skills of working with complex information and knowledge gained through reading. Coordinated development and implementation of the policy of reading, the combined action of government agencies and NGOs is implemented in the activities under the synergetic paradigm. The result of a social experiment to introduce the theory of self-organisation in the training and education in schools, aimed to develop creative and intellectual skills, readers and philological culture of students and teachers, is a formation of a holistic picture of the world and an understanding of social and cultural importance of reading for all participants in the educational process.

Key words: socialisation, adaptation, reader's competence, culture of reading, responsibility, cooperation, self-organisation, reflection.

S.S. Kasatkin

FEATURES OF MASS MEDIA OPTIONS IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

The mass media, like newspapers, radio, television and Internet, is the most powerful and proven way to impact on the citizens' mind and to form a public consciousness. However, different historical periods of the mass media have different forms. For example, the Soviet and Russian periods are distinguished with the media set and their concept.

Key words: Mass media, Soviet and post-Soviet period, the media, the Internet Mass Media in Russia.

I.V. Vorobyeva

PARADOXES OF THE PRINCIPLES OF THE BOLOGNA
PROCESS IN RUSSIAN EDUCATIONAL SPACE

In the article the features of the implementation of the Bologna process in the country's system of higher education. The author makes an attempt to analyze how the principles underlying the Bologna system, find their realization in the Russian educational space.

Key words: system of higher education, education and the Bologna process.

N.I. Belova

THE FORMATION OF HEALTHY LIFESTYLE
OF THE POPULATION IN THE FRAMEWORK
OF THE INSTITUTE OF PUBLIC HEALTH:
CONDITION, CONTROVERSIES, PROBLEMS

One of the strategic goals of the state social policy is to create conditions that orient citizens to a healthy lifestyle (HLS). The article presents the results of the two-year monitoring of the activity of Health Centers in Moscow. Also, it describes the main problems and contradictions on the healthy lifestyle among the population through social events.

Key words: health, healthy lifestyle, healthcare, Health Centers.

S.M. Tishchenko

VALUE FOCUS OF THE REPUBLIC OF SOUTH AFRICA
IN GLOBAL AND REGIONAL CONTEXTS

Provides comprehensive analysis of basic human values among population of the South African Republic taking into account civilizational and regional features. The work is based on data collected from "World Values Survey" project and author's personal interviews conducted in South Africa in 2010. Fundamental human values in the areas of religion, family and work are identified and analyzed together with their deviations from traditional beliefs. The analysis is also taking into account country's high rates of economic development and integration of South Africa into world's fast growing group of large countries – BRICS.

Key words: population of the Republic of South Africa, basic human values, family values, religious values, work values, cross-cultural analysis, cross-cultural communication.

I.O. Shevchenko

SOCIAL NETWORKS AND THE PRACTICE OF MUTUAL HELP IN FAMILIES WITH YOUNG CHILDREN

The article considers social networks and the social practice of mutual aid in Russian families with small children.

The identification of mutual aid types and its directions is based on empirical data. The participants of the process are named and their activity in network interactions is described and calculated.

Key words: families with children, social networks, tangible and intangible transfers, interchange, mutual aid.

J.V. Kravchenko

STABILITY OF A YOUNG RURAL FAMILY IN SOCIAL AND ECONOMIC SPACE OF THE REGION (ON RESEARCH MATERIALS IN THE ROSTOV REGION)

The article is sanctified to the analysis of socio-economic position of young family in a region, and his influences on domestic stability taking into account the specific of rural space.

Key words: adaptation, young family, social economic space, stability of a family, family budget.

A.S. Kormilets

STATUS OF YOUNG PEOPLE WITH DISABILITIES IN THE CITY OF MOSCOW: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The article deals with the problems of life of young Muscovites who find themselves in a difficult situation due to disability. Social structure, the cause of disability, socio-demographic characteristics of people with disabilities in Moscow analyzed in the context of regional social policy.

Key words: social protection, the disabled, young people with disabilities, the life activity of young people with disabilities.

M.O. Vlasov

PROFESSIONAL FOOTBALL AS A FACTOR IN THE CIVIL
AND PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH

In this paper the concept of “patriotism” and “patriotic education” are considered in the context of contemporary Russian sports. It is shown that a special role in the patriotic and civic education of young people is such an affordable, popular and popular game like football.

Key words: patriotism, patriotic education, civic education, sport, football.

E.A. Kolosova, O.A. Gurkina

ON THE RELEVANCE OF THE STUDY
OF CHILDHOOD IN SOCIOLOGY

The authors refer to the study of childhood in this changing society. New developments and practices arising in childhood, cause childhood learning relevant to sociology. A brief review of studies on various aspects of children’s lives is brought: education, family, and the risks associated with computerization. Substantiates the applicability of the sociology of childhood for a comprehensive study of the situation of children in today’s society.

Key words: sociology of childhood, new phenomena, children, transformations.

S.N. Maiorova-Scheglova

TRENDS OF CHANGE OF EDUCATIONAL PRACTICES
IN RUSSIA: ATTEMPTS OF DELPHI-METHOD’S USAGE
IN MEDIUM-DATED FORECAST

The article presents the main results of medium-dated forecast of educational practices in contemporary Russia. Based on a expert-survey held in 2008 about trends in education of children in society and in families. Particularly described the procedure and methodology of forecast research thru Delphi-method.

Key words: education, family, childhood, children, forecast, Delphi-method, the state policy for children, sociology of childhood.

S.V. Pavlov

TV-VIEWING IN THE STRUCTURE LEISURE
OF TEENAGERS AND YOUNG IN MODERN RUSSIA:
SOCIOLOGICAL ANALYSIS.

This article attempts to analyze the structure of the modern leisure among juvenile groups, and understand the place television occupies in the structure.

Key words: entertainment, television, teenagers, internet, social networks.

A.U. Gubanova

ADOLESCENTS IN THE INTERNET-ENVIRONMENT:
COMMUNICATION, READING, BEHAVIOR

The article discusses the types of adolescents' behavior in the new information environment. Special attention is paid to teen's reading, communication (forms and types), search subjectes on-line.

Key words: children, adolescents, behavior, Internet, on-line, communication, reading.

A.A. Zhirikova, A.V. Sychev

CHILDREN'S PUBLIC ORGANIZATIONS AS AN ELEMENT
OF THE INSTITUTE OF CIVIL SOCIETY IN MODERN
RUSSIA: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The article is devoted to the children public organizations, which, from the author's point of view, are the essential part of the modern Russia civil society building. Attention is specifically drawn to the problems of above mentioned organisations, such as maldistribution over the country, ways of creation, resources support and cooperation with the authorities.

Key words: children, children's associations, children's public organizations, children's movement, family, socialization, social adaptation, adaptation mechanisms, civil society, leadership, power, resources support.

V.P. Tkach

SOCIAL ASPECTS OF MEDIA CONSUMPTION OF CHILDREN UNDER THREE YEARS

The article deals with the social aspects of media consumption of children under three years based on the analysis of expert interviews of parents. Special attention is given to the factors influencing the amount of children's media consumption, and mastering the skills of interaction with the media.

Key words: media consumption, children under three years old, parents, expert interviews, media.

A.V. Strelnikova

SOCIAL MAPPING: THE EVOLUTION OF THE METHOD

In this article author examines the social mapping as one of the multi-disciplinary techniques, which is currently experiencing a surge of interest of researchers. The overall atmosphere of this increased interest is the increasing "visibility" of the social world in general. It is noted that modern information technologies can create multidimensional, interactive maps. The possibility of their usage is now beyond the social geography and urban sociology, and covering almost all areas of daily life.

Key words: social mapping, urban sociology, drawing techniques, interactive maps.

A.V. Kuchenkova

ATTITUDES TOWARD THE RIGHT TO PROTEST ACTIONS IN DIFFERENT COUNTRIES: AN EXPERIENCE OF SECONDARY ANALYSIS

The article examines the interaction between attitudes toward the right to protest and types of political culture in 32 countries from a comparative perspective. Method of data analysis is qualitative comparative analysis (QCA).

Key words: the right to protest actions, political culture, qualitative comparative analysis.

G.V. Baranova, A.A. Baranov

SOCIAL ACTIVITY (METHODOLOGICAL ANALYSIS)

Identified factors that affect the appearance and development of social activity, its' focus on the moral-based development of social institutions, improvement of the spiritual, political, and economic life of the people. The article reveals the constructive and destructive forms of social activity.

Key words: social activity, forms of social activity, social and political activity, social tensions.

M.V. Novikov

TYPIIFICATION AS A MEANS OF A. SCHUTZ'S PHENOMENOLOGICAL SOCIOLOGY

The aim of this article is to explicate typological method's conceptual constructions, its approaches and procedure as a key means of society's cognition in phenomenological sociology.

Key words: typification, phenomenological sociology, A.Schutz, the theory of social action, face-to-face relationships.

S.V. Dokuka

SOCIAL INDIVIDUALISM IN THE INFORMATION SOCIETY

The article is devoted to the research of the phenomenon of the individualism in contemporary Western society. Author identified the reasons of the rising individualism in Western urban society. It was considered the ethnometrical data that illustrated the level of individualism in different parts of the world. The importance of the article causes to the transformations of the individualistic lifestyle that are going on in information society.

Key words: individualism, collectivity, information society, communication, social network.

Сведения об авторах

Бабич Ирина Николаевна – кандидат педагогических наук, Межрегиональная общественная организация «Женщины в науке и образовании», Москва, Россия, (119991, Москва, Ленинские горы, кафедра биофизики биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,), ibabich@mail.ru.

Баранов Александр Александрович – научный сотрудник НИИ Академии ФСО России, orel.bgv@gmail.com

Баранова Галина Васильевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник НИИ Академии ФСО России, orel.bgv@gmail.com

Белова Наталья Ильинична – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии РГГУ, n.i.belova@mail.ru

Великая Наталия Михайловна – доктор политических наук, профессор кафедры политической социологии РГГУ, velik69@mail.ru

Власов Максим Олегович – аспирант кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, vlasovmax2010@yandex.ru

Воробьева Ирина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии РГГУ, vorobyova.irina@list.ru

Голосеева Анна Анатольевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры политической социологии РГГУ, goloseyeva@gmail.com

Губанова Александра Юрьевна – главный специалист отдела социологических исследований Российской государственной детской библиотеки, gubanova@rgdb.ru

Гуркина Ольга Алексеевна – соискатель кафедры прикладной социологии, Российский государственный гуманитарный университет, bazinao@gmail.com

Докука София Владимировна – аспирантка социологического факультета РГГУ, dokuka@inbox.ru

Жирикова Анна Андреевна – студентка 5 курса социологического факультета РГГУ, zhirikova.anna@gmail.com

Касаткин Сергей Сергеевич – аспирант кафедры политической социологии РГГУ, маркетолог по системе распространения в «Коммерсантъ» ИД, kasatkinss@yandex.ru

Колосова Елена Андреевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, the_shmiga@mail.ru

Кормилец Александр Сергеевич – аспирант кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, velik69@mail.ru

Кравченко Юлия Владимировна – выпускница факультета социологии и политологии Южного федерального университета, аспирантка факультета социальной работы Новочеркасской государственной мелиоративной академии, varvara240486@rambler.ru

Кученкова Анна Владимировна – старший преподаватель кафедры прикладной социологии РГГУ, a.kuchenkova@rggu.ru

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, sheglova-s@yandex.ru

Новиков Михаил Алексеевич – преподаватель социологического факультета РГГУ, novikov8484@mail.ru

Павлов Станислав Владленович – аспирант кафедры прикладной социологии РГГУ, stasstars@rambler.ru

Романовский Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ.

Сакка Фламиния – доктор политических наук, профессор университета Тушия, Витербо (Италия), flaminia.sacca@fastwebnet.it

Стрельникова Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, nenauka@gmail.com

Сычев Андрей Витальевич – аспирант Института международных социально-гуманитарных связей, заместитель начальника планово-экономического отдела государственного бюджетного учреждения «Дом детских общественных объединений», a_v_sychev@inbox.ru

Тищенко Светлана Михайловна – младший научный сотрудник Института Африки РАН, аспирантка РГГУ, livess@yandex.ru

Ткач Валерия Петровна – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры журналистики РГГУ, эксперт «аналитического центра «Видео Интернешнл», vtkach@vitpc.com

Хафизова Лиана – соискатель кафедры теории и истории социологии РГГУ, lianaliana@mail.ru

Шевченко Ирина Олеговна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии организаций и социальных технологий социологического факультета РГГУ, sheviren@yandex.ru

General data about the authors

Babich Irina – The Interregional Public Organization “Women in Science and Education”, Chair of biophysics of Biological faculty of the Moscow State University of a name of M.V. Lomonosova, the scientific secretary, the candidate of pedagogical sciences (1999, Russia, Moscow, Lenin mountains), ibabich@mail.ru

Baranov Alexander – researcher of NII Academy FSO of Russia, orel. bgv@gmail.com

Baranova Galina – Ph.D. in Sociology, senior researcher of NII Academy FSO of Russia, orel. bgv@gmail.com

Belova Natalia – Ph.D. in Sociology, associate professor, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, n.i.belova@mail.ru

Goloseyeva Anna – Ph.D. in History senior lecturer, Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, e-mail: goloseyeva@gmail.com

Gubanova Alexandra – applicant, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, chief specialist of department of sociological researches of Russian State Children’s Library, gubanova@rgdb.ru

Gurkina Olga – applicant, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, bazinao@gmail.com

Dokuka Sofia – postgraduate student, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, dokuka@inbox.ru

Kasatkin Sergey – postgraduate student, Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, kasatkinss@yandex.ru

Khafizova Liana – applicant, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, Lianaliana@mail.ru

Kolosova Elena – Ph.D. in Sociology, associate professor, Department of Theory and History of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, the_shmiga@mail.ru

Kormilets Alexander – postgraduate student, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, velik69@mail.ru

Kravchenko Julia – the graduate of Faculty of Sociology and Political Science of the Southern Federal University, postgraduate student of Faculty of Social Work of NGMA (Novocheboksarsk State Meliorative Academy), varvara240486@rambler.ru

Kuchenkova Anna – senior lecturer, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, a.kuchenkova@rggu.ru

Maiorova-Sheglova Svetlana – Dr. in Sociology, professor, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, sheglova-s@yandex.ru

Novikov Michail – lecturer, Faculty of sociology, Russian State University for the Humanities, novikov8484@mail.ru

Pavlov Stanislav – postgraduate student, Department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, stasstars@rambler.ru

Romanovskiy Nikolay – Dr. in Sociology, professor, Department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities.

Sacca Flaminia – Ph.D., professor, University Tushiya, Viterbo (Italy),
flaminia.sacca@fastwebnet.it

Shevchenko Irina – Ph.D. in History, associate professor, Department of
Sociology of Organisations and Social Technologies, Russian State
University for the Humanities, sheviren@yandex.ru

Strelnikova Anna – Ph.D. in Sociology, associate professor, Department
of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities,
professional@post.ru

Sychev Andrey – postgraduate student, Institute for International So-
cio-cultural ties, Deputy Head of Planning and Economic Depart-
ment of the State Organization “House of children’s organisations”,
a_v_sychev@inbox.ru

Tishchenko Svetlana – junior researcher, Institute for African Studies of
the Russian Academy of Sciences, postgraduate student, Russian
State University for the Humanities, livess@yandex.ru

Tkach Valeria – Ph.D. in Sociology, lecturer, Department of Journalism,
Russian State University for the Humanities, expert of Analytical
center “Video International”, vtkach@vitpc.com

Velikaya Natalia – Dr. in Politics, professor, Department of Political
Sociology, Russian State University for the Humanities, velik69@
mail.ru

Vlasov Maksim – postgraduate student, Department of Applied Soci-
ology, Russian State University for the Humanities, vlasovmax@
yandex.ru

Vorobyeva Irina – Ph.D. in Sociology, associate professor, Department
of Theory and History of Sociology, Russian State University for
the Humanities, vorobyova.irina@list.ru

Zhirikova Anna – 5th-year student, Faculty of Sociology, Russian State
University for the Humanities, zhirikova.anna@gmail.com

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *Л.И. Корнеева*

Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 17,3. Уч.-изд. л. 18,1
Тираж 1050 экз. Заказ № 36

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru